

**ТРАФАРЕТ
ВЕЧНОСТИ**

Прихоть судьбы связала жизни врача Фёдора Беляева, советника юстиции Ирину и Кузьму — палеонтолога, по совместительству — ведьмака. Мало кто знает, что задумчивый врач и вовсе не человек. Но разве друзьям важно — человек ты или птица? Теперь они вместе ведут расследование странных происшествий, защищают город от сил зла. Встречают новых друзей и теряют старых. И помнят. И забывают. Но все равно, надеются.

ТРАФАРЕТ ВЕЧНОСТИ

— Вы — не Достоевский, — сказала гражданка, сбиваемая с толку Коровьевым.

— Ну, почему знать, почему знать, — ответил тот.

— Достоевский умер, — сказала гражданка, но как-то не очень уверенно.

— Протестую, — горячо воскликнул Бегемот, — Достоевский бессмертен!

— Ваши удостоверения, граждане, — сказала гражданка.

Михаил Булгаков.

Мастер и Маргарита.

Рождение легенды.

Лохматая, со включенной густой рыжей шерстью, лупоглазая шишимора вылезла на валун, стоящий у самой кромки воды, с единственной целью — всласть понежиться на нагретом солнцем камне. Майское солнце грело слабо, и шишимора долго возилась на покато камне, пока не устроилась, удобно свернувшись клубком и засунув длинный нос с выступающими передними зубами, глубоко в шерсть.

Проснувшись она оттого, что кто-то чесал ее за ушами и приговаривал:

— Кисонька, кисонька... Ты откуда здесь, кисонька?

Шишимора пошевелила ушами, подняла голову и увидела перед собой молодую красивую девушку, а вокруг нее немалую толпу людей в пестрых и слишком ярких, на взгляд шишиморы, узорах.

Она села на задние лапы и почесав ручонками нос, спросила хриплым со сна голосом:

— Ты кто?

Ответом ей стал истошный визг испуганной княжны Меньшиковой. Шишимора, решив, что это какая-то новая игра, завизжала еще истошнее, чем привлекла внимание других разнаряженных в пух и прах дам, и, подпрыгнув, ловко ухватила с шеи ближайшей девицы жемчужную нитку. Застежка рванулась, перлы брызнули во все стороны, шишимора закудаhtала от восторга, любясь летящими блестящими шариками.

— Черт! Батюшки, черт!

Вокруг, с визгом, разбегались княжны и боярыни, а шишимора подпрыгивала на камне и повторяла за остальными:

— Щерть! Щерть, басюшки!

Но новая игра ей скоро надоела, и она юркнула в нору под камень, переждать переполох.

Длился он, впрочем, недолго. Когда толпа, донельзя напуганная появлением «нечистой силы», услышала плеск весел, а чуть позже топот приближающегося кортежа, а затем и увидела простой кожаный возок, запряженный четырьмя гнедыми, то успокоилась, как по мановению руки — приезд царя был страшнее не то что одного, а ста чертей.

Петр Алексеевич вышел из возка, подошел к уже начатому фундаменту Петропавловской крепости, покивал головой и сказал:

— Здесь же будет явлено...

Что именно будет явлено, царь сказать не успел, как над ним пролетела золотистая роскошная птица, покружилась над толпой и плечо помазанника божия украсилось здоровенным пятном свежего птичьего помета.

— Вот ведь чертов орел! — пробормотал Светлейший князь Меньшиков, батистовым платочком пытаясь стереть такое неподобие с плеча царя.

— Ничего, ничего, к деньгам, царь-батюшка! — весело осклабился Балакирев, царский шут, неизвестно зачем прибывший со своим господином на этот дикий остров. Петр только недовольно отмахнулся.

В этот момент с ясного неба, оттуда, где пролетела несносная птица, медленно кружа, упало роскошное ало-золотое перо и вонзилось своим кончиком точнехонько в центр Меньшиковского парика, сделав его похожим на шлем с плюмажем.

Петр поднял руку, выдернул перо и, внимательно осмотрев, задумчиво сказал:

— Нет, это не орел был... С таким-то хвостом... Ни разу ни одного орла здесь и не видывал.

Шишимора смотрела на все это из-под камня, внимательно слушала, шевеля острыми, подвижными ушами, а потом соскучилась и уснула, свернувшись в такой хитрый узел, что стала похожа на болотную корягу.

Выспавшись под камнем, шишимора проснулась и побежала рассказывать про невиданные дива своим сестричкам, что жили под другими валунами и такого, конечно, и в снах не видывали. Жемчужину, оторванную от ожерелья, она крепко сжимала в кулачке, до остальных, рассыпанных, ей дела не было. А вот то, что прилетела в их края птица-солнце, шишимора запомнила крепко.

Глава 1.

Над Санкт-Петербургом начиналось утро. Небо было черное, но в его глубине уже происходило что-то, что позволяло предположить скорый приход солнца. По влажной мостовой улицы Льва Толстого шел молодой человек.

Выше среднего роста, крепкого телосложения, он был одет в спецназовскую форму без знаков отличия, но было видно, что носит он ее по праву. В левой руке у него была объемистая спортивная сумка, нес он ее очень легко. Несуетливой, но уверенной поступью, он прошел во двор медицинского университета и пошел вглубь парка. Дойдя до большого флигеля, он заглянул в освещенное окно полуподвала. Затем постучался в стекло.

В помещении огромного полуподвала, испокон веков принадлежавшего кафедре гистологии, было не повернуться от различного химического оборудования, огромного старого холодильника, коробок с медицинскими препаратами, плакатов самого устрашающего вида, муляжей различных травм и патологий, а также огромных прозрачных бутылей, на первый взгляд казавшихся пустыми. В центре комнаты стоял лабораторный стол-стойка с раковиной, многочисленными бунзеновскими горелками и микроскопами, заваленный разнообразным барахлом. У одного его края, очищенного от бумаг, микропрепаратов, скальпелей и прочих медицинских атрибутов, сидели четверо мужчин разного возраста.

Самый старший из них — красивый мужчина лет сорока, с пронзительным взглядом огромных серо-зеленых глаз, сидел чуть в стороне от стола — длинные ноги мешали ему придвинуться вплотную. Он, несколько насмешливо, наблюдал за тем, как трое его более юных коллег сосредоточенно ели пельмени по очереди из общей миски, и не менее сосредоточенно запивали эту, с позволения сказать, еду, прозрачной жидкостью из граненых стаканов.

— Федор Михайлович, Ваша очередь, — сказал самый молодой из врачей, парень лет двадцати.

Федор Михайлович кивнул и ловко ухватил из миски пельмень, а затем откинулся на своем стуле. Процесс питания восстановился. Так продолжалось несколько раз, пока Федор не махнул рукой — ешьте, молодежь разрешением воспользовалась и, наконец, в тарелке остался только один пельмень. Все вопросительно посмотрели на старшего, но он не успел подать никакого знака — раздался стук в окно. Федор изогнулся тем особенным способом, который знают все хорошие фехтовальщики, и заглянул в окошко, не отрываясь от стула.

— О! Кузя! Иди к нам! — он приглашающе махнул рукой.

Парень кивнул и исчез из оконного проема. На самом деле этот обмен любезностями через окно был простой формальностью — молодой человек был желанным гостем Федора, учеником и, практически, его родственником. Федор нашарил за спиной старый телефон, набрал короткий номер, кашлянул и заговорил извиняющимся тоном:

— Елена Владимировна! Доброй ночи! Вас Беляев беспокоит...

Из трубки донесся энергичный старушечий голос:

— Доброе утро, Феденька! Четвертый уж час! Кроме тебя с твоими нехристями в здании и нет никого! — Елена Владимировна была женщина строгая, дисциплину уважала и болтающихся без дела врачей не одобряла в принципе.

— Ах, вот как... Мне очень жаль беспокоить вас просьбами в такой час... — елеинно начал Федор.

— Да идет Кузьма, идет. Уж пушу его, — к Кузьме Елена Владимировна питала настоящую слабость.

— Спасибо, спасибо, дражайшая Елена Владимировна! — обрадовался Федор.

— Спасибо на стол не поставишь! Причитается с тебя, Федя, — намекнула суровая вахтерша на единственную ценность, которой обладал Федор в своей лаборатории.

— Чуть что, так сразу! — радостно возвестил Федор, благо ректификаата в лаборатории было навалом.

Через несколько мгновений в комнату вошел Кузя. В электрическом свете подвала стало видно, что этот смуглый русоволосый парень не так молод, как кажется. Нет, на самом деле на вид лет ему было не более тридцати, но в зелено-карих глазах было странное выражение, присущее долго жившим и много видевшим людям.

— Как вы не боитесь дракониху на входе?! — в бессчетный раз риторически спросил в пространство Кузьма вместо приветствия.

Слабость, что питала к нему строгая Елена Владимировна, вызывала в нем чувство некоей неловкости. Под приветственные бормотания врачей, он пожал всем руки, хлопнув Федора, вместо рукопожатия, по запястью. Руки Федор берег, без надобности никому не протягивал.

— Боимся, как ее не бояться, — ответил здоровый широкоплечий парень, Михаил, в котором даже при хорошем воображении нельзя было заподозрить великолепного пластического хирурга, которым тот являлся.

— Пельмешку хочешь? — гостеприимно предложил Кузе молодой хирург-ортопед, Алексей, кому досталась очередь съесть последний пельмень. Злые языки говорили, что хирург он отвратительный, просто переломы от прикосновения его рук сами собой срастаются, а кривые кости — выпрямляются.

— Хочу!

Кузьма подошел к столу и молниеносным движением ударил тарелку по краю. Пельмень вылетел из тарелки как пуля, и Кузя ловко схватил его на лету зубами. Врачи

понимающе переглянулись.

— Угощайтесь, — Кузя вытащил из сумки здоровенный сверток и положил на стол.

Внутри обнаружили пакеты с солеными огурцами, салом, сыром, резаный черный хлеб, жареная курица без ноги.

— Ешьте!

— Спасибо, — отозвались врачи.

— А пить есть чего? — радостно спросил Кузя.

— Открывай кран да пей! — пожал плечами Федор, — Неужели жалко дистиллята для лучшего друга?

Кузьма подошел к лабораторному столу, над которым уютно висел дистилляционный агрегат, открыл кран у бутылки с надписью «Дистиллированная вода», с интересом принялся и, до половины наполнив стакан прозрачной, как бриллиант, жидкостью, одним махом выпил ее. Поморщившись, он ухватил со стола огурец, стал с хрустом его жевать.

— Хороша у вас водичка!

На это ему никто не ответил — пока он пил, курица была разодрана в клочья и все сосредоточенно жевали. Федор, не участвовавший в дележе жареной птицы, смотрел на все это с некоторой грустью, и Кузя, в который раз удивился — почему Федор не ест кур?

— Откуда такие экологические харчи? — грустно спросил Федор, мастера себе бутерброд из сыра, сала и соленых огурцов одновременно.

— А! — Кузя махнул рукой, — Бабке полтергейст изгонял. Денег брать не стал, так она мне еды дала.

— А что до мостов-то не успел? — между укусами спросил Константин, травматолог.

Ходили слухи, что ему достаточно осмотреть пациента, как травма становилась гораздо меньше.

— Да заболтался! Бабуля балериной служила в Мариинке, сразу после революции...

— Ты сам-то поел? — спросил Михаил.

— Ага! Ногу сожрал... Думал доедим с Михалычем... А вы все, чего не дома? — ответил Кузя, хрустя огурцом.

— Леня опять девушку привел. Мы там ни к чему, — приподнял бровь Федор.

— Как ни к чему? Свечку подержать?! — притворно изумился Кузя.

— Каждый? Ох, и канделябр получится! — сказал кто-то сквозь общий смех.

Кузя налил себе еще полстакана и уселся за стол, утянув себе кусок сала.

— А чего голодные все сидите? — продолжил Кузьма допрос.

— Холодильник отключали на час, — меланхолично отозвался Федор.

Кузя понимающе кивнул:

— Препараты-то целы?

— Что им сделается... А вот еду — пришлось выбросить.

Кузя кивнул, соглашаясь — есть что-то, что лежало в хранилище тканей рядом с препаратами различных клеточных патологий и микробиологических культур без должного охлаждения, действительно, не стоило.

— Отчет принес? — таким же отрешенным тоном спросил Федор.

— Ну что можно на это ответить? — страдальчески возведя глаза к небу, спросил Кузьма, — отправляясь на заказы, я, конечно же, беру отчет и прижав его к груди...

— Как ты мне надоел, Кузя, — вздохнул Федор, — Никакого от тебя толка, морока одна. Тебе к зиме на защиту, что ты будешь им рассказывать? Про заказы? Монографию

дописал? Когда будешь ее сдавать? Вот, молодые люди, смотрите, — сказал он, обращаясь уже к врачам, — как нельзя пользоваться моим мягкосердечием. Ему в декабре на защиту, он по-наивности, думает, что это так же просто, как защитить кандидатскую, а я никак не могу заставить его написать отчет, чтобы убедиться, что он, в очередной раз, наврал в расчетах. Химии вообще не знает.

Все засмеялись, так как познания Кузьмы в химии в стенах медицинского университета были легендарны — он мог, посмотрев на кристаллы, определить их химический состав и процент примесей. Хотя для палеонтолога, которым Кузьма как раз и являлся, это не было настолько необычным.

— Вот зря вы смеетесь. Терпение мое тоже пределы имеет.

Врачи скептически переглянулись — о границах терпения Федора все имели довольно смутное представление. Каждого из них Федор в свое время выручил из немалой беды, привез в Питер, выучил на врача, еще не раз выручал, и конца этому не предвиделось.

Кузя, кому, в основном, и адресовалась эта речь, только плечами пожал. Он-то знал не понаслышке, что границ Федино терпение не имеет, во всяком случае, не в обозримых Кузьмой пределах.

Часов в семь, когда уже окончательно рассвело, доев Кузину еду, врачи выползли из подвала на божий свет.

— Почему не хотите у меня поселиться? Трехэтажные хоромы стоят пустые, — в очередной раз риторически спросил Кузьма, подразумевая, конечно, Федора.

— А ездить к семи утра каждый день? — ответил Алексей.

— И что? Я-то езджу? — с самым слабым намеком раздражения в голосе спросил Кузя, так как ему было совершенно все равно, куда и как будет добираться Алексей, хоть к утру, хоть два раза в сутки.

— Ты — сутки через трое... — задумчиво ответил Михаил.

И они лениво потянулись к станции метро «Василеостровская», перебрасываясь короткими репликами. Федор шел позади всех, Кузя рядом с ним. Говорить не хотелось, но они и так все понимали с полуслова. На всегдашний вопрос Кузьмы Федор, как всегда, не ответил.

Большая коммунальная квартира, в которой жили Федор, его коллеги и Леня, из-за которого все сегодня сидели в лаборатории, располагалась почти в самом центре города — на Литейном проспекте, в двух кварталах от Невского. Собственно, «жил» там только Федор, все остальные «приходили в гости». Общежитие, где они все были прописаны, находилось у черта на куличиках, еще дальше даже, чем Петергофские хоромы Кузьмы. Вот и приходилось всем четверым ютиться на сорока метрах Федора Михайловича, благо никто из соседей не возражал против постоянного присутствия в квартире толковых врачей. Соседи Федору достались хорошие. Их было трое — две старушки — музейщицы и старичок — реставратор. Честно признаться, эти соседи и определили выбор Беляева, когда он выбирал себе жилье. На самом деле, всем в комнате Федора было не поместиться и, фактически, все «пришлецы» жили на общей кухне.

Кухня в питерской квартире была огромная всегда, но Федор при помощи легких интриг и лести сумел добиться потрясающих результатов по увеличению ее размеров. Сначала он убедил старожилов, что четыре плиты — настоящее излишество, да к тому же и немалый урон для эстетики. Их заменила шести конфорочная плита с электрогрилем и конвекцией. Ни тем, ни другим никто пользоваться не умел и не собирался, но было приятно, что они

есть.

Затем Федор привел в ход более радикальные, можно сказать, революционные замыслы — пользоваться одним, пусть даже четырехкамерным холодильником, на первых порах, показалось пенсионерам требованием чрезмерным. Но после того как Федор намекнул, что покупку холодильника оплатит он сам, возражения уменьшились, а потом и вовсе сошли на нет.

Критически осмотрев только что установленную на кухне покупку, Федор сказал:

— Что на этой кухне не поставь, ничего не видно. Надо все переделывать.

Возражений, на этот раз, не последовало. Тонкие натуры музейных работников давно уже страдали от чудовищного зрелища кухни, не отремонтированной лет тридцать, и они дали уговорить себя потерпеть временные неудобства, пока идет ремонт.

Тут уж Федор развернулся вовсю. В кратчайшие сроки, всего за полтора месяца, коммунальная кухня превратилась в шедевр дизайнерского искусства. Попутно Федор сумел добавить к кухне часть коридора и неиспользуемую кладовую, и теперь она смело могла поспорить по размерам с бальным залом. Но главное было не в размерах. Кухня стала — просто сказка.

Огромное окно превратилось в стеклопакет, холодильник и плита заняли положенные им почетные места напротив входа, справа от окна, а рядом с ними, на соседней стене расположился современный кухонный гарнитур. В центре кухни с достоинством расположились овальный обеденный стол и шесть стульев, табуретки были изгнаны на помойку. Слева от окна осталось большое «неиспользуемое» пространство, на котором собственно и обитали врачи и Леонид, но теперь оно было значительно больше и на левой стене были две двери, ведущие в отдельные кладовые. В правой был склад варенья и солений, а в левой были раскладушки и прочие, не каждый день используемые вещи — строительные инструменты и вообще «жители» кладовых, какие есть в любом доме. Только раскладушками здесь пользовались каждый день.

Пришедших с «дежурства» врачей встретил запах свежесваренного кофе и «молодняк» резво поскакал на кухню, надеясь на добросердечие пожилых дам. Федор же пошел к себе в комнату, рассчитывая поспать после бессонной ночи. Из комнаты Федора в это момент вышел Леня, тоже почувствовавший живительный аромат.

Леонида Федор знал относительно давно, с того самого дня, как Кузьма, демобилизовавшись, вернулся в родной город. Встречали его Федор и бабушка Кузьмы, Наталья Евгеньевна. Из вагона Кузя вышел вместе с высоким, красивым парнем и представил его, как Леонида.

На этом, в тот раз, все и закончилось. Мало ли с кем Кузьма был знаком? Пару раз в год Федор видел Леню и его красавицу жену, Марину, в доме у Кузи. Дважды Леня приглашал Федора на свои выставки. Ленины картины Федору нравились, он даже купил изящный натюрморт в стиле фламандских мастеров.

Лет через пять их шапочного знакомства Марина пришла к Федору проконсультироваться. Федор консультировать не то, что бы отказался, а просто отвел женщину к хорошему своему другу, гинекологу. Ушла она совершенно счастливая.

А через две недели посреди ночи Федору позвонили:

— Федор Михайлович... Вас ожоговая беспокоит.

— Слушаю...

— Вы не могли бы приехать? Столкновение на Московском шоссе...

— Я сейчас приеду, — ответил Федор, даже не дослушав собеседника, представив, что сейчас делается в травматологии.

Когда Федор приехал в ожоговую, там было столпотворение — рейсовый автобус, битком набитый пассажирами, потерял управление и на полном ходу врезался в автомобиль, идущий по встречной. От удара машина и автобус вспыхнули.

— Больше всего пострадали пассажиры автомобиля, — частил дежурный врач, обрадованный тем, что Федор откликнулся на его призыв, — Женщину даже не довезли до больницы, она умерла в скорой, мужчина тоже получил очень серьезные травмы и ожоги, — продолжал он рассказ, пока Федор переодевался и мылся.

— Сначала, значит, к нему?

— Да, да. Он уже на столе.

— Хорошо, — Федор досушил руки и вошел в операционную.

При виде Федора, два пожилых врача-хирурга, работавшие за соседними столами, со значением переглянулись.

Федор подошел к столу и узнал того, кого собирался оперировать:

— Леня? О, Господи! — он посмотрел на хирурга, что его привел, — Марина? Вы сказали...

— Ваши друзья?! Господи...

Федор приступил к операции. Все зажмурились от того, как он пластал Леонида, не каким-то странным образом повреждения стали уменьшаться, а многих попросту не стало. Через полчаса Федор отошел от стола и сказал:

— Зашивайте.

И перешел к другому столу. За ту ночь он прооперировал восемнадцать человек. Утром, когда Федор вышел из операционной, что бы проверить Леонида, один из старых врачей, что работал в этой больнице уже пятьдесят лет, сказал своему старому приятелю, такому же хирургу, как он сам:

— И он стареет... В сорок втором, он больше десяти минут на пациента не тратил.

— Ну, — ответил второй врач, — всем время отмерено. Даже им, бессмертным.

Леонид восстанавливался быстро, но ожоги были настолько серьезны, что полностью вылечить их не было возможности даже у Федора. Да Леня и не хотел выздоравливать.

Узнав о смерти жены, Леонид замкнулся в себе и ни с кем не хотел общаться. Федор ничего не сказал ему о том, что Марина ждала ребенка, что бы не усугубить его горе. Выписавшись из больницы, Леня пропал. Кузя несколько раз спрашивал у Федора, не видел ли он Леонида, тот в ответ только плечами пожимал — он ничем не мог помочь тому, кто не хотел его помощи.

Месяца чрез три, как Леонид исчез из поля зрения Кузьмы, к Федору обратился весьма влиятельный столичный политик с просьбой принять его. Федор выслушал просьбу и вежливо отклонил предложение поехать на шашлыки в роскошную загородную резиденцию. Через три дня предложение повторилось. Федор отказался снова. Когда же предложение, в точно таких же, как и первый раз, просительных интонациях, повторилось в третий раз, Федор пожал плечами и покорился неизбежному, так как было ясно, что попыток встретиться с Федором столичная шишка не оставит.

Беяева встретили, как главу иностранной державы — от дверей автомобиля была постелена красная дорожка, по ее стонам стояли суровые охранники в элегантных костюмах, сам политик вышел из дома ему на встречу. Федор все это оценил по-своему — уж значит,

он был очень нужен шишке, раз для него организовали такой прием.

Обед был великолепен, к удивлению врача, из птицы не было ни одного блюда и он, мысленно, поставил политику плюстик — приглашая Беляева себе в дом, тот потрудились узнать вкусы Федора.

После обеда наступил момент истины — политик, отведя Федора в роскошную библиотеку с дорожными муляжами книг, начал излагать свое дело. Федор, стараясь не зевать от скуки, слушал.

История была банальна до неприличия — единственный сын политика, испробовав на себе все «прелести» элитной жизни, подсел на какой-то новый, доселе неизвестный, наркотик и пропал. Его удалось обнаружить в Петербурге только потому, что он снял деньги с кредитной карты. Отец примчался спасать ребенка, но ребенок спастись не желал, из клиники пытался убежать, а когда отец, из соображений жалости, забрал дитятку из клиники домой, исчез уже окончательно.

Федор, не засыпая из последних сил, спросил у незадачливого отца:

— Что Вы хотите от меня?

В ответ он услышал то, чего от него всегда все ждали, но из разных соображений никогда не произносили вслух:

— Помогите мне...

Эта простая просьба почему-то тронула Федора. Он ожидал каких-то напыщенных слов, каких-то, плохо завуалированных под обещания награды, угроз. Он видел в этом человеке только картонную куклу, что показывают по телевизору, а перед ним был живой человек, к тому же, не смотря на успешную карьеру, не слишком удачливый в жизни и очень уставший.

— На самом деле, кроме него у меня никого нет...

Федор кивнул, соглашаясь.

Поиски заняли три дня и Федор, отыскав своего протеже, оказался в одном из самых отвратительных Питерских притонов. Разговор с хозяином этого места не затянулся, Федора там знали и боялись уже очень давно. Парня живо отыскали, и начали приводить в чувство. Федор, что бы этого не видеть, вышел из комнаты. В другой комнате он заметил Леонида. Тот пьянствовал в компании каких-то шлюх, но, увидев Федора, почти полностью протрезвел:

— А, и ты здесь? Так значит, ты все-таки не святой?!

— Я и не претендую, — холодно ответил Федор.

— Вот зачем ты сюда пришел? — не унимался художник.

— Это не твое дело, Леня. Не твое.

— А... Значит, твое?

— Мое.

— А, скажи, твое дело было зачем-то меня спасти? Твое?! Я просил тебя?!

— Ты не мог, ты был без сознания, — спокойно ответил Федор, уже хорошо представляя, в какое русло сейчас уйдет их разговор.

— Я бы и не стал! Ты бы лучше Маринку спас!

— Она умерла по дороге в больницу, — в сотый раз объяснил Федор.

— А Кузька добрей, чем ты, — вдруг совершенно неожиданно, заявил Леня, — Он нас тогда коридором вывел. Не пожалел для нас своей силы.

— Кузьма? Когда?

— А когда мы в Чечне в окружение попали. Он нас вывел... в начало... за два часа. А

Ты...

В этот момент Федору доставили то, за чем он собственно и пришел. Принесли и прислонили к стене, прервав разговор двух старых знакомых. Одушевленным этот предмет можно было назвать только с большой натяжкой.

Федор критически осмотрел парня. Тот слабо шевелился, пытаясь понять, что происходит и кто перед ним. Федор неодобрительно покачал головой, припоминая, что звали мальчишку, кажется Виталием.

— Виталик? Ты как? Ты можешь идти?

В ответ он услышал только жалобное мычание.

— И как я его потащу?

— Не имею представления, — ответил хозяин «заведения», — Вы сказали предоставить — мы... вот он. И денег не просим. Забирайте его, как сами знаете.

Федор, конечно, мог поднажать, но не захотел в этот раз.

— Леня. Ты мне нужен, — совершенно обыденно сказал Федор, перестав созерцать подростка и повернувшись к Лене.

— Допереть это чудо до тачки?

— Да. Именно.

Леонид без лишнего слова подошел к стоящему у стены подростку, перекинул его через плечо и пошел за Федором. В молчании они спустились по лестницам, вышли из дома, дошли до «Хаммера» Беляева. Федор открыл дверцу машины и посторонился, пропуская Леонида вперед. Леня нагнулся внутрь автомобиля, что бы положить на сиденье так и не приходящего в себя парня и, Федор, легким движением руки, отправил Леонида в забвенье.

Запихав два бесчувственных тела в «Хаммер», Федор сел за руль и поехал в Петергоф. Приехав к Кузе и отдавая Виталия, как неодушевленный предмет, Кузьме, распорядился:

— Посади его пока... в оранжерею.

— Не напугается?

— А хоть бы и напугался. Надо же как-то... учить.

И, уже уходя, обернулся на пороге и сказал:

— Приеду, серьезно поговорю с тобой, ты понял меня?

— Что-то случилось? — удивился Кузьма.

— Случилось, — отстраненно согласился Федор и уехал, оставив Кузю в раздумьях.

Вернулся он только через три дня, поместив Леонида в надежную частную клинику под присмотр квалифицированных врачей. Леонид к тому времени уже более-менее пришел в себя и понял, что от Федора он не сбежит.

Кузя, на самом деле, не особенно обрадовался приезду Федора.

— Привет, — доброжелательно поздоровался Кузя, когда Беляев вошел на огромную веранду.

— Привет! — согласился Федор, — Где Наталья Евгеньевна?

— В кабинете, наверное... — ответил Кузя, недоумевая, зачем Федору нужна бабушка.

— Позови ее, я саженцы привез.

Пока Кузьма звал Наталью Евгеньевну, Федор выгрузил из автомобиля гору бумажных мешков с саженцами деревьев, пакеты с луковицами лилий, специальной землей, удобрениями и прочей дребеденью. Наталья Евгеньевна пришла, всплеснула руками и засуетилась по хозяйству.

За заботами об обустройстве сада приятно прошел весь день. Федор любил такие дни. В

такое время он вспоминал, что у него когда-то тоже была семья, вспоминал, как был нужен и любим когда-то, давным-давно.

Наконец, все было посажено, удобрено, подрезано, привито и подвязано. Федор и Кузя вернулись в дом, где бабушка уже напекла ватрушек. Напившись чаю и объевшись ватрушками, приходя в себя после сытного угощения, дождавшись, когда Наталья Евгеньевна уйдет в недра дома, Федор, как бы невзначай, спросил у Кузьмы:

— Леня про коридор недавно вспоминал...

— Про какой коридор? — не понял Кузя. А точнее — сделал вид, что не понял.

— Про такой. Ты, что, много коридоров ставить умеешь?

Кузя опустил глаза, затем бесстрашно поднял их на Федора:

— Хорошо. Я спасал свою жизнь.

— Это теперь так называется? Воспользоваться временным коридором, вернуться в прошлое, выйти из окружения до его начала... Сколько человек было с тобой?

— Да они ничего не поняли, Федя!

— Еще бы они что-то поняли, — Федор стал проявлять признаки раздражения, что случилось с ним крайне редко, — Они главное поняли — что ты черт знает что можешь, вот что они поняли, кретин!

— Один я уйти, все равно, не мог! — напрягся Кузьма.

— Поэтому ты раскрыл тайну, — кивнул Федор.

— Я должен был сохранить тайну и умереть. Так? — Кузьма был искренне удивлен тем, что Федор выговаривал ему за спасение людей.

— Кузя, ты кретин. Я тебе это уже говорил? — поинтересовался Федор совершенно другим, уже спокойным тоном.

— Да, упоминал, — подтвердил соображение Федора Кузьма.

— Ты должен был мне сказать об этом, как только ты вернулся. Я бы принял меры, и они позабыли бы тот странный случай. Ты должен был сразу мне об этом сказать, сразу. Пожалуйста, больше не делай так.

— Хорошо, — Кузя опустил глаза, чувствуя облегчение.

На самом деле он очень боялся этого разговора, единственно надеясь, что Федор не узнает о случае в ущелье. Напрасно. С опозданием на пять лет, но Федор узнал, что его ученик нарушил один из основных законов, на которых была выстроена их жизнь — не допускать к знанию посторонних.

— Пошли к щенку, — распорядился Федор.

— Пошли, — с облегчением согласился Кузьма, поняв, что выволочка окончена. На самом деле, он не ожидал так легко отделаться.

Под щенком Федор подразумевал юного наркомана.

Кузьма повел Федора в «оранжерею» — большой подвал под гаражом. Этот подвал был оборудован в виде оранжереи, и там росли самые разнообразные растения, что в здешнем климате не водились. Организовать зимний сад под землей в свое время стоило целое состояние, но Федор никогда не жалел ни о потраченных средствах, ни о потерянном времени.

Войдя в подвал, Федор глубоко вздохнул, вдыхая пьянящий запах экзотических и магических растений. Если бы кто вошел в оранжерею вместо Федора, Кузьмы или бабушки, то получил бы не малый нервный шок. Федор с удовольствием огляделся. Зрелище и впрямь было призрачное.

При виде людей растения зашевелились, принимая достойный вид — хищные орхидеи захлопнули пасти, неразлучники отцепились друг от друга, мандрагоры засвистели своим разбежавшимся собратьям.

Большое просторное помещение было создано, как целая система подземных гротов и галерей. На сводах висели мохнатые лианы с большими яркими цветами. Освещалась оранжерея высокими тонкими колоннами, числом двенадцать. На всех колоннах были выбиты рунические узоры, и эти узоры-то как раз и светились, освещая именно те растения, которым в данный момент требовался свет. По полу вольно разложила свои «щупальца» огромная разветвленная лиана. Она периодически переползала с места на место и сбрызгивала, а то и поливала, растения, нуждающиеся в поливе. Поэтому хождение по оранжерее требовало некоторого навыка. В специально устроенных нишах и выступах стояли, сидели, висели, перебегали с места на место разные цветы, что любой ботаник обозвал бы мифическими.

Базилик стоял, задумчиво шевеля листьями, с которых стекали капли ядовитой лунной жидкости. Рядом с ним тихонько посвистывал черный бамбук, привезенный в свое время с Антильских островов и прекрасно прижившийся. Сейчас на нем висело множество разных гаек и гаечный ключ.

— Притягательное растение... — подтвердил старинное поверье Федор, — Все притягивает... Опять базилик убежал?

— Опять, — кивнул Кузя, — весь в лунном свете измазался.

Богородская трава шевелила голубенькими цветочками и на Федора с Кузьмой внимания не обратила ни малейшего.

Объевшаяся белена сыто рыгнула в сторону мужчин.

— Ты ее не перекармливай, — посоветовал Федор, Кузя только пожал плечами, зная, что белена все равно обожрется, а если дать мало, то стащит у кого-нибудь.

Индийская конопля бесшумно пританцовывала, хлопая себе листьями, не обращая ни на кого внимания. Разрыв трава сидела в большой, отгороженной ото всех кадке, вся усеянная клочками газеты.

— Приношу ей, пусть развлекается, — сказал Кузя, — а то просто вянет, если рвать нечего. Свежие больше любит. Пожелтей.

Одолень-трава медленно, но верно одолевала большой стеклянный колпак, коим была накрыта во избежание эксцессов.

— Может железным накрыть?

— Железный она в два приема одолеет. Забыл, что она со свинцовым сотворила?

Федор усмехнулся и кивнул. Удержание одолень-травы на одном месте было немалым искусством.

Папоротник набил бутоны и, явно, собирался в этом году цвести. Петров крест светился в полутьме оранжереи, как аметист. Плакун-трава, тихо всхлипывавшая в своем уголке, при виде людей разразилась бурными рыданиями.

Федор, не обращая внимания на все эти чудеса, прошел в дальний угол подвала. В нем было сделано несколько ниш, отгороженных крепкими стальными решетками. В одной из них сидел мальчишка, сжавшись в комок и закрыв голову руками. Вокруг него, участливо поглаживая его по плечам и голове, стояли молодые мандрагоры, периодически переговариваясь пронзительными голосками.

При виде Федора мандрагоры быстренько разбежались по своим горшкам и закопались

для надежности. Беляев шикнул на зазевавшихся так, что те бросились закапываться в один горшок все вместе. Подойдя к нише, он выдернул застрявшую между прутьями особо толстую мандрагорку, что уже начала истерически повизгивать, метко бросил ее в пустующий горшок, открыл замок и вошел в загончик:

— Пришел в себя?

— Да... — юноша поднял голову, заглянул Федору в глаза, но увидел в них только холодную насмешку, — Пожалуйста, заберите меня отсюда!

— Тебя кто-то обидел здесь? — участливо спросил Федор.

— Нет... Просто они очень...

— Кто? Здесь, кроме тебя никого не было, — доброжелательно сказал врач.

— Эти кусты... Они хотели меня съесть!

— Эти кусты? Они же растения, растут в горшках, — Федор улыбнулся.

— Они вылезают из горшков. Они все время орали, я чуть с ума не сошел...

— Такое бывает... при таких наркотиках, какие ты употребляешь.

— И еще... Еще этот кот... Что сидит на дубу! Он все время рассказывал какие-то сказки, про крыс, про мумии, про каких-то ужасных богов...

— Успокойся, здесь нет никакого дуба. И кота никакого нет!

За спиной Федора неслышно возник дуб, окованный золотой цепью и погрозил юноше ветвями. Кот, спящий на цепи, обмотанной вокруг ствола дуба, зевнул, открыв черно-розовую пасть, обнажив здоровенные клыки.

— Ненавижу Пушкина! — застонал мальчишка, — Помогите мне, — он просительно заглянул в глаза врачу, — Пожалуйста! Они приходят! Кот хотел меня съесть! Он пролезает сквозь прутья...

— Сейчас я отвезу тебя к отцу. Он очень волнуется за тебя. Он поможет тебе вылечиться.

Федор сделал паузу, давая мальчишке насладиться ощущением покоя и обещанием безопасности, а затем, как ни в чем не бывало, продолжил:

— Но если ты еще раз притронешься к игле, эти маленькие кустики вместе с котом придут и сожрут тебя живьем... Ты меня понял?

— Да, да! Я больше никогда не стану колоть эту дрянь!

— Вот и отлично, — Федор протянул руку и, взяв за плечо, поднял съездившегося подростка с пола, — Поехали!

Приехав в Петербург и возвратив юную неприятность в лоно семьи, Федор смог вернуться к более серьезной проблеме — Леониду.

Леонид лежал в одиночестве в частной палате и, задумчиво смотрел в потолок, когда к нему вошел Федор.

— И что? — безжизненным тоном спросил Леонид, вместо приветствия, — привез ты меня сюда...

— Не хочешь лечиться — выпущу, — ответил Федор.

— А смысл? Лечиться? Для чего?

— Жизнь не закончилась, Леня.

— Закончилась.

— Для тебя еще не закончилась. Для Марины... Ты думаешь, ей приятно было бы знать, как ты тратишь свою жизнь?

Леня, как змея, развернувшая свои кольца и метнувшаяся на врага, вскочил с кровати и

бросился на Федора. Врач легко отразил атаку бывшего спецназовца и ловко швырнул его на кровать.

— Не дорос ты еще, драться со мной, — без малейших признаков превосходства, а просто констатируя факт, сообщил Федор.

— Это точно, — согласился Леонид, — В морду тебе дать не выйдет.

Федор отстраненно согласился:

— Не выйдет.

— Ты понимаешь, что я люблю ее?

— Понимаю, — кивнул Федор.

— Что ты понимаешь! Вот ты... Ты ведь колдун?

— Можно сказать и так, — ответил Федор, не желая вдаваться в тонкости.

— Можешь сделать так, что бы я ее разлюбил? Что бы каждую секунду ее не вспоминал?

— Хитрое дело... — задумался Федор, затем принял решение, — Я могу лишить тебя способности любить вообще. Любить всем сердцем. Привязываться.

— Вообще никого не смогу полюбить?

— Вообще. А в замен, могу дать тебе какую-нибудь другую способность. Талант актера. Или сногсшибательную привлекательность для женщин. Или сразу обе этих способности.

— Врешь, — протяжно, как как-то по-детски, сказал Леонид, — Не бывает такого.

— Бывает еще и не такое.

Леонид поерзал, встал на ноги и подошел к окну, на Федора он не смотрел.

— Хм... А зачем мне привлекать женщин, если я их любить не смогу?

— Ты их душой любить не сможешь. А так... пожалуйста. Увлекаться, увлекать за собой...

— Нет, это я понял... А смысл?

— Закрывать пустоту в душе.

— О! Это ты прав... Только она уже есть... Пустота...

— Та пустота — другая. Так что — решай.

— Прямо сейчас?

— Да, — кивнул Федор, — прямо сейчас.

— Знаешь, что... Наверное, ты прав. Любовь — это такая мука... Давай, забирай!

— Дай мне руку.

Леонид протянул Федору руку, тот крепко взялся за нее и, используя прикосновение, как проводник, мощным мнемоническим толчком лишил мужчину сознания. Остальное было делом довольно обычным — Федор закрыл участки подсознания Леонида, отвечающие за глубокие эмоциональные привязанности, оставив только его родителей и самых близких друзей. Актерский талант разбудить было довольно просто — Леонид и так был талантливым художником, немного простимулировать этот участок мозга не представляло никаких трудностей. Ну, а насчет привлекательности к женскому полу — здесь и стимулировать ничего не требовалось, великолепная мужская красота Леонида вовсе никуда не делась, а шрамы лишь добавили ему загадочной притягательности.

Когда Леонид очнулся, он ощутил странную пустоту и легкость. Образ жены потускнел и был просто воспоминанием, а не открытой, ноющей раной. На тумбочке Леонид увидел визитную карточку небольшого театра. Через месяц он уже вышел на сцену в первом спектакле в своей жизни.

Единственное, чего не стал делать Федор — это блокировать воспоминания о счастье с Мариной. По этой ли, по какой-либо другой причине, но Леонид не мог жить в одиночестве в своей квартире. Помучившись в разных местах, он как-то заехал к Кузе, где по обыкновению, пребывал Федор. Разговор сошел на невозможность найти нормальную комнату и, в конце концов, Леонид поселился на кухне Фединой коммуналки.

Глава 2.

Известный актер с интересом смотрел на Федора, ожидая традиционной шпильки.

— Впечатлил? — с ехидцей спросил Федор, зная многочисленных возможностей приятеля.

— О-ой! Такой, говорит, камасутры и в кино не видывала. Как твой шеф на этой табуретке спит, непонятно! — лениво потянувшись и встряхнув головой, ответил Ленья.

Федора он традиционно представлял своим дамам как художественного руководителя театра.

— Самому непонятно, — меланхолически согласился Федя и вошел внутрь.

В единственном свободном углу, под окном комнаты, стояло антикварное угловое канапе. Другой мебели, хотя бы минимально пригодной для сна, в комнате не было. Как бы подтверждая эту мысль, на канапе была постелена свежая простыня. Бросив на пол сумку, врач повернулся к висевшим в углу иконам и перекрестился.

Комната Федора была большой, как банкетный зал, угловой с тремя окнами, светлой и, даже, когда-то, просторной. Но теперь... Простенки между окнами и стены у двери были заняты двумя высокими платяными шкафами в стиле ампир, и огромным французским буфетом, заставленным статуэтками расписного фарфора и беже, расписной фарфоровой и нежнейшей хрустальной посудой, немецкими пивными кружками, эмалевыми и золотыми кубками и графинами. Оставшиеся стены были заняты тремя старинными книжными шкафами, в свою очередь заставленными книгами, забитыми под завязку офортами, гравюрами, художественными альбомами. На середине комнаты стоял бескрайний, как пшеничное поле, письменный стол, инкрустированный дорогим деревом, на ножках в виде драконьих позолоченных лап. Вокруг стола стояло три итальянских кресла XVII века. Но все это было еще пол беды.

Все свободное пространство комнаты занимали стопки книг, не поместившихся в шкафах, они стояли под столом, у шкафов, у буфета, под креслами. Книги были самые разнообразные — художественные альбомы, средневековые фолианты, здоровенные тома по медицине, старинные трактаты по алхимии, гримуары с тайными формулами и антикварные травники и бестиарии. Отдельными стопками стояли энциклопедии, словари, справочники, иллюстрированные гербовники, атласы и поваренные книги.

Также на полу стояли картины, которым просто не было места, где висеть — изящные пейзажи, богатые натюрморты, мощные батальные сцены и, два портрета. Первый был старинным парадным портретом кавалера в роскошных доспехах и мантии, отороченной соболем. Кавалер носил ордена Святой Анны и Святого Владимира, но был до мельчайших деталей похож на Федора, хотя портрету было не мене двухсот лет. Другой — фантазийный портрет молодой красавицы в образе Минервы. Художник замечательно передал свежесть и красоту ее лица, золото рыжих волос, ослепительную зелень глаз. Красавица Минерва была изрядно похожа на того Федора, что смотрел с живописного полотна.

Все остальное пространство пола занимали стойки для оружия, набитые дорогими и редко ценными красивыми мечами, метательными топорами, саблями, шашками, шпагами,

дагами и еще десятками разновидностей колюще-режущих орудий смерти. Было несколько антикварных кремниевых ружей, все в прекрасном состоянии, пистолеты с инкрустациями и драгоценными камнями, несколько дротиков и две алебарды с украшениями чеканного серебра.

Письменный стол, как зеркало, вмещал в себя отражение своей вселенной — сиречь комнаты Федора. Узор на столешнице изображал сцепившихся в смертельной схватке драконов. На этой битве, в боевых порядках, стояли три письменных прибора различных эпох. В центре стола покоился большой справочник по органической химии, открытый на интригующей статье «Интерференция нуклеотидных цепочек». Что бы сей том не закрылся, и не скрыл от мира мудрость, хранящуюся в его недрах, на нем, поперек страниц, лежал дуэльный пистолет с перламутровыми накладками на рукояти.

На стратегических точках стола лежали и стояли разные предметы — камеи из аметиста, резная слоновая кость, каменные ножи, реторты, которые вполне годились для выведения гомункулусов, статуэтки из дерева и кости, дарохранильница в виде кисти руки святой Анхен и прочие, совершенно необходимые в хозяйстве врача, вещи. Вокруг ценных вещей груды лежали бумаги Федора.

Венчала композицию на столе огромная щетка кристаллов аквамарина, конкурируя только с огромным бронзовым канделябром в виде древа мира о двадцати четырех свечах. Изысканный канделябр со множеством подвесок в виде райских птиц, раззолоченных яблок, кистей винограда, гроздей инжира, весь в резных виноградных и хмелевых листьях мог украсить любой дворец или музей. Но аквамарин тоже был не плох — почти два фута высотой с идеально столбчатыми кристаллами, нежнейших оттенков синего, голубого и сине-зеленого, он приковывал глаз и очаровывал, как пение сирен, играя теми отблесками света, что проникали сквозь окна.

Света, впрочем, было не много, потому что пространства окон также были использованы должным образом — на одном груды лежали коллекционные коробки, доверху набитые насекомыми, минералами, гербариями, а к другому было и вовсе не подойти — перед ним стоял огромный дубовый резной каминный портал, привезенный в Россию в начале XVIII века, но сделанный в Нюрнберге в конце XV. Федор свободно проходил сквозь него, всего лишь пригнувшись. Как деревянный портал пережил блокаду, знал только Федор.

Знакомые Федора, впервые попав в этот сад неземных наслаждений, всегда советовали ему что-то продать и купить себе нормальную квартиру, где-нибудь в новом районе. Федор неизменно отвечал, что эти вещи ничего не стоят, а расставаться с памятью за копейки — не имеет смысла.

На самом деле, всего этого антикварного добра, сваленного как попало, хватило бы на покупку не менее трех квартир в самом центре, но Федор, по разным причинам, вещи эти хранил, особо стараясь не разбазаривать. Причем было здесь далеко не все — самое ценное и дорогое сердцу Федора было аккуратно сложено в коробки и составлено на чердаке дома Кравченко.

Постояв в раздумьях перед иконами, Федор прошел к одному из огромных шифоньеров, достал оттуда великолепный шелковый халат, весь в разноцветных павлинах, переделся, и, усевшись в одно из кресел у стола, мгновенно заснул. Его поза чем-то напоминала позу спящей птицы.

Федору снился сон. Снился в который раз.

Лес резных мраморных и ониксовых колонн, уходящих в поднебесье... Но небес не было там, только каменные арки, все выше, выше, выше... Насколько хватало взгляда, только тяжелые монолитные своды, в отблесках алого и багрового пламени. Реки раскаленной лавы, снопы искр и фейерверки огненных брызг. И среди потоков расплавленных металлов, водопадов, текущих раскаленным добела вольфрамом, гейзеров платины и оливина, не спеша и как бы нехотя, проплывали огромные острова, кружа вокруг собственной оси и собратьев, лавируя между скальных выступов и исчезая во тьме неверных отблесков огня.

Один из островов гордо парил в самом центре необъятной пещеры. Его вершину, будто срезанную невероятных размеров ножом, венчал ажурный обсидиановый замок.

В галереях, переходах, коридорах, покоях замка звучала музыка, раздавались веселые голоса, звуки песен, смех. В бальной зале, где из кварцевых окон в кованных переплетах рениевых рам, виднелись бескрайние просторы подземного мира, развлекалась огромная роскошно наряженная толпа в костюмах драконов, птиц, фениксов, саламандр, грифонов, вампиров и демонических существей.

Прогремел гонг и все собрание, как одно существо, повернулось к массивным двойным дверям, на одной створке которых был изображен дракон, а на другой — феникс.

Громовой голос пророкотал на весь замок:

— Леди Айланда, Госпожа Дома Огня! Лорд Фьод, Господин Дома Огня!

Двери медленно открылись, и в зал вступила монаршая пара.

В полном, если бы не музыка, безмолвии все смотрели на входящих в зал. Федор, в черных, украшенных золотом, одеяниях, шел, держа под руку молодую женщину редкостной красоты. Ее рыжие волосы, уложенные в сложную прическу, идеально гармонировали с алым платьем, отделанным розовым жемчугом и кораллами. Как только они вошли, все кавалеры склонились в низком поклоне, а дамы присели в реверансе.

Федор, рука об руку со спутницей прошли вдоль замершей при их приближении толпы и подошли к паре, неприметно стоящей у окна. Они стратегически расположились между колонной и окном, в безнадежной попытке скрыться от пристальных взглядов многочисленных присутствующих. Эта пара действительно приковывала взгляды. Мужчина и женщина, стоявшие за колонной так, что бы привлечь как можно меньше внимания, явно смутились от столь высокой чести, так неожиданно им оказанной и склонились в изящных, каждый на свой лад, строго предписываемыми этикетом, поклонах.

Высокий мужчина с яркими нефритовыми глазами и волосами цвета спелых колосьев, наряженный в серо-черный камзол без украшений, совершенно в них и не нуждался. Высокий, статный, он излучал силу и величие. Молодая женщина, стоявшая рядом с ним, явно была его сестрой — такие же зеленые глаза, овал лица, чуть вздернутый нос... Волосы, впрочем, были не золотистыми, а по здешней моде, ярко рыжими, и слегка вились. На ней было изумрудного цвета платье, отделанное серебряными кружевами, а в прическе красовалась живая алая роза.

Федор повернулся, с почтением обратившись к своей спутнице:

— Матушка, позвольте представить Виктора, лорда дома Опалового Сияния, и его сестру Анну, драконов.

Виктор и Анна, весьма смущенные таким пристальным вниманием к своим особам, вновь почтительно поклонились Айланде.

— Как вы устроились, Виктор? Хорошо ли вас принимают в Хьяульсунмире?

Виктор приложил руку к сердцу и проникновенно сказал:

— Мы не смели и надеяться на столь теплый прием, Старейшая.

Айланда улыбнулась и переключила свое внимание на Анну:

— Как вы находите наши наряды, Анна?

— Восхитительными, Старейшая, — улыбнулась Анна.

Правительница самого богатого и одного из самых влиятельных Домов Подземного мира уж наверняка оценила «скромные» наряды Анны и Виктора, стоившие не менее боевого скакуна каждый.

Айланда улыбнулась и кивнула:

— Развлекайтесь, дети.

Виктор и Анна поклонились Айланде в третий раз. Правительница повернулась к сыну и спросила:

— Ты танцуешь с... Анной, сын? — запнувшись перед именем минуту назад представленной ей девицы.

Федор, что в этом мире был назван Фьодом, кивнул и улыбнулся:

— Да, мама, три танца.

Айланда прикрыла веки в знак своего согласия с тем, что таким, якобы незначительным, гостям, оказываются такие почести.

— Я всегда рада друзьям моего сына.

Госпожа Дома Огня величественно кивнула и, не дожидаясь очередного поклона, повернулась, чтобы прошесть к своему законному месту — Пасти Фафнира — трону, что подарил своей внучке сам великий Дракон.

Трон был сделан в виде раскрытой пасти огромного дракона, с подушками для сиденья между зубов. Федор подвел Айланду к нему, она уселась на алые подушки, почти полностью слившись с ними. Федор подозревал, что такое сочетание цветов было подобрано специально, но комментировать эту мысль вслух не стал.

Музыка зазвучала громче. Федор церемонно поклонился матери и, дождавшись ответного кивка и небрежного жеста рукой, отошел от трона, подойдя к молодой брюнетке, что стояла в нескольких шагах от него.

Федор совершенно обыденно обнял ее за талию и поцеловал в щеку. Подобная вольность была воспринята всеми как должное, никто в зале даже не повел бровью. Федор, между тем, смеясь, что-то рассказывал изящной даме, она заинтересованно кивала, затем кивнула еще один раз, с чем-то соглашаясь. Федор взял даму под руку и подвел к Виктору и Анне.

— Виктор, Анна, знакомьтесь. Это — моя тетушка Мирель.

Он отвесил даме изысканный поклон:

— Душевно рад, леди Мирель.

Анна улыбнулась:

— Такая честь для меня, Старейшая...

Мирель таинственно улыбнулась:

— Я всегда рада друзьям моего племянника.

Федор протянул руку и вложил руку своей тетушки в ладонь Виктора:

— Прошу Вас, Виктор, идти вперед. Начните первую фигуру танца. Мы с Анной последуем за Вами.

Виктор галантно поклонился и взял леди Мирель под руку. Федор взял за руку Анну, и поцеловал ей пальцы.

Шепотом, который услышала половина бального зала, он сказал:

— Мы еще пойдем первой фигурой... В другом танце...

Но, насладиться танцем с красавицей Анной, ему в этом сне не было дано — зазвонил будильник и Федор очнулся от грез. Вздохнув, он начал собираться на работу — сегодня у него была лекция для второго курса лечфака.

Глава 3.

Медицинский институт жил своей, совершенно обыденной жизнью. Толпы студентов хаотически перемещались по коридорам и аудиториям, что-то обсуждали, о чем-то спорили, в чем-то соглашались друг с другом. Все было как всегда. В одной из больших аудиторий, способных вместить весь поток, студенты, как и везде, готовились к лекции. Правда, почти все девушки в этой аудитории вместо того, чтобы читать конспекты, смотрелись в зеркала своих пудрениц, а юноши изо всех сил старались выглядеть строже и солиднее. Прозвенел звонок. Все были готовы к лекции, абсолютно все на своих местах, в полной тишине. В аудиторию вошел доктор Беляев.

Студенты встали, доктор приветливо кивнул и сделал знак рукой садиться. Все знали, что он не проронит ни звука, пока не взойдет на лекторское возвышение. Студенты, как один человек, уселись на свои места. Федор Михайлович в абсолютной тишине пересек пустое пространство от порога аудитории до ступенек кафедры, легко и элегантно взойдя на кафедру и только сейчас все в аудитории вздохнули. Почему так происходило — сказать не мог никто. Да, молодой доктор медицины был красив и изящен, умен и эрудирован, прекрасный лектор и внимательный собеседник, но все это не имело ничего общего с тем гипнотическим воздействием, какое он оказывал на людей. Студенты ловили каждое его слово.

— Доброго Вам дня, — произнес он свое обычное приветствие и скользнул одобрителем взглядом по барышням, сидящим в первых рядах. Барышни зарделись и опустили глаза, смутившись. Каждая подумала, что его одобрителем взгляд относился лично к ней.

— Сегодня мы с вами начинаем новую, очень интересную и сложную тему — «Дисплазия соединительной ткани».

Небрежным жестом он показал на плакаты, висящие за его спиной с изображением разных тканей — нормальных и патологических.

— Дисплазия соединительной ткани — группа генетически гетерогенных и клинически полиморфных патологических состояний, характеризующихся... — начав лекцию, Федор погрузился в собственные мысли.

Главной из них была мысль о том, что неплохо бы заново покрасить «Хаммер», верно служивший ему вот уже скоро пять лет. В конце концов, этим летом в Санкт-Петербурге саммит большой Восьмерки, а он на облезлом автомобиле. Просто позорит родной город! Из этой мысли плавно вытекала следующая — какую именно из государственных организаций города следовало «развести» на финансирование покраски любимой автомашины. По всему выходило, что легче всего сделать это с прокуратурой. Затем мысли, не покидая прокуратуры, плавно перетекли на Ирину Костромину, второго заместителя прокурора города, и там и остались...

В коридоре под расписанием, в общем бурлении жизни, студенты решали стратегические вопросы обучения. Старшекурсники снисходительно посматривали на студентов младших курсов и старались говорить, подражая врачам.

— Что у нас завтра?

— Второе зачетное по литературе!

— Не может этого быть! Сейчас же нижняя неделя! — ахнуло сразу несколько голосов.

— Ага! Как же! Замена же была! Саммит же, мать!

— Без наших профессоров саммита не будет, что ли?

— Будет, не будет! Достоевский нас убьет! Вот, что будет! Кто-нибудь готов к железам?

А к крови?

— А кто такой Достоевский? — спросил какой-то новичок со второго курса.

— Великий писатель! — редкостно стройным хором ответил четвертый курс лечфака. У второкурсника отвисла челюсть, но через мгновение он понял, что его разыгрывают. Собрав всю силу воли, он с достоинством удалился. Четвертый курс также побрел от расписания, обсуждая острую проблему «литературы».

К гистологии название «литература» прикипело давно и надежно. Родилось оно из прозвища доктора Беляева — студенты в первый же год его появления в институте окрестили его Достоевским, и это осталось. Да и какая ассоциация могла родиться у ленинградских студентов при имени-отчестве Федор Михайлович? Естественно — Достоевский. Тут уж не поспоришь. И что же именно мог вести этот самый «Достоевский»? Гистологию? Помилуйте! Литературу, конечно же, литературу! Время шло. Беляев стал кандидатом наук, затем доктором, но так и оставался на кафедре гистологии. Спустя десять лет, даже в учебной части можно было услышать: «Нормальная физиология получает трех дипломников, патологическая анатомия — тоже трех, а литература в этом году — аспиранта и дипломника». Сказать в институте «кафедра гистологии» означало выдать в себе чужака.

Студенты тем временем разработали что-то вроде стратегии, хоть уже и начали узнавать, что абсолютно корректный и всегда сдержанный Федор Михайлович — жесточайший тиран, когда дело касалось профессиональной подготовки. Всю глубину своих затруднений им предстояло постичь на сессии, когда все их жалкие доводы о сложности науки и их загруженностью во время сдачи сессии, разбивались о его вопрос: «Что будет, если Вы поставите неправильный диагноз?». Вопрос, конечно, был риторический.

— Хрящи есть у меня. Могу поделиться...

— У меня есть мышцы, — сказала приятная высокая блондинка, уверенная в том, что Беляев к ней неравнодушен.

— А у меня — железы... Сообразим что-нибудь? — спросил спортивный парень, давно влюбленный в нее.

Девушка одарила его заинтересованным взглядом:

— Сообразим.

Беляев заканчивал очередную лекцию. Сегодня его раздражало решительно все — шум в аудитории, вопросы студентов, его ответы, тема лекции, сама лекция, которую он мог бы прочитать не только во сне, но даже и под общим наркозом. Но внешне это не проявлялось никак.

— Вопросов больше нет?

Услышав в ответ смущенное бормотание, спокойно продолжил:

— Ну, тогда разрешите мне завершить сегодняшнюю лекцию. До следующей встречи, дамы и господа.

Он уже повернулся, чтобы уйти, как вспомнил еще одну вещь. Как только он повернулся к аудитории, студенты, уже начавшие собираться, застыли, как зачарованные.

— Да. Кто не взял темы для рефератов? Семестр заканчивается через два месяца. О чем вы думаете, непонятно. И как вы гистологию сдавать будете — не представляю... Хотя, нет, я-то, как раз представляю, что будет... Давайте уже, начинайте работать, — он сделал паузу, завершая разговор, — До встречи. Жду вас за темами.

С этими словами, Федор кивнул, уже окончательно заканчивая разговор, и вышел из аудитории.

У двери в аудиторию стеной стояли студенты. Федор очень осторожно стал протискиваться сквозь вязкую, как желе, толпу, когда в общем гвалте услышал обрывок разговора:

— А кто в этом хорошо разбирается? — спросил приятный девичий голос.

— Да Достоевский! Он же доктор медицины, — ответил юношеский голос, и Федор ту же повернулся, чтобы как следует обругать нахала, который уже просто в глаза назвал его, хоть и почетной, но кличкой. Взглянув в ту сторону, он не произнес ни слова — его язык буквально прирос к гортани. Перед ним, в пол оборота, стояла высокая, почти с Федора ростом, девушка с красивой фигурой и длинными золотистыми волосами, такой красоты, что ему в голову пришли слова: «ни в сказке сказать, ни пером описать».

— Достоевский? — усомнилась красавица, захлопав золотыми ресницами, как крыльями бабочки. Самое поразительное, ресницы эти были настоящими и даже не накрашенными.

— Ну да, Федор Михайлович, — снисходительно сказал старшекурсник, уже предвкушая забаву, но тут увидел Федора и застыл.

— А где его найти? — искренне заинтересовалась красавица.

— А вон он, с лекции выходит. Вот... вышел... из аудитории... — пробормотал парень, кивнув Беляеву.

— Ага, спасибо! — ответила девушка и пошла к доктору.

Тот только молча смотрел на нее. Красавица подошла к доктору вплотную и посмотрела на него преданными глазами:

— Вы Федор Михайлович... Достоевский? — последнее слово девушка произнесла чуть смущенно, все-таки чувствуя во всем этом подвох.

За ее спиной раздалось радостное ржание старшекурсников, уже предвкушающих полное моральное уничтожение попавшей в такое глупое положение девицы. Федор укоризненно оглядел весело смеющихся студентов. Смех затих.

— Я. Что вам угодно, сударыня?

Старшекурсники опустили глаза, неожиданно смущавшись. Девушка покраснела. Федор приветливо улыбнулся красавице:

— Могу я узнать ваше имя?...

— Всеслава... — окончательно смутившись, ответила девица и потупила глаза.

— Мне очень приятно, какой у Вас ко мне вопрос?

Они двинулись по коридору, дружески беседуя, но тут навстречу им показался Кузьма. Увидев Всеславу, он приподнял бровь, взглядом полностью одоблив выбор друга. Федор только неодобрительно нахмурился.

— Добрый день, сударыня. Добрый день, Федор Михайлович! — галантно произнес Кузьма.

— Добрый день, Кузьма Петрович. Искал меня? — суховато ответил Федор.

Кузя на мгновение задумался, затем спросил вовсе не то, о чем собирался, скосив глаз

на Всеславу.

— Видел мою новую статью в «Nature»?

— Конечно, видел. Ты, дорогой мой, допустил там две фактические ошибки и неточность в определении, — пожал плечами Федор.

Кузя радостно улыбнулся. Всеслава удивленно переводила взгляд с одного на другого.

Кузя улыбнулся уже Всеславе:

— Федор Михайлович настолько строгий судья, что всего три замечания о десятистраничной статье — это просто комплимент.

Всеслава неожиданно ответила:

— Я тоже... читала Вашу статью, Кузьма Петрович... О стоянке Мамонтова курья...

Федор и Кузя посмотрели на Всеславу с уважением. Кузьма приосанился:

— Нет. Ту статью Федор Михайлович около часа ругал. А это — новая. О клеточном строении мышц диплодока, найденного в пустыне Гоби два года назад.

— О... — Всеслава удивленно приподняла брови и спросила, — А разве находят не только кости?

— Нет, не только. Современные технологии препарирования окаменелых тканей...

— Я думаю, мы избавим даму от невероятных тайн препарирования окаменелостей, — холодно заметил Федор, — Ты в прошлое свое явление на кафедру обещал принести отчет?

— И я принес его... — с нежностью в голосе ответил Кузя.

— О! Я должен увидеть это! — сказал Федор, тут же позабыв о Всеславе.

— Увы! Мой научный руководитель схватил его жвалами и унес в берлогу.

— А два экземпляра — никак?! — Федор изобразил, что поражен в самое сердце.

— А вы аспирант Федора Михайловича? — не совсем вежливо встряла в разговор Всеслава.

— Он докторант и я его оппонент, а не руководитель, — ответил Федор и, подумав, добавил, — К счастью.

— О! — Всеслава переводила взгляд с одно на другого, явно не решив еще, кем восхищаться больше.

— Сударыня, если вы придете завтра, я принесу вам книгу, — сказал Федор, изящно дав понять, что хотел бы избавиться от ее общества. Всеслава кивнула, поняв намек:

— Большое спасибо, Федор Михайлович!

Девушка ушла, а двое ученых еще некоторое время провожали ее взглядами.

— Знаешь, Федя... Твой вкус действительно безупречен и я...

— Кузенька, еще одно слово и я разгневаюсь.

Кузя жестами показал, что тема закрыта. Федор кивнул, и они пошли по коридору в подсобку. Федор и Кузя зашли в комнатку, где Федор хранил разные ненужные никому вещи. Или прятал чьи-нибудь очень нужные. Как в этот раз. Согнав со стопки газет спящую мышь, Федор полез в глубину книжных завалов, что стояли у дальней стены. Наконец, извлек из их недр большую картонную коробку, ногой задвинул книги на место и повернулся к Кузе:

— Ну, что тебе сказать... — он открыл коробку, протянул ее Кузе.

Там, аккуратно упакованные, лежали странной формы кости.

— Да ты одно слово лишь скажи.

— Кремний, — дернул плечом Федор.

— Значит, не наврала, — констатировал Кузьма, — Придется ехать.

— Как не кстати этот саммит! — вздохнул Федор.

Глава 4.

Двадцать лет назад.

Огромный дом в Петергофе, построенный двести пятьдесят лет назад, был великолепен и сейчас. Выстроенный в Тюдоровском стиле, дом под островерхой черепичной крышей, с четырьмя каминами и голландской печью, огромными окнами, украшенными затейливыми витражами и сложными переплетами рам, с глубокой наружной галереей, огромным эркером и двумя мансардами, служил убежищем и крепостью семейству Кравченко со дня своей постройки.

Десятилетний Кузьма сидел за столом в библиотеке, и переводил старинный манускрипт, написанный на арабском языке. Работа шла медленно, в основном потому, что переводить нужно было на латынь, а Кузя терпеть ее не мог.

Библиотека была отделана панелями из резного дуба, изображавшие различные картины батальных сцен, сцены благородной охоты и звериной травли. С потолка на подростка смотрели вырезанные в темном дубе драконы и нетопыри, а в углах красовались тритоны и русалки, рыбьими хвостами срастаясь со стенами, превращаясь в морскую пену и коралловые острова. Между всем этим великолепием стояли массивные книжные шкафы, полные антикварных книг и редкостных безделушек. В центре библиотеки, напротив камина, стоял огромный письменный стол, за которым и занимался Кузьма.

Кузя одним глазом косил на, только вчера привезенный Федором, новый клинок, еще не опробованный в деле. Конечно, все мысли мальчишки были возле этого клинка, но он терпеливо и методично продолжал работу над арабской рукописью.

Но все когда-то заканчивается — вот и манускрипт подошел к концу. Кузя вздохнул, отложил тетради, аккуратно свернул и убрал свиток в футляр. Вскочив со своего места, он схватил клинок и, как вихрь, промчался вниз, где давно уже раздавались голоса деда, отца и Федора, снова приехавшего по каким-то своим делам к деду.

На лужайке перед домом всюю шло шоу — Федор и Петр, оба в кимоно, сошлись в единоборстве, Михаил стоял рядом с ними и снисходительно улыбался. Петр был значительно крупнее и шире, он ловко обхватывал Федора и старался повалить его на траву, но Федор, как змейка, выскользнул, оказываясь за спиной Петра и аккуратно укладывал его в газон. Кузя бережно положил клинок на широкие перила крыльца, спустился по ступенькам, выбежал на лужайку и присоединился к веселью.

Кузьма жил в довольно странной семье, но, как и все дети, не сознавал этого — его семья и Федор составляли всю известную Вселенную Кузьмы. Сколько он себя помнил, в его жизни существовали родители, дедушка с бабушкой, Федор, волшебный сад под гаражом, сибирский кот Тихон, с удовольствием рассказывавший страшные-престрашные сказки, заповедный дуб, посаженный в центре их большого сада на золотую цепь, не для того, что бы не убежал, а для того, что бы не начудил ненароком... В семь лет Кузя пошел в школу и обнаружил, что там невыносимо скучно.

В своем возрасте он говорил на восьми и читал на одиннадцати языках, имел довольно хорошее представление о навигаторских вычислениях, разбирался в географии и астрономии, и, первый месяц, на уроках он просиживал, просто витая в облаках. Проблемы начались чуть позже, когда выяснилось, что ответов на вопросы избежать не удастся.

— Как получить число пять? — спросила учительница, седая и строгая Инна Витальевна. Взметнулся лес рук. Кузьма не прореагировал.

— Кравченко?

Кузя встал, вздохнул, и, поискав в столь простом вопросе подвох, ответил:

— Извлечь квадратный корень из 25.

— Зачем? — удивилась учительница.

— Не знаю. Это Вам нужно было получить цифру пять. Мне она без надобности.

— О чем ты думаешь на уроке, Кравченко? — возмутилась учительница.

— О! Я думаю вот о чем — если Плеяды восемнадцатого сентября занимали положение на небе в...

И Кузя пустился в астрономические размышления, которые были совершенно чужды учительнице младших классов. К ее чести, она выслушала все доводы Кузьмы, не соглашаясь и не опровергая их, на его вопрос о том, прав ли он в своих выкладках, обещала подумать, так как это довольно сложный вопрос. Затем она спокойно перевела разговор на другое, вернув класс к менее философским, но более насущным проблемам — как же все таки получаются простые числа?

Когда за Кузей пришла его мать, Людмила Владимировна, Инна Витальевна отвела ее в сторону и что-то долго внушала. Людмила некоторое время выслушивала все это, но потом сказала:

— Мне нет ни малейшего дела до Ваших способов обучения детей, но Кузьма прекрасно разбирается в высшей математике и я, уже в свою очередь, не позволю Вам заставлять моего ребенка быть глупее, чем он есть.

История имела свое продолжение, но как только дошла до директора, все успокоилось, как по мановению руки — директор велел Кравченко ни в коем разе ни к чему не принуждать.

Кузьма рос и, постепенно, ему пришлось привыкать, что между жизнью в его семье и жизнями других людей, «младших», как называл их Федор в разговорах с дедом и отцом — огромная разница.

Серьезный «прокол» случился с Кузей в пятом классе, когда на литературе начались сказки Пушкина. Кузя, давно наизусть знавший все Тихоновы сказки, на вопрос учительницы: «А кто знает, откуда Александр Сергеевич взял историю для своей поэмы?» поднял руку и честно сказал: «Ему Тишка рассказал, только Пушкин этот все переврал», и, не спеша, в подробностях, рассказал историю о семи богатырях так, как рассказывал ему всегда серьезный кот Тихон. У учительницы чуть не сделался сердечный приступ.

Разговаривать с директором на этот раз явился Беляев собственной персоной. После разговора с директором, Федор вернулся в дом Кравченко очень недовольный, взял жалобно мявкнувшего кота за шкурку и унес в кабинет, откуда долго раздавались голоса — то, раздраженный, Федора, то, обиженный, Тихона.

— Михал Петрович, зайди-ка, ко мне, — вызвал к «себе» в кабинет Федор хозяина дома и снова что-то долго и раздраженно гудел, изредка прерываемый замечаниями деда. Наконец, дед и Беляев вышли из кабинета и Федор, как ни в чем не бывало, сказал Кузе:

— Собирай удочки. На вечернюю зорьку пойдем с тобой, посидим у речки.

У реки Федор в легкой, и совсем не назидательной манере рассказал Кузьме, что искренность и открытость — это похвальные качества в любом человеке, но свидетелями частной жизни людей должны быть очень не многие. Он легко и просто болтал о разных происшествиях в жизни Кузьмы, о которых не следовало никому рассказывать, и Кузьма слушал, кивал, следил за поплавком, убаюканный мягким и мелодичным голосом и в его

голове кружилась мысль — да и зачем им, «младшим», рассказывать все это? Они ведь все равно не поймут и не оценят...

В это время, Михаил Петрович, сидя в библиотеке, гладил обиженного кота и втолковывал сыну:

— Ты, Петя, пойми. И я, и ты для него кто? Вот, то-то и оно, что дворовые люди. Отца он из собственного имения в свою науку взял, он же деда из крепости освободил и пожаловал купечество. И все равно... А Кузьку он возлюбил, как сына. Этого он никогда никому не скажет и себе даже не признается. Только если бы мы с тобой так отличились, что бы он сотворил?

— В порошок бы стер, — кивнул Петр, — Это уж непременно. Уж выволочку бы знатную устроил. А Кузьке только голову немножко помутит, — Петр вздохнул, — да вот боюсь я, что от этой мутоты ему вреда больше будет, чем от ясной выволочки.

— Не будет этого, — отрезал Михаил, — Ведьмаку ясный ум положен, и трезвое рассуждение. Иначе — пропадет. А Федор Михайлыч Кузьку не погубит. Я с детства помню... Он отца ни в грош не ставил, тот при нем слова вымолвить не мог, не то, что поперек молвить! Да ты и сам вспомни... Хоть ты мало эдакого-то его видал... Как Кузьма родился, как сам-от из заточения-то вышел, с нами говорить-то по-другому стал, не по-прежнему. словно в Кузьке есть что-то, Федору дорогое. Как посмотрит на Кузьму, затуманится... И испытания такого, что мне положил, прежде чем ведьмаком меня сделал, тебе — не назначит.

Петр востепенел. Тема ведьмаковского испытания была для него интересом отнюдь не праздным. Михаил это заметил и погрозил сыну пальцем:

— Даже не думай. Не моя это тайна, и не пытай.

— Да нет, батя, я не про испытание... Отчего он в заточение-то попал? Как же они его одолели, а он потом вернулся и извел весь их Совет?

— Не весь, да и не стал бы он... Трех только и извел. За дело, видно. Да и пользы от некроманта, да от ведьмы черной... А в гору себя заточить он сам позволил, оттого, что убил Отца Тишины бесчестно.

— И что? Надо было их всех извести! Да под самый корень!

— Ты пойми, дурья твоя башка, нельзя их извести под корень, новые придут, много тебе радости с того будет? А всех вампиров не изведешь никогда, да и нельзя! Равновесие... А дело в том, что — бесчестно. Со спины он его ударил, тот его и не видел даже.

— Вранье, — убежденно ответил Петр.

— Он сам так сказал, — веско возразил Михаил.

Некоторое время помолчали. И Петр, и Михаил знали цену словам. Научил их этому Федор, умевший и лгать, и хитрить, и уклоняться от истины, и умалчивать правду. Одно было несомненно, если Федор прямо говорил что-то, то так оно и было. Да вот только в спину он не бил. И учеников своих наставлял — победить ударом в спину — значит поиграть бой. Навсегда.

Михаил вздохнул и продолжил:

— И знаешь же, с тех пор, как Кузьма родился, ни разу клинок не обнажал. Ни саблю, ни дагу, ни кинжал. Скальпелями только балуется.

— Балуется... Я так саблей не смогу, как он скальпелем.

— Сравнил мыша с горой. Где он учился, да как, да сколько веков? А ты того только и умеешь, чему он тебя научил. А он... кончились наши разговоры, вон, идут, рыболовы...

Глянь-ка, шуку какую Кузьке приманил!

Петр выглянул в окно. Кузьма нес в сетке здоровенную шуку, и сияющий его вид говорил о многом — и о том, что мальчишка и думать забыл о Пушкине, и о том, что шуку поймал он сам. С какой-то долей неощутимой помощи Федора.

— А ты говоришь... Если бы он со мной на рыбалку хоть раз пошел... Я бы наверно, со страху бы помер...

Когда Кузьме исполнилось двенадцать лет, он в очередной раз задумался об ограничениях, наложенных на него родственниками. Обычный серый осенний день шел, как шел. Федор приехал как обычно. Дверь, как всегда, открыта — заходи, кто хочешь. Федор хотел. На веранде — ни души. Значит — все на кухне. Если вообще кто-то есть в доме. Федор снял куртку и ботинки, нашел «свои» тапочки и прошел темным коридором на кухню. В кухне горел неяркий свет, у плиты колдовала Людмила. Кухня, ее гордость и любимое место в доме, состояла из двух частей.

Первая — старинная, отделанная диким камнем и кирпичом, с огромным камином, переделанным в очаг, с пучками пряных трав и косичками лука, причудливыми банками солений и медными, ярко начищенными кастрюлями. Вторая — суперсовременная — кафель, фаянс, сталь, мягкие обтекаемые линии, кобальт и хром, синий, серый и белый. В центре композиции царил огромный холодильник кобальтового цвета, скрывающий достаточно еды, чтобы прокормить армию средних размеров. В углу кухни стояла плита, ослепительной окраской и размерами ничем не уступающая холодильнику. В ней сейчас пеклись пироги.

Федор несколько секунд постоял в тени, рассматривая ярко освещенную кухню, пахнущую пирогами и кофе, корицей, мятой и чем-то таким, от чего у Федора всегда щемило сердце... Обжитым домом.

— Привет, Феденька, — сказала Людмила, не поворачивая головы.

— Привет, Мила, — ответил Федор, выходя из тени, но, оставаясь за порогом, — Как ты всегда меня узнаешь?

— Не знаю, Федь... Ты какое-то тепло приносишь... Не знаю. Знаю, что это ты. Ты что на пороге стоишь?

— Уже не стою, — Федор прошел в кухню, в круг света.

Мила достала из недр ослепительно-синей плиты огненный противень и, через несколько мгновений Федор с наслаждением впился в лавово-горячий пирог.

Из ниоткуда, как все кошки, возник Тихон, расчесал лапами усы и завел любимую песню:

— Расскажу я вам, дети мои, сказку...

— Ты, давай рассказывай, а мы пока пироги есть будем, — сказала Людмила, а Федор добавил:

— С мясом.

— А мне?! — возмутился кот.

— Так ты же не хочешь? — удивилась Людмила, — Ты же сказки рассказывать станешь?

— Позже расскажу! — заявил Тихон и тут же утянул с противня только что отрезанный кусок.

Сказки были отложены на неопределенный срок, Людмила и Федор с облегчением вздохнули.

Утолив первый голод, Федор долго пил чай и рассказывал Людмиле почему студенты лечфака нуждаются в тотальной лоботомии, она смеялась, пришел из школы Кузя и они долго болтали о пустяках. Наконец, весь чай оказался выпит, пироги съедены, Кузя отправлен учить уроки. Федор поднялся в кабинет Михаила Петровича.

Когда он вошел в кабинет, Кузя сидел на подоконнике и смотрел в окно.

— Что случилось?

— Ничего, — скучным голосом ответил Кузя.

— А! Значит, все хорошо, — согласился Федор, — Принеси мне, пожалуйста, «Альберта Великого».

— Он на столе лежит, — ответил Кузя, не пошевелившись.

— Спасибо, — вежливо ответил Федор, подошел к столу и, сев за него начал читать старинный травник, сам не заметив, как углубился в изучение рукописи, присланной Михаилу на экспертизу.

Кузя продолжал сидеть на подоконнике, хотя Федор краем глаза видел, что ему очень неудобно сидеть в такой позе. Федор делал вид, что ничего не происходит до тех пор, пока Кузя, не повернулся к нему лицом и не спросил:

— А ты можешь вызывать огонь? Ты можешь заколдовать ветер?

— Могу... А что случилось? — озадачился Федор.

— Дедушка сказал, что мне нельзя заниматься магией!

— Значит нельзя, раз Михаил Петрович сказал... — пробормотал смущенный Федор.

— Значит, я никогда не стану ведьмаком?! — резко спросил Кузя.

— Кузя, что случилось, кто тебя обидел? — совсем беспомощно спросил Федор.

— Никто меня не обидел! — взвился Кузьма, спрыгнул с подоконника и выскочил из библиотеки раньше, чем Федор успел открыть рот, чтобы ответить.

Несколько минут Федор сидел в раздумьях, обдумывая, что и как делать, для хоть какого-нибудь исправления ситуации... Вызывать огонь? Колдовской ветер? Что за черт?!

Так ничего и не поняв, Федор пошел искать Людмилу.

Людмила была где всегда — на кухне. Обложившись книгами и рукописями со всех сторон, она что-то увлеченно писала, перечеркивала, поправляла, записывала какие-то сноски на других листках и продолжала писать на том же самом листе, что и сначала.

— Мил, ты очень занята?

— Нет, Федь, не очень. Мне тут просто мысль пришла, я ее решила записать. Если вольфрам...

— Нет, солнышко, Милушка, химию свою оставь, — взмолился Федор, зная по опыту, что про металлические сплавы Людмила могла говорить часами, если не сутками, — Ты мне лучше скажи, что случилось с Кузей?

— Ой, он весь день сегодня смурной.

— Да я уж видел! Странно. Пока мы плюшки трескали, он веселился...

— Ой, да он как тебя увидит, будто солнцу радуется!

— Мила, ну что ты, право!

— Я же правду говорю! А почему он такой, я не знаю. Он, кажется, вчера с дедом поссорился...

— Пойду Михаила потрясу.

— А они с Петей уехали на рыбалку.

Мысленно Федор выругался так, что Мила, даже не слыша слов, поджала губы и

неодобрительно покачала головой.

— Рыбаки! Ладно, пойду к Кузьке, — махнул рукой Федор и пошел искать Кузю.

Искать долго не пришлось — Кузя сидел на веранде. Федор вошел на веранду и неожиданно для себя самого спросил:

— Хочешь, научу тебя огонь вызывать?

— Научишь, что? — без выражения спросил Кузя. Затем смысл дошел до его сознания, — Правда?!

— Конечно, правда. Иди сюда, — Федор показал на камин, — А то на улице снег, а в комнате с непривычки ты можешь что-нибудь спалить.

Кузя подошел, как-то странно подобравшись. Федор раскрыл ладонь. На ладони плясал огонек.

Кузя в свои двенадцать лет еще не разу не видел магии в действии. Много лет назад на семейном совете было решено, что магическая подготовка внука ведьмака должна была начаться как можно позже. Но Федор понимал, если сейчас он не подбодрит подростка, то они рискуют не получить из него ведьмака вообще никогда.

Кузя остановился, не дойдя двух шагов до Федора.

— Возьми его. Так ты легче поймешь, как его вызывать.

На самом деле, это было неправдой. Без этой передачи, Кузя просто никогда не смог бы вызвать огонь сам. Кузя подошел и осторожно взял язычок пламени с ладони Федора. Тот заплясал на его ладони, а на ладони Федора возник еще один.

— Пусть почувствуют друг друга. Это им нужно. Ну-ка!

Огоньки коснулись друг друга.

— Вот теперь зажги дрова. Стряхни его, пусть огонь разгорится.

Кузя покорно стряхнул огонь в камин. Жарко полыхнули поленья.

— Осторожнее! — Федор ловким движением притушил пламя, и огонь весело заплясал на дровах.

Кузя тяжело дышал, переводя взгляд с огня на Федора.

— Что смотришь? Теперь сам.

— Сам? Я... смогу?

— Если захочешь, то сможешь.

Кузя осторожно раскрыл ладонь. Посмотрел на нее. Посмотрел на Федора.

— Разглядывать будешь позже. Давай.

Кузя сжал ладонь. Снова раскрыл. На ладони плясал крохотный язычок огня. Заморгал и потух.

— Ты слишком стараешься. Легче.

Кузя кивнул головой. Еще раз сжал и раскрыл ладонь. Язычок пламени был ярким и сильным.

— Теперь хорошо. Но высвистывать ветер я тебя учить, пока, не стану.

Кузя поднял глаза на Федора.

— Спасибо, Федь...

— Я ничего ведь не сделал, не за что благодарить...

Несколько недель спустя Федор читал книгу, сидя на веранде, а Кузя пришел из спортивной секции и, вроде бы, бесцельно, слонялся по веранде, посматривая на море, птиц и небо, кося одним глазом на Федора. На, от души натопленной, веранде было жарко, Федор сидел в одной свободной рубашке с открытым воротом. На груди у него таинственно блестел

старинный медальон в форме медиатора.

Кузьма уселся на подоконник, ожидая когда Федор отвлечется от книги. Но Беляев читал, полностью погруженный в старинный текст и, наконец, Кузьма решился и спросил:

— Федя, а твой амулет, он очень сильный?

Федор, оторвавшись от книги, спросил невинным тоном:

— Какой амулет?

Кузьма вздохнул, но не отступил:

— Ну, Федь?! Тот, что ты на шее носишь!

Федор неосознанным жестом взялся за висящий у него на шее «листок». Затем кивнул, соглашаясь с какими-то своими мыслями и ответил:

— Да... Очень сильный... Это... чешуйка дракона...

Кузьма округлил глаза:

— Динозавра?!

Федор покачал головой:

— Нет, малыш... Дракона. Которые в сказках...

Кузьма от любопытства и удивления даже не обратил внимания на «малыш»:

— Настоящего огнедышащего дракона?!

Федор усмехнулся его восторгу и ответил:

— Да! Хочешь посмотреть?

Кузьма, соскочив с подоконника, подошел к Федору, боясь каждую секунду, что тот передумает.

— Конечно, очень!

Федор достал талисман из-за ворота рубашки протянул его Кузьме. И что странно — «лепесток» всегда висел у Федора под ямкой ключиц, но цепочка оказалась достаточно длинна, что бы Кузя взял амулет в руки, и поднес к глазам, а Федор нисколько не подался вперед. Но Кузьме сейчас не было дела до этих чудес. Он с жадным любопытством смотрел на лежащий в его ладони предмет.

Длинная пластина, в виде удлиненного щита, или лепестка, привешенная на цепочку, с одной стороны она была бронзового, почти черного цвета, а с другой — перламутровая. На перламутровой стороне неизвестный художник тончайшими мазками нарисовал портрет красивой женщины в старинном костюме.

Кузьма почтительно рассматривая портрет, спросил, не сомневаясь в ответе:

— Это принцесса, да? Ты убил дракона и спас ее?

Федор грустно вздохнул и забрал амулет из рук Кузьмы:

— Принцесса... Но, нет... ее я не спас...

Кузьма похолодел от ужаса:

— Ее убил дракон?!

Федор кивнул:

— Самый страшный дракон — война.

На следующий год Кузя услышал слово «Хранитель» и был несказанно удивлен, что его добрый друг Федор — практически всемогущий Хранитель города, что защищает его ото всех бед. Потом он получил первый настоящий урок магии и перешел к изучению более сложных дисциплин. Теперь он целыми днями находился в омшанике, играя на флейте, сидя в специально начерченной Федором пентаграмме. Омшаник был старый, старее дома. Собственно, дом был построен на этом месте именно потому, что здесь был «подвальчик». В

этом омшанике, три метра всего глубиной, был тайный узел, что соединял три мира — Первый мир, мир Богов и демонических существей, Средний мир, мир людей и Верхний мир, мир элементарей, мир тех существей, что сами называли себя богами, ожесточенно отстаивая это право у Первых.

Федор собственноручно начертил пентаграмму для Кузьмы из смеси соли, черного и красного перца, крови Кузьмы и пепла его волос, ориентируясь на рост и мастерство молодого человека. Точно такие же пентаграммы в свое время чертились и для Петра, и для Михаила.

Кузя играл на флейте. Монотонная, гипнотическая мелодия требовала немалой концентрации, и Кузьма целыми часами добивался правильного звучания, до тех пор, пока вокруг закрытого магией безопасного места не начинали сгущаться силы, человеку неподвластные и поэтому опасные более чем смертельно. Но, иногда, к краям пентаграммы слетались боевые демоны, Кузя откладывал в сторону флейту и принимался копировать их позы и боевые стойки, постепенно понимая боевые приемы чужого мира и перенимая их. Про свою способность вызывать огонь он не сказал никому, ни родителям, ни деду, ни бабушке, охраняя свою единственную тайну, как зеницу ока.

Когда Кузе исполнилось тринадцать, к юному ведьмаку начали приходиться друзья из мира животных, птиц, насекомых.

Федор на день рождения Кузьмы не попал, будучи в отъезде. Кузя ждал приезда старшего товарища, с нетерпением ожидая рассказа о заморских чудесах. Приехав, Федор принес ему необычный подарок — огромного шипящего таракана. Федор открыл коробочку и выпустил чудовище на ладонь. Тот стал гордо прохаживаться по руке Беляева. Кузя, на всякий случай, отступил на шаг.

— Это что?

— Это не что, а кто. Его зовут Т-с-с.

Услышав свое имя Т-с-с громко и мелодично зашипел. Кузя уловил в его шипении знакомые звуки.

— Он говорит...

Федор кивнул:

— Прислушайся. Внимательно.

Кузя подошел к Федору и осторожно протянул руку к таракану. Тот ловко перебежал на Кузину ладонь и зашипел еще сильнее. Кузя вслушался в шипение. Постепенно до него дошел смысл:

— Здравствуй молодой ведьмак...

— Здравствуй, Т-с-с...

— Фьод меня привез... Буду жить у тебя в доме...

— Хорошо... — растерялся Кузя.

— Я рад, что тебе понравился, — Т-с-с соскочил с ладони Кузи и молниеносно пробежав по комнате, юркнул в щель пола и пропал, хотя Кузя прекрасно помнил, что там не было никаких щелей — они вместе с отцом недавно подгоняли и вощили весь паркет в доме.

Так началась дружба Кузи и таракана. Он часто приходил к деду или Федору, чтобы рассказать что-то важное, а к Кузе приходил с рассказами о том, как устроен мир, как живут между собой насекомые, животные, растения и птицы. А еще Т-с-с мнил себя пророком, и самое интересное заключалось в том, что предсказания усатого оракула всегда сбывались.

Однажды вечером Т-с-с прибежал к Кузе и спросил:

— Где старший ведьмак? — так Т-с-с называл деда Кузьмы.

— Дедушка уехал в город, с Федором...

— Плохо! — прошипел таракан, — Значит, передай ему...

И таракан рассказал Кузе о беде — о нападении хтония, низшего демона девятого чина, вызванного каким-то «народным целителем», что нашел в чулане рабочую книжку своей прапрабабки. Прочсть он ее, как следует, не сумел, а беды натворил. Напуганный, слепой, глухой, да к тому же и искалеченный неправильным переходом в другой мир, демон сожрал вызвавшего его идиота и убежал в поисках других жертв, отыскивая их по живому теплу.

Чудище натворило бы дел, до тех пор, пока не умерло бы от полуденных лучей солнца, но Кузя был готов к этой встрече. И безобразный демон, бесформенный, отвратительно воняющий, покрытый слизью и кровью своей первой и, к счастью, последней жертвы, стал первым триумфом молодого ведьмака.

Узнав об этом, Федор совершенно не был удивлен. И как бы не охали, ничего не подозревавшие о предупреждении таракана, родственники юного шалопаю, Федор похвалил ученика.

— Т-с-с ему что сказал? Мне передать?! Или самому идти?! — возмущался Михаил.

— Не вечно же ему под защитой Старших находиться, — ответил Федор.

— Да что это такое, Федор Михайлович! — не выдержал Петр, — На то мы и есть старшие!

— Ну, будет вам. Поругали мальчишку, и хватит, — сказал Федор другим, твердым тоном.

Перечить ему ни Михаил, ни Петр не посмели.

Тем более, Т-с-с предупредил и Федора... Федор тайком видел эту схватку и решил, в крайнем случае, вмешаться. Но парень справился сам.

Кузе было четырнадцать, когда случилось страшное.

День был зимний, нудный, казалось, он будет тянуться вечность. Устав ждать родителей из командировки, мальчишка решил почитать рыцарский роман на французском, что Федор привез почитать на выходные и бросил в библиотеке, позабыв. Прочитав с полсотни страниц на старофранцузском вперемежку с кухонной латынью, Кузя отложил книгу и пошел бродить по дому. Деда тоже не было. От тоски хотелось выть. Он не понимал, чем вызвано его тоскливое настроение. Ему хотелось плакать.

«Ну, вот, как девчонка!» — обругал он себя.

А упрямая слеза все равно покатила по щеке. Но, вдруг, зазвонил телефон. В два прыжка парень оказался у аппарата. Звонил отец.

Кузя весело отгарабанил:

— Алло! Привет, пап! Едете домой? Отлично! Давайте быстрее, я соскучился уже!

Отец обманчиво спокойным голосом сказал, чтобы мальчишка ждал их с матерью дома и не выходил никуда гулять. Обрадовавшись звонку, Кузя не заметил тон, с каким были сказаны эти слова. Пожив трубку, Кузька весело проскакал на кухню и затеял небольшой ужин. Мальчишка с детства отличался своей любовью к поварскому искусству и, как, периодически шутил дедушка — Кузя без работы не останется никогда.

Хороший шеф-повар нужен всегда и всем. Будущий ведьмак с особой тщательностью и рвением приготавливал разные препараты. Алхимик и повар, решил он тогда — практически одно и то же. Пока Кузька шаманил на кухне, не заметил, как за окном уже нависла темнота. Тяжелая, с густой синевато-желтой от фонарей, дымкой.

«Ох, блин!.. Ну где же они???»

И сердце вдруг заныло так, что парень невольно согнулся в три погибели. Он вдруг ощутил холод. Как будто кто-то вонзил в его ребячье сердце стальной клинок. Мальчишка вздрогнул. Ходики на кухне остановили свой ход. В дверь кто-то скребся.

«Это Т-с-с! Что ему-то надо? Он просто так никогда не приходит... Только бы беду не насвистел!» — Кузя, не открывая двери, щелкнул пальцами. В двери немедленно образовалась маленькая потайная дырочка размером с мышиную норку. Эта дверь имела свойство подстраиваться под размер гостя из иного мира. А Т-с-с был шипящий таракан, красивый, гордый.

Являлся он к Федору и Кузьме тогда только, когда хотел сообщить что-либо важное, имеющее значение событие. Сколько раз Т-с-с выручал Федора, предупреждая его об очередном преступлении, о нападении, о краже...

И вот теперь Кузя ждал Т-с-с со страхом. Т-с-с медленно вполз и на языке, известном только посвященным, произнес:

«Где Старший? Не нашел Старшего...».

Кузя объяснил, что Федор уехал по делам за город, а дед с бабушкой ушли в гости. На что таракан обеспокоено произнес:

«Делать нечего, юный ведьмак! Ты останешься один, так как некому помочь им!»

Кузьма спросил таракана, кого он имел ввиду. На что тот печально пошевелил усами.

«Они хотели помочь Первому, попали в ловушку. Все плохо, чую беду. Потому пришел. Жаль... Старший мог помочь...».

Тут таракана передернуло.

«Извини, юный ведьмак! Теперь ты... почти один. Они бы не успели... Слишком все быстро... Потому что я не успел. Прости!».

— Что? Что?! Нет... Т-с-с, ты может быть ошибся... Бывает...может быть... — он повернулся к таракану, но в этот момент зазвонил телефон. Кузя бросился к телефону из кухни позабыв обо всем, схватил трубку и почти прокричал в нее:

— Да! Да... Да... Что? Что?! Нет... Вы ошиблись... Нет!!! Нет... — он урони телефонную трубку на пол, сползая по стене.

Звук коротких гудков заполнил воздух комнаты, неожиданно сгустившийся и не дававший дышать...

— Это не правда, — сказал он несколько минут спустя, стоя у стены на коленях, — Это не правда...

В ночь перед похоронами повалил снег. Вся земля оделась в белый наряд. Кузя не мог спать, он просто сидел и смотрел в окно. Снег хлопьями падал на деревья и землю, превращая знакомый с детства сад в заколдованный мертвый мир. В дверь постучали.

— Открыто.

Дверь знакомо скрипнула, Кузю окатило волной сквозняка. Со сквозняком пришел знакомый запах пряностей и амбры.

— Можно мне войти?

— Заходи... — Кузя не пошевелился, Федор, похоже, не ожидал ничего иного.

Закрыв за собой дверь, он сел на стул у письменного стола и облокотился на него локтями, положив голову на руки.

— Мне даже не разрешили на них посмотреть...

Федор промолчал, понимая, что его ответ не требуется.

— Все думают, что я еще маленький... Что я ничего не понимаю... Не было никакой аварии... Не было! Почему они мне врут?! Почему вы все мне врете?!!

— Никто тебе не врет, — монотонно ответил Федор, понимая, что Кузе просто надо выговориться.

— Но ведь вы не говорите мне ничего!

— А ты действительно хочешь узнать правду? Действительно хочешь узнать, все как есть?

— Да, хочу!!! — от тупого отчаяния Кузя перешел в крайнюю агрессию, но Федор смотрел на подростка совершенно спокойно.

— Авария действительно случилась. Твои родители были в той машине, что дважды перевернулась, и, упав со склона, вспыхнула как факел. Я друг твоих родителей, поэтому мне позвонили и попросили приехать. Ты же знаешь, что я оперировал твоего отца...

— Это все вранье!!! Кто их убил?! За что?!

— Это судьба, Кузя, судьба.

— Ты врешь!!!

— А что я должен сказать? «Я знаю, кто их убил?», — но я не знаю!

— Я узнаю это!!!

— Ты ничего не узнаешь. Просто умрешь, и все...

— А что бы ты сделал, если бы убили твоих родителей?! Ты бы просто сидел и думал?!

Федор резко встал и, схватив Кузю за локти, заглянул тому в глаза. Кузьма испугался горящему в них пламени.

— Мне не о чем было думать. Мою мать убили на моих глазах.

Сказав это, он отпустил задыхающегося Кузю и вышел из комнаты.

На старом кладбище под Петродворцом не хоронили уже давно, но Михаил Петрович добился, чтобы сына и невестку похоронили рядом с предками. За ночь все завалило снегом, так, что идти было тяжело. Кроме их маленькой процессии на кладбище не было ни души. Михаил, Наталья, Кузя, Федор, несколько сослуживцев Петра и скорбная мать Людмилы. Вот и все люди, что провожали в последний путь родителей Кузи.

Кузя стоял между дедушкой и бабушкой совершенно опустошенный. Несколько раз он осторожно скашивал взгляд на Федора, но опускал глаза каждый раз, когда Федор мог видеть его. Наконец, все закончилось. Скорбная процессия потянулась с кладбища в поджидающий автобус. Федор подошел к Кузе и положил руку ему на плечо.

— Поехали на Шингарку. Нечего нам с тобой делать на поминках. Мы их и так не забудем.

Кузя только кивнул, ничего не говоря.

Со смертью родителей Кузьма полностью окунулся в учебу и тренировки. Выучил еще три языка и, наконец, дед принес ему огромный, почерневший от времени, пахнувший старой кожей и плесенью, фолиант, исписанный столбиками непонятных знаков.

— Мабдорнаг, — сказал Михаил Петрович одно только слово и у Кузи дрогнуло сердце, ведь это был язык, при помощи которого можно было вызывать демонов в мир людей и повелевать ими, а затем приказать им вернуться домой, не нарушая равновесия.

Целый месяц Кузя учил буквы, коих набралось триста девяносто шесть, а затем принялся узнавать слова языка тех существ, что живут в мире огня. На третий месяц изучения Старейшего языка, сидя в библиотеке, напротив Федора, который в этот момент что-то внимательно изучал, Кузьма, сбиваясь через каждое слово, взвыл:

— Как мне этот язык надоел! Я с ума сойду!

— Я тебе сойду... — меланхолически ответил Федор и отвесил Кузьме несильный, но чувствительный подзатыльник.

— Ну! — возмутился Кузя.

— Это что бы не болтал всякую ерунду. Сойдет он, — пояснил Федор, — А язык этот — для тебя, для дурачка. Как ты будешь с драконами разговаривать?

— С драконами?! Ты шутишь, что ли?

— Учи, не болтай, — Федор углубился в чтение, — главное, помни про Равновесие, — добавил он, помолчав.

Не удовлетворенный этой беседой, на следующий день Кузя пожаловался деду:

— Дед?! Сколько можно учить этот язык? Он же не настоящий!

— Учи давай! — рявкнул дед, — Ненастоящий!

— Ну а какой? Кто на нем говорит?

— Если не будешь знать, как на нем говорить, то и сказать ничего не сможешь! А главное, имена собственные.

— Дед. У меня мозги кипят. Ну, какая мне польза от того, правильно ли я скажу «Норготонодокулатунимруг»?

— Будет польза, еще какая. А будешь ныть, скажу Федору Михайловичу, пусть тебя на ум наставит.

— Я ему уже говорил, — сказал Кузя.

— Что?! — на несколько мгновений у Михаила Петровича пропал дар речи, — Ты говорил с Федором Михайловичем о том, что не хочешь учить Первый язык?!

— Я сказал, что надоело... Он меня подзатыльником наградил, сказал, что не смогу с драконами разговаривать...

— И все?! — спросил Михаил, до сих пор со страхом вспоминая тот день, когда он пожаловался добрейшему Федору на трудности Первого языка.

— И все... — Кузя вздохнул и отложил фолиант, затем повернулся к Михаилу:

— Я сегодня на день рождения к Лидке.

— Обратно поздно пойдешь?

— Дед! Ну, ты что спросил?! Поздно! А что, я маленький? — ответил Кузьма, играя мускулами. Михаил Петрович только вздохнул и покачал головой.

Веселый и слегка нетрезвый Кузя возвращался со Дня рождения по густым зарослям парка. За спиной ему послышался какой-то шум. Кузя остановился и прислушался. Звук стих. Кузьма пожал плечами и пошел дальше. По аллее, навстречу ему, шла хрупкая девушка. Поравнявшись с Кузьмой, она улыбнулась ему. Юноша улыбнулся в ответ.

— У вас не найдется прикурить?

— Нет, — засмеялся Кузя, — Я не курю...

— Какая досада, — сказала девушка и подошла к Кузе вплотную. В ее руках мелькнул платок и крепко прижался к лицу Кузьмы. Кузя дернулся, вдохнул яд и обмяк, упав на землю.

Кузя пришел в себя, растянутый за руки и за ноги в высокой арке, стоящей в центре большого сводчатого помещения. Перед ним открылась картина — большая пентаграмма со свечами и справа от нее, круг. В пентаграмме густо, как молоко, клубился туман, в круге находились обнаженные мужчина и женщина.

— Норготонодокулатунимруг! Явись и служи!

Мужчина и женщина начали обряд вызова. С каждым движением мужчины, туман в

пентаграмме изменял свою форму.

Кузя, усилием воли, прогнав из головы собственный туман, вспомнил имя вызываемого демона и шепотом стал произносить его.

Наконец, мужчина достиг кульминации, и в тот же миг облако дыма в пентаграмме превратилось в отвратительного демона. Через несколько долгих мгновений, кульминации достигла женщина. Демон стряхнул с себя оковы пентаграммы и вышел наружу, почувствовав запах человеческого тела.

— Пхнглуй мглвнафх Кугу Рех вгахнарол фхтагн, Норготонодокулатунимруг — сказал Кузьма немного дрожащим голосом.

Демон подошел к Кузе и спросил на языке, который юноша еще утром считал не существующим:

— Как получилось, родственник, что ты в человеческом теле?

— Я в теле ведьмака. Видишь метку?

Демон своим особым зрением осмотрел Кузю и увидел трехлапчатую свастику в круге с тремя коготками. Демон понимающе покачал головой

— Интересно. Ты овладел им или он тобой?

— Мы оба в проигрыше. Он еще жив и причиняет мне столько страдания, сколько может, своими уродливыми мыслями.

— Плохо. Долго он проживет?

— Не знаю. Может, три цикла, может пять.

— Плохо. Только мне тоже не очень весело. Смертные вызвали меня сюда, а зачем, не сказали...

— Они твои господа? Они, кажется, неправильно произнесли твое имя?

— Неправильно. Но они не поняли. Будешь есть со мной?

— В этом теле я не могу...

— Жаль. Знаешь, мне кажется, они думают, что они в безопасности в своем не полностью начерченном круге.

— Я вижу, что он начерчен неправильно.

И действительно, круг был начерчен без должной тщательности и три знака были нарисованы не верно и криво.

Демон отвернулся от Кузи, и пошел к незадачливым демонологам. Мужчина и женщина смотрели на демона с ужасом — все пошло не так, как они рассчитывали. Через несколько мгновений все было кончено. Демон с удовольствием пожрал сердца убитых, а затем посмотрел на Кузьму.

— А теперь куда? Мне здесь не нравится. Здесь холодно!

— Если ты разорвешь мои цепи, то я отправлю тебя домой, и мы ничего не будем должны друг другу, — сказал Кузя, вспомнив слова Федора о равновесии.

Демон почесал рога правым копытом, вместо левой ноги у него была здоровенная птичья лапа, поднял оба хобота и, фыркнув, ответил:

— Жаль, что я не могу увидеть тебя воочию, родственник. Сдается мне, что ты из Старших. Я бы не догадался так соблюсти обычай. Да. Ничего не должны. Равновесие.

Демон легко разорвал цепи на Кузе. Кузя сгруппировался и прыгнул на каменный пол. Взяв меч, Кузя кровью убитых людей начертил на земле знак открытия врат, знак возвращения и знаки четырех первых сил.

— ОГТРОДАИФ ГЕБЛ — ИХ НОЯ-РУОТОТ НГАХНГАИЙ ЗХРО, — громко ска:

Кузьма.

Коснувшись мечом демона, Кузя отправил его в первозданный Хаос. В этот момент в подвал вломилась милиция. Их глазам предстал разгром, два чудовищно изуродованных тела и парень с огромным мечом, весь в крови.

В кабинете следователя по особо важным делам Андрея Коломенского с утра было не продохнуть. Вечером жизнь казалась следователю просто прекрасной — ему сообщили, что арестован виновник недавних убийств, прокатившийся по Ленинградской области.

Но с утра все пошло наперекосяк. Все происходящее нравилось следователю все меньше и меньше. Он, с утра, уже настроился расколоть мальчишку и закрыть дело о серии особо жестоких убийств. Но мальчик держался уверенно, на хамство следователя не реагировал, спокойно сказал, что доказать его причастность к убийству сложно, пусть проверят характер травм. Этот «характер травм» почему-то привел следователя в ступор.

К десяти часам утра в кабинет Коломенского вошла изящно одетая молодая женщина. Черты ее лица были нежными и тонкими, но выражение — волевым и холодным. Она в полном сознании своей правоты потребовала объяснений по серийным убийствам. Следователь вскипел, но быстро сник, когда увидел ее служебное удостоверение и прочел, что перед ним советник юстиции третьего класса Ирина Костромина.

Все совсем стало плохо, когда приехала бабушка подозреваемого и стала просить что-то несусветное, а именно, что бы ее ненаглядного внука отпустили встретиться с дедом.

— Поймите, Михаил умрет сегодня! Он должен увидеть внука последний раз! — рыдала не старая еще женщина.

Следователь сжав губы, полный сознания своей значимости, ответил:

— Я уже все сказал!

Наталья Евгеньевна плакала, закрыв лицо правой рукой. На среднем пальце таинственно светился красивый серебряный перстень со сложным сквозным узором и бирюзой. Ирина некоторое время задумчиво смотрела на это кольцо.

Затем резко сказала:

— Оформляйте документы на перемещение.

Следователь взвыл:

— Товарищ Костромина!

— Под мою ответственность, Андрей Николаевич, — пожала плечами Ирина.

Дед, тяжело дыша, лежал под капельницей в больнице. У его постели сидел Федор.

— Я все сделаю, как ты просишь, не сомневайся, Михаил Петрович.

Дед кивнул, в этот момент Кузю в палату ввели в наручниках два конвоира. Вслед за ними вошли Ирина и бабушка.

— Наручники снять, все вон! — распорядилась Ирина, в упор посмотрев на Федора.

Федор кивнул:

— Я врач Михаила Петровича.

— Хм... Михаил Петрович? Я привезла Вашего внука, — напряженным тоном сказала Ирина.

— Федор Михайлович поможет мне с внуком... Он в... курсе всего...

— Феденька, как хорошо, что ты здесь! — всплеснула руками Наталья Евгеньевна.

— Наталья Евгеньевна, здравствуйте, — сказал Федор, — Ох, Кузь... задал ты нам дел!

Иди сюда!

— Мы подождем в коридоре, — сказала Ирина.

Она взяла бабушку за руку и бережно вывела ее из палаты. Как только они оказались в коридоре, Наталья Евгеньевна спросила:

— Откуда... вы знаете?

— На вас кольцо моей матери. Это кольцо дедушка привез из Лхасы... Когда с мамой... случилось... мне было двенадцать лет, и я все хорошо помню. И я сделаю все, что бы спасти вашего внука. Так это и есть тот самый...? — она не договорила фразу, но Наталья Евгеньевна кивнула головой, поняв смысл вопроса прокурора.

— Да, это он... наш Феденька.

— Я его себе представляла гораздо старше...

В палате, в этот момент, старший ведьмак передавал силу молодому. Федор держал руки на лбу Михаила и на затылке Кузьмы. От напряжения, по подбородку у Кузи, текла струйка крови из прокушенной губы. Дед крепко держал его за руки. Затем он кивнул. Федор разорвал контакт.

— Миша, ты насчет этой истории не волнуйся, я все улажу. Я за дверью подожду, — сказал врач и вышел из палаты.

Кузя и Михаил молчали, пока дверь за Беляевым не закрылась. Затем дед сказал:

— Ты должен дочитать... все книги... Помнишь, как их найти?

— Помню, дед. Не умирай! Не отдавай мне силу!

— Это не та сила, что поддерживает жизнь. Это — сила ведьмака. Дар чуют нечисть. Слушайся Федора. Он... Не важно. Тебе он вреда не причинит никогда. Запомни это. В твоей жизни будут ситуации, когда ты будешь думать по-другому. А теперь позови Наташу.

— Дедушка, не оставляй нас! — взмолился Кузьма.

— Мы встретимся. Но с тобой — очень не скоро. Ты проживешь очень долго. И тебе... придется разделить свою силу на три части. Позови бабушку.

Сегодняшний день.

На девятое мая погода выдалась сносная, тучи были разогнаны. Солнце залило Петербург ослепительным светом и весь город вышел полюбоваться на это зрелище. Федор и Ирина сидели в только что установленном ресторанчике Летнего Сада. Федор, придя с дежурства, заказал себе серьезной еды и ел за двоих. Ирина пила кофе и ела пирожные.

Сзади них, в парке, сидела пожилая супружеская пара, оба в орденах. Они говорили между собой, обсуждая Федора и Ирину.

— А ведь оба шпионы! — сказал мужчина.

Федор насторожился.

Жена согласно кивнула:

— Вы совершенно правы, Михаил Владимирович! И одеты по-нашему и говорят по-русски. Точно шпионы.

От такого сложного вывода у Федора глаза полезли из орбит. Ирина, хотевшая понять, почему они сделали такое заключение, подала Федору знак не показывать вида.

— Да, да... Дамочка пирожные вилочкой кушает, кофей пьет, блюдечко в руках держит.

— А кавалер? Котлету ножом придерживает, кусочек вилочкой отодвигает. На англичан похожи.

— Нет. Французы или итальянцы. По-нашему говорят лучше нас с тобой, Мария Александровна.

В этот момент пришел Кузьма. Все трое поздоровались, начали болтать о празднике и погоде.

Старики были довольны открывшимся зрелищем.

— Ну что я говорил? По-русски говорят, позавидуешь!

Кузя сел за стол, Федор уголком рта сказал:

— Закажи спагетти.

Кузя пожал плечами:

— Хорошо! — и стал изучать меню.

Когда официант подошел, Кузьма, осторожно скосил глаз на Федора, ожидая подвоха, но сказал официанту:

— Мне пасту с морепродуктами и белый мускат.

Официант кивнул и исчез, будто в воздухе испарился. Беседа друзей продолжилась, и Федор на время позабыл о разведчиках, сидящих за его спиной. Но вот принесли спагетти, Кузьма принялся наматывать макароны на вилку, и тут Федор услышал, как восхищаются старики:

— Итальянец! Точно! Как ест спагетти...

— Но тот, — Мария Александровна кивнула головой в сторону Федора, — француз. Манеры... *Comme il faut*...

— А вот и нет, Мария Александровна. Кольцо-то у него архиепископа Толедского, или я на старости лет ослеп?

— О! Михаил Владимирович... Как всегда Вы правы. Испанский гранд, Альба.

Федор изо всех сил сделал вид, что не понял этих слов. Ирина, что бы прекратить это представление, сняла плащ, делая вид, что что-то ищет в карманах. Она была одета в прокурорскую форму.

Мария Александровна ахнула:

— В таком ранге! Куда контрразведка-то смотрит!

Михаил Владимирович согласился с женой:

— Все продали, ничего не осталось!

Старики с достоинством поднялись со скамейки и ушли. Троица, из уважения к сединам разведчиков, старалась не засмеяться. Получилось это из последних сил.

Федор вздохнул:

— А раньше наличие хороших манер не было столь выдающимся явлением... Ну шпионы, так шпионы...

Закончив трапезу, они поднялись из-за стола.

— Пойдешь с нами, Федя? — спросила Ирина.

— Я бабушку собирался навестить, — отозвался Федор.

— Я через два часа буду у тебя, — эхом отозвался Кузя.

Это была уже традиция. Федор кивнул, соглашаясь. Избавиться от Кузьмы в этот день не представлялось возможным.

На Пискаревском кладбище лежали люди, коих Федор почитал своей единственной родней, не считая, конечно Кузьмы. Один раз в год он посещал их могилы. Чаще — просто не мог, сил, вновь пережить горе такой потери, не доставало.

И вот он направлялся на кладбище. Ему мерещились взрывы, валяющиеся с ног прямо на улице, умирающие люди. И собственное бессилие. Тогда он понял, что не властен он над «такой» войной. Единственное, что он смог, это напугать Ворошилова, когда, окончательно выведенный из себя таким ведением войны, явился к нему в Ставку. Только искры летели. Федор долго тряс его и, пригрозив расправой, гордо удалился. Исправить мозги

командующего с его безумным хозяином не удалось. Слишком сильными были те, кому два негодяя служили. Хотя, Ворошилов убрался из города, напуганный Федором.

Придя на кладбище, он увидел картину, которая потрясла его до глубины души. Молоденькая экскурсовод, приведя в «музей» очередную толпу, объясняла экскурсантам, что здесь лежат «петербуржцы». Также рассказывала о других подвигах города героя Петербурга и горожан. Вскользь упомянула, что для того, чтобы выжить, народ даже занимался каннибализмом. Этого Федор уже не мог стерпеть.

Разгневанный доктор на польском, немецком и английском языках объяснил экскурсантам, что город — герой ЛЕНИНГРАД. И на мемориальном Пискаревском кладбище лежат ленинградцы. И не празднующимися, не ведавшим ужасов блокады, судить людей осажденного города. Собравшиеся вокруг Федора несколько экскурсионных групп подумали, что он гид и очень внимательно слушали, даже записывали на магнитофоны, диктофоны. Кто-то даже снимал на видео.

Среди толпы экскурсантов был и один очень известный британский журналист. Он тщательно записывал в блокнот речь Федора, так как всегда живо интересовался этой темой, а слова Федора подготовленному слушателю открывали многое. Заметил журналист и две или три оговорки, а, услышав их, понял, что описываемые события для рассказчика не история, а собственные, выстраданные воспоминания.

Каково же было его изумление, когда, вернувшись в гостиницу, и открыв блокнот, чтобы переписать написанное скорописью, он увидел на листках своего блокнота только нарисованные силуэты диковинных птиц. Намек он понял и, хоть и запомнил все сказанное Беляевым, и даже очень осторожно использовал кое-какие намеки Федора в своих работах, никогда не написал об этом случае на кладбище ни одной строки.

Федор же, уйдя от безмолвных от удивления экскурсантов, долго стоял у могилы Екатерины Андреевны, самого дорогого своего друга. На ее могилу он по традиции принес хлеб. Дождь, начавшийся, как обычно, вопреки синоптикам, скрыл от зевак его слезы. Федор решил вернуться домой. Кузьма, приехавший к нему, не смог утешить друга. Федор был немногословен и угрюм, как обычно с ним бывало девятого мая.

Кузя знал историю Екатерины Андреевны Горностаевой. Еще до войны она стала соседкой Федора по коммуналке. Она тогда уже была ветхой старушкой. В блокаду Екатерина Андреевна работала в госпитале, подбирала на улице голодных людей, делилась с ними последним. Все, что приносил домой Хранитель, она отдавала другим. Федор знал об этом...

Сколько продал он на базаре «черным антикварщикам» своего имущества, не знал никто. Он менял на продукты книги, картины, вазоны, золото. «Черные антикварщики» специально пробирались в осажденный город, чтобы отбирать у умирающих людей последнее, некоторые откровенно просили перевода по военной линии и по линии Партии. Федор ненавидел их, но даже он мог не все... После войны он находил их... не всех, конечно, многие так и пропали из его поля зрения.

Вместе с дедом и отцом Кузьки Федя переправлял по, нехоженым для людей, крысиным и волчьим тропам, детей на Большую землю.

Когда сотрудники Гесса выманили Хранителя из Ленинграда, стояла осень сорок четвертого. Только в ноябре сорок пятого друг Федора, француз Виктор привез полуживого Федора в город. Остаться Виктор не мог и вернулся во Францию, поручив заботы о друге Наталье Андреевне. Верные Михаил и Петр воевали на Западном фронте, а Наталья была и

эвакуации. На Хранителе не было живого места. Он представлял собой одну огромную рану. Виктор оставил ей указания, как надо лечить друга и препараты. Екатерина Андреевна, как могла, защищала Федора, ибо в таком состоянии он не смог бы обидеть даже муху. Отпаивала врача особыми травами, за что врач ей был бесконечно благодарен. И как только встал на ноги, отблагодарил женщину, вернув ей репрессированного тогда сына-разведчика.

Парня угораздило попасть в плен и сбежать на следующий же день. Но день, проведенный в плену, СМЕРШ посчитал изменой Родине. Если бы не вмешательство Федора, сын Екатерины Андреевны просто пропал бы, как и сотни, тысячи...

Однажды, после очередного дежурства в госпитале, Беляев вернулся в холодную, как могилу, коммуналку. Он позвал соседку, но она не отозвалась. Почуввав неладное, он вбежал в ее комнату. У бедной женщины была пробита голова. Воры унесли из коммуналки последнее, что можно было унести. Пережив страшную войну, старушка была убита обыкновенными уголовниками...

Когда Федор, понял, что Екатерину ему не воскресить, он решил наказать убийц. Он нашел их, но радости ему это не доставило. У одного из них было четверо, а у другого двое малолеток.

Похоронив благородную женщину, бывшую для него больше, чем соседкой, врач затосковал.

«Какой же я к черту Хранитель, если не мог помочь?» — который раз задавал себе вопрос врач и, как всегда, не получал ответа.

Непродуманная стратегия командармов и бешеная политика против своего же народа, безжалостный молох, не дали тогда народу в кратчайшие сроки выиграть эту войну. Какой урожай собрала Госпожа Живых тогда, возможно, не знала и она сама.

Перед глазами Федора все еще стояли жители его города, заключенные Освенцима, сожженные заживо жители прибалтийских, белорусских, украинских, русских сел, деревень, коим не было числа.

Застенки Ананербе, где Федор находился почти год, он вспоминал тоже. Он считал себя виновным в гибели многих невинных людей, которых замучили благодаря его несговорчивости и нежеланию служить немцам. А после... лаборатория доктора Менгеле... Если бы не местные альвы, которые нашли тогда Виктора и вмешательство Отто Скорцени, одним Хранителем стало бы меньше.

И вспоминая сейчас, по прошествии многих лет, эту войну, Федор тосковал от своего тогдашнего бессилия, невозможности что-либо исправить. Врач нервно перебирал струны гитары, пил только водку, отчего Кузьме всегда в этот день становилось не по себе. Он предпочитал молчать, но находился с Федором всегда рядом в этот день. Дед предупреждал его об этом. Кузя знал, что тоска Федора может привести к невероятно плохим последствиям для всех. Дождавшись, когда врач наконец-то уснул, выронив из рук инструмент, Кузя, с облегчением расчистил себе место среди антикварных завалов и улегся рядом на полу, сторожить Федыкин сон.

Глава 5.

Три года назад.

В прихожей просторной, дорого обставленной квартиры в старом доме, у зеркала стоял, ожидая, хорошо одетый мужчина, периодически посматривая на часы.

Это был высокий, очень красивый брюнет с изумрудно зелеными глазами. Его чуть вьющиеся волосы были по-военному коротко пострижены, но явно в дорогом салоне.

Холодное лицо имело твердое и холодное выражение. От левого уха, наискосок через щеку, шел искусно скрытый пластическим хирургом, почти не видимый, шрам. Мочки правого уха не было, но это тоже было искусно замаскировано.

Он снова посмотрел на часы, и в этот момент дверь в квартиру отворилась. В коридор вошла Ирина Костромина в легком плаще.

— Привет, Кирюша.

«Кирюша», сумрачно кивнув, еще раз, демонстративно, посмотрел на часы. Ирина сняла плащ. Под ним была прокурорская форма.

— Ты даже не одета! — возмутился мужчина.

— Нас всех на совещание вызвали, Кирюша! — извиняющимся тоном сказала Ирина.

На Кирилла увещевания жены впечатления не произвели:

— В такой день могли бы тебя и отпустить!

— Кирилл, прекрати! Не жалуйся, дорогой! В кои-то веки не я тебя жду, а ты меня. Я уже полностью готова, мне просто платье надеть! — уже гораздо более твердо ответила Ирина.

— Увы, мне! Покорно ожидаю, пока вы наденете платье, госпожа, — сказал Кирилл, а затем добавил, — Но не забывайте, что Вас ждут еще тридцать человек.

В ресторане былолюдно. За большим, богато накрытым столом в центре небольшого отдельного зала ресторана сидела компания во главе с Кириллом и Ириной. За столом сидели в основном мужчины, женщин было немного. Среди приглашенных был Кузьма с бабушкой. Все говорили тосты, весело перекликаясь.

— Так, у нас свадьба или нет? — спросил один из офицеров, сидевших за столом, — Горько!

Кирилл улыбнулся, приподняв бровь:

— Ой, Ирочка?

Ирина засмеялась:

— Конечно, свадьба!

Она встала и, потянув за собой Кирилла, поцеловала его взасос.

Офицеры, в полном восторге, закричали:

— Ура!

— Так! — громко сказал сидящий рядом с Кириллом генерал, — Не свадьба, а десятая годовщина! Десять раз целуйтесь!

Все захлопали, не веря в свое счастье.

— Раз! Два! Три!... Десять!!!

«Молодожены» в изнеможении упали на стулья, пытаясь отдышаться. Затем Кирилл встал и, призвав всех к тишине, начал говорить:

— Я хотел бы поднять этот тост за замечательного офицера, человека, который заменил мне отца, вывел меня в люди, всегда помогал мне советом и делом. За Андрея Михайловича Звонникова.

Все встали и принялись чокаться с Андреем Михайловичем. Он обнял Кирилла и поцеловал Ирину.

Кирилл и Ирина шли из ресторана пешком. Кирилл обнимал жену, она положила голову ему на плечо и что-то тихо напевала себе под нос.

— Иришка, как мне хорошо с тобой... Как я люблю тебя!

Ирина засмеялась от счастья:

— А я тебя как люблю! Счастье мое!

Они зашли в свой двор. Там, под аркой, были парень и девушка. Парень сидел, привалившись к стене дома, его голова безвольно свешивалась на плечо. Девушка стояла около него на коленях. При звуке человеческих шагов она подняла голову. Весь подбородок и шея у нее были в крови.

Ирина вскрикнула. Девушка кинулась к ним, оскалив зубы. Кирилл, загородив собой Ирину, выступил вперед. Девушка продолжала мчаться на них. Кирилл ладонью, кистью и локтем ударил по оскаленному лицу и одним ударом разбил ей нос, челюсть и ключицу. Но в этот миг изуродованное человеческое лицо преобразилось, она зашипела, это была уже многоножка с человеческой шеей и лицом, разбитым от удара. Из ее рта выстрелил раздвоенный язык с жалом на конце и ударил Кирилла в шею. Затем, немислимо изогнувшись, она убежала по стене на крышу дома и там исчезла.

— Кирилл! Кириилл! — закричала Ирина.

Кирилл медленно осел на асфальт.

Ирина обняла мужа, пытаясь поднять его с земли, нашла в кармане сотовый телефон, с третьего раза, путаясь в цифрах, набрала телефонный номер:

— Андрей Михайлович! Кирилла убили!!!

Через пять минут по ночному городу к дому Костроминых пронеслись три «Хаммера» с мигалками.

Через неделю Ирина в черном закрытом платье фасона десятых годов стояла у раскрытого окна. За ее спиной переминался с ноги на ногу Кузя.

День был невероятно жаркий. Окно было раскрыто, и по комнате гулял легкий сквозняк. Редкое Петербургское солнце сегодня расщедрилось — позолотило старинную, натертую воском мебель, играло на стеклах многочисленных фотографий, сверкало на выставленных в специальном шкафу у дальней стены коллекции минералов, что привез в Санкт-Петербург прадед Ирины, известный геолог и путешественник.

Ваза с виноградом, стоявшая на большом овальном столе, привлекла внимание нескольких пчел. Они устроили в воздухе над столом веселую возню, пока Кузя аккуратно не поймал их всех в кулак и выкинул в окно.

Он с грустью смотрел то на Ирину, то на фотографию Кирилла в траурной рамке. Фотографию, стоящую на антикварном комод у окна, щедро позолотило солнце и Кирилл, казалось, сам излучал сияние. Это был один из первых фотоопытов Ирины, очень удачный, Кирилл очень любил этот портрет, гордился тем, как легко его жена освоила хитрую премудрость художественной фотографии. Этот снимок стоял на комод уже семь лет. Теперь рядом с ним лежало свидетельство о смерти.

— Ир, ты бы к нам, что ли переехала. Бабушка тебя звала.

— Ага... А он приедет, дома никого нет... В парадном ему ночевать, что ли?

— Ир.

Ответом было только молчание.

— Ира.

Также не раздалось ни слова.

— Ирина Петровна?

Ирина дернула плечом:

— Кузь. Ты же знаешь, я терпеть не могу, когда ты меня так называешь... Как на следствии...

— Ира. Он не вернется...

— Неправда, неправда! Не говори так! Тебе то что, жив он или умер, а я...

— Мне тоже не все равно. Я ему жизнью обязан.

— Ты? — Ирина на миг отвернулась от окна, но только для того, чтобы взглянуть на портрет мужа, — Никогда не рассказывали. Ни он, ни ты...

— Помнишь, когда ему дали второй орден Красного знамени?

— До конца жизни не забуду! Вместо годовщины свадьбы чуть не... — она безнадежно махнула рукой, — А он ведь так и не сказал, за что...

— Раз он не говорил, что там за дело было, то и я не скажу, но одним из тех людей, что он спас, был и я.

— Господи, твоя воля! Да, это через год было, после того...

— Я как раз в армии служил.

— Ты... ведь в Чечне служил... Ах... Он никогда... Кузя, ты пойми... Он вернется... Они же не дали мне даже взглянуть на него, на мертвого... Просто дали свидетельство... Я не верю им... Андрей Михайлович что-то скрывает. Он даже не принял меня, когда я попросила о встрече.

Сегодняшний день.

Подготовка к летнему саммиту Большой Восьмерки затронула все властные структуры. Вот и в кабинете прокурора города обсуждался вопрос безопасности проведения столь важного мероприятия. Но в данный момент обсуждался вовсе не саммит.

За столом друг напротив друга, сидели прокурор области и прокурор города. Поодаль от них сидел незаметный мужчина в штатском, что-то рисуя у себя в блокноте.

Прокурор области возмущенно смотрел на своего коллегу, как будто он был виноват в случившемся.

— Нет, только этого нам не хватало! Как раз перед саммитом, будь он неладен! — поперхнувшись этими словами, он бросил взгляд на незнакомца.

Тот не прореагировал.

Прокурор города тяжело вздохнул и неодобрительно покачал головой:

— Николай Егорович. Никаких вампиров перед саммитом не будет. Надо Костромину подключить. Она и разберется и экспертов подберет, они заключение напишут, так что комар носа не подточит. Опять же этот ее доктор в своих кругах — авторитет. Скажет — мутация, все решат — мутация.

— Главное, чтобы до его заключения ведьмак его с саблей прошелся по тем подвалам. Тогда и заключение, ему писать, а нам читать спокойнее будет. А то, как в Чернильнице... Дураков этих послушались, археологов!

Прокурор города неосознанно поднял руку перекреститься, но опомнился, сдержал себя:

— Ох, и было страху!... А в Осельках!

Прокурор области бессознательно перекрестился на передний угол, в котором висел портрет Президента, потом понял значение своего жеста, снова покосился на сидящего поодаль человека и в сердцах плюнул:

— Хорошо хоть ведьмак с Федором без нашей команды упырей не ищут... а не то бы...

Неожиданно, все время молчавший неизвестный встрепенулся, и спросил:

— Кстати, все Достоевский, да Достоевский, а как его фамилия?

Прокурор города смутился:

— Понятия не имею.

Тот понимающе кивнул и вновь уткнулся в свой блокнот.

Прокурор области вздохнул:

— А вот ведьмак их, почему себе никак не переманишь? Он же в Чечне служил, спецназовец, с образованием каким-то непроизносимым. А?

— Кабээн, он, кто. Палеонтолог. Чертей-то выгоднее ловить. Знаешь, Николай Егорович, сколько череп настоящего черта стоит?

— Какого еще черта? — недовольно сморщился Николай Егорович.

— Настоящего. С рогами. В «Антике» лежит, на витрине...

— Кравченко что ли... добыл?

— Да в магазине врут, что из Франции...

Оба прокурора обреченно вздохнули, скосив глаза на вновь углубившегося в рисование человека.

Через час после разговора в кабинет прокурора города зашла Ирина. В кабинете был только хозяин.

— Заходи Ирина Владимировна, присаживайся.

— Спасибо, Павел Николаевич.

Ирина прошла к столу и села рядом со столом прокурора.

Прокурор города протянул ей папку:

— Вот дело. Вроде несчастный случай, а непонятно... Ты привлеки экспертов своих...

— Вот как? Экспертов...

— Как раз перед саммитом, непонятки эти... нежелательны.

— Экспертов неплохо бы провести по бухгалтерии.

— Хорошо. Скольким дуракам уж только не заплатили... От этих хоть толк... Только...

И Николай Егорович это говорил... Пусть Кузьма Петрович как следует там пройдетя с саблей... В исследовательских целях... А Федор Михайлович пускай уж напишет заключение, чтоб прям хоть в рамку на стену. Чтоб хоть Президенту, хоть всем восьмерым, для ознакомления, что никаких вампиров, прости Господи, на Черке сроду не было, а сплошная благодать Божия!

— И пройдутся и напишут. А Федор Михайлович не один напишет, а с несколькими коллегами.

— Их тоже по бухгалтерии проводить?

— Их не надо. С ними Федор Михайлович сам договорится.

— Добро. Только пусть костей не... Там пусть все исследования проводят, прямо на месте. А то, как в тот раз... — какой именно раз, прокурор уточнять не стал, было их без счета и еще один ничего не изменил бы. Это прекрасно понимали и Павел Николаевич и Ирина.

— И вот, что, — встрепенулся прокурор города, — на Невском, в «Антике», где, кстати, Кузьма Петрович охранником служит, на витрине опять череп черта лежит!

Ирина пожала плечами:

— Этому черепу уже двести лет. Его из Франции еще князь Юсупов привез.

— Да какая разница! Скажут, чертей развели к саммиту. Ну, ступай, подумай там над этим...

Примерно через час Кузя, безо всякой причины, повинувшись не столько необходимости, сколько смутным инстинктам, влекущими ведьмака в поисках нечисти, пришел в

прокуратуру.

На проходной он предъявил пропуск и, не спеша, пошел к лестнице, ведущей в недра прокуратуры. Добравшись до третьего этажа, он подошел к двери с табличкой «Костромина Ирина Владимировна, государственный советник юстиции» и постучал в дверь.

— Заходи, Кузя, — раздался из-за двери голос Ирины.

Кузя одобрительно кивнул головой, открывая дверь.

— Привет. Ждала меня? — спросил Кузя, глядя на обычное место Ирины за столом. За столом никого не было.

— Привет. Я здесь.

Кузя зашел в кабинет. Ирина сидела у окна за столиком для посетителей, листала дело и пила кофе.

— Садись. Кофе — только растворимый. Нет, не ждала. Просто в управлении сейчас никто не рискнет меня беспокоить. Я думаю.

— О чем?

Кузя сделал себе кофе и плюхнулся в кресло напротив Ирины.

— Был странный случай, а тут еще визит... восьмерки эти, девятки... — она раздраженно тряхнула головой, — Все это не важно. Ты где работаешь?

— Охранником в «Антике». Сутки через трое.

Ирина фыркнула и, бросив дело на столик, стала пить кофе.

— А опыты на покупателях ставишь? Федор жаловался. Он вообще как тобой руководит?

Кузя засмеялся, представив, что бы сказал Федор о «руководстве».

— Издевается, по мере возможности... Он вообще-то оппонент.

— Он так подробно рассказывал, что у тебя да как... Будто про сына.

Кузя поморщился. Он не любил, когда говорили, что Федор заменил или мог заменить ему отца. Федор всегда относился к нему, как к младшему брату, это правда, но никогда не претендовал на такое сокровенное место в душе Кузьмы.

— Он хочет меня выгнать к зиме на защиту.

— Раз хочет, значит выгонит. Он у нас терпеливый, Федор-то...

Кузя поморщился еще раз. Ни для кого не было секретом, что Федор давно и безнадежно влюблен в Костромину. Долше всех в неведении оставалась, конечно, Ирина, но и она прозрела достаточно быстро. А может быть, ей рассказал кто-то из подруг, неясно. Кузя терпеть не мог двусмысленность в отношениях двух его лучших друзей и, по мере сил, старался избегать ситуаций, связанных с этой двусмысленностью.

— Так. Ты давай, рассказывай про странности, — сказал Кузя несколько резче, чем хотел. Ирина прекрасно поняла причину его вспышки, но не подала вида.

— На Черке новостройка. Отрыли котлован. Да то ли перепутали, то ли наоборот, что-то искали не то, что положено... Двое рабочих пропало... Через двое суток вернулись, но какие-то странные. Как пьяные. Пытались укусить бригадира. Бригадир позвал на помощь, они убежали. За ними в погоню — исчезли, как сквозь землю провалились. Стали искать. Точно — подвал. А в нем — кладбище. Старое, не позже пятнадцатого века. Набежали археологи, стали эти гробы вытаскивать, а там! Ну... сам знаешь, — Кузьма кивнул, он знал, — Трое исчезли, а потом и кладбище пропало, то есть могилы остались, а гробы пропали все до одного, будто их и не было. Только дырки в земле.

Кузя не выказал никаких эмоций по поводу невероятного рассказа. Да он и не ощутил

никаких эмоций.

— Значит, нам с Федором поехать надо посмотреть. Вдруг, что опасное. Только мы там зависнуть можем дня на три. Ты уж МЧС не вызывай, как тогда... — не смог удержаться Кузя от шпильки.

— Когда вы про это забудете! Я волновалась! — покраснела Ирина, вспомнив историю с Казанским собором.

— Переволновались мы, когда откуда не возьмись... Ладно, проехали. Федора надо официально забрать с работы, у него дежурства.

Экзотические исчезновения Федора в стиле «Секретных материалов» были легендарны в медицинских кругах. Единственно, что его неизменно отличало от героев сериала — он всегда находил для любых происшествий разумные и рациональные объяснения, к огромной радости прокуратуры и городских властей.

Ирина кивнула.

— Я съезжу, поговорю с его руководством, а ты, раз уж здесь, иди в бухгалтерию.

Глава 6.

Полутемный книжный магазин был таким, сколько Федор себя помнил. Он помнил его еще лавкой братьев Скворцовых. Ее два раза пытались закрыть еще при Святейшем Синоде, но не сложилось — хозяева у лавки были люди правильные, солидные, все больше купцы первой гильдии.

Книги здесь были везде. Строгими рядами стояли на полках бесконечных стеллажей, ровными стопками лежали на консолях, рядом с офортами и дагерротипами, стопками повертлявей — на полу. На стенах, там, где были специально отведенные свободные места, испокон века висели старинные гравюры. Иногда они менялись, когда какую-либо из них покупали изрядные ценители, но случалось это очень редко, ибо стоили они баснословно дорого. Дважды этим ценителем был Федор, и цены не раз заставили его покачать головой.

Хотя, подлинные офорты «Каприччос» были куплены им хорошо, если за треть цены, а было это еще при старом хозяине магазина. Нынешний ему, положив руку на сердце, и в подметки не годился, но, по здешним странным временам, он был вполне компетентным человеком. Просто Федор помнил времена... несколько давние.

Федор вышел из «Хаммера» и решительно открыл дверь в магазин. В лицо ему дохнуло прохладой. Он вошел в полутемное помещение. Сегодня ему звонил нынешний хозяин лавки и приглашал посмотреть на новое приобретение — несколько довольно редких и дорогих книг.

Молодая продавщица окинула его заинтересованным взглядом и приветливо улыбнулась. Как хорошо Федор знал этот магазин, так же плохо он запоминал девиц за прилавком. Да и то сказать — прилавку было уже почти двести пятьдесят лет, а девиц за ним перебивало видимо-невидимо. Постоянно сменяясь друг другом, они были весьма разнообразны, как по внешности, так и по знаниям, но были совершенно одинаковы в одном — они считали Федора идеальной кандидатурой для мужа. Его мнение при этом было, разумеется, не важно.

Федор улыбнулся нынешней девице в ответ, совершенно автоматически и без какой-либо душевности, и переключил свое внимание на книги. Девица некоторое время наблюдала за ним, пока не поняла, что посетитель не обращает на нее никакого внимания, обиженно надула губы и углубилась в чтение любовного романа в пестрой обложке. То, что девица читала дешевую книжку, купленную в метро, сидя за прилавком самого лучшего в

городе антикварного книжного магазина, сказал Федору о многом. Покружив некоторое время по магазину, полистав папки с акварелями, посмотрев на висящие гравюры и немножко рассеяв свою хандру, Федор подошел к прилавку:

— Добрый день, — сдержано поздоровался Федор, положив правую руку на прилавок. Массивный перстень с печаткой таинственно сверкнул бриллиантами в литере «А». Девушка в ответ только приподняла брови, но врачу сейчас не было дела до ее манер, — Я могу увидеть Александра Викторовича?

Девушка с вызовом пожалала плечами:

— Он занят. Он каталогизирует новую коллекцию.

Федора это уже стало утомлять. Почему все здешние продавщицы мнили себя неотразимыми красотками? Это было вне его понимания.

— Он звонил мне об этой коллекции. Он хотел ее мне показать.

— Я не могу оставить зал, — поджала губы девушка.

В ее глазах было: «Ну, давай же, проси меня!»

— Хорошо, — разозлился Федор, достал сотовый телефон и набрал номер, — Александр Викторович? Я у Вас в магазине, но ваша барышня не хочет вас позвать... Боится за книги... Вероятно, я выгляжу достаточно криминально...

На этой реплике в зал магазинчика выскочил сам Александр Викторович.

— Дражайший Федор Михайлович! — антиквар и Федор одновременно закрыли сотовые и пожали друг другу руки через прилавок. Затем Александр Викторович вернулся к самому важному делу на нынешний момент:

— Лариса! Запомните Федора Михайловича, пожалуйста! И впредь не опасайтесь оставлять на него магазин!

Федор вспомнил случай, на который намекнул антиквар и засмеялся. Александр Викторович засмеялся тоже. Тогда, в далеком уже, девяносто втором году, Федор остался один в магазинчике, ожидая, когда ему принесут его «порцию» книг, как в магазин совершенно случайно зашел какой-то совершенно «новый русский» в пиджаке такого алого цвета, что даже в полутьме магазина на него было больно смотреть.

В течение трех четвертей часа Федору удалось продать этому чуду природы все лежалые офорты, невероятной чудовищности акварели и десяток книг, о содержании которых можно было только догадываться, так как отвратительная северная печать середины 19 века практически полностью вылиняла и на страницах книг остались только малопонятные закорючки.

С тонкой, и почти бессловесной, подачи Федора дело вышло так, что это летопись правления Влада Дракулы, и что тот, кто расшифрует эти записи, будет знать обо всех местах, где Цепеш прятал свои клады. Самого же Федора вынуждают расстаться с этими книгами только лишь исключительно стесненные обстоятельства, ведь эти реликвии хранились в семье с того самого времени... «Ценитель» антикварных книг ушел совершенно счастливый, отвалив за грудку барахла сумму денег, достаточную для покупки неплохого автомобиля.

— Хорошо, Лариса, идите и принесите книги, что я отложил на подоконник. Позже я расскажу вам, что бывает, если оставить Федора Михайловича в магазине одного, — Лариса обиженно ушла в кабинет хозяина, пока Федор и антиквар обменивались ничего не значащими новостями и всем известными сплетнями.

Наконец девушка вернулась со здоровенной кипой книг, и снова села читать книжку, но

антиквар небрежным жестом выпроводил ее. В полутемном зале книжной лавочки остались лишь двое мужчин.

Федор начал осторожно перебирать книги, откладывая некоторые из них в сторону. Несколько из них он сразу отложил — Папуос никогда не был ему интересен. Букинист с интересом наблюдал за ним. Затем Федор взял в руки малоприметную книжку в облезлом коленкоровом переплете. Открыл, перелистнул несколько страниц.

— Латинская версия кошмарного "Necronomicon". Кто-то скажет, что это выдумка Лавкрафта... 17 век? — Федор посмотрел на антиквара, ища подтверждения своей мысли. Тот кивнул:

— Вы превосходный знаток. Мало кто может так легко датировать книги.

— Спасибо, вы всегда тонко льстите моему самолюбию, — он положил книгу на прилавок слева от себя. Антиквар знал этот жест. Он означал, что Федор покупает эту книгу. В это время Беляев взял еще одну из стопки, принесенной ему для выбора:

— Зловещая "Liber Ivonis" Альберта Магнуса... — выпустил книгу из изящных пальцев дав ей скользнуть на прилавок — еще не решил, брать ли безделицу, взял из стопки еще одну:

— "Cultes des goules", «Культы оборотней» графа д'Эрлетта — одиозная книга... — положил ее на книгу Магнуса и переложил обе в стопку тех книг, что собирался купить.

— Есть еще "Ключ к познанию" графа д'Эрлетта, — позволил себе прервать покупателя антиквар.

Тут же, пробежав кончиками пальцев в своей стопке, показал книгу. Федор внимательно ее пролистав, отложил в «свою» стопку. Еще одна книга вызвала удивленное «Хм!»:

— Просто невыразимая редкость... — тонко сказал Федор.

Антиквар улыбнулся каламбуру так, как будто это было его любимой шуткой, — "Unaussprechlichen Kulten" фон Юнцта... — и эту книгу Федор отправил «себе».

— Что скажете об этой? — не вытерпел антиквар, показывая книгу в черной с зеленым коже.

Федор не удержался от громкого восклицания:

— Дьявольские "De Vermis Mysteriis"! — и тут же сбавил тон на обычный, — Червивые таинства старика Людвиг Принна... Так ведь это скорее всего подделка... — он перелистнул страницы, обратил внимание на недостаток типографской печати, — А... Нет, виноват, виноват... Поздняя копия, но Принн. Держал в руках такую... В Праге.

Тут же положил книгу в «свою» стопку.

— "Ars Magna et Ultima" Луллия, — антиквар показывал ему еще одну книгу в богатом кожаном переплете, тисненном серебром.

— Да что вы говорите? Эта? — Федор требовательно протянул руку, антиквар положил книгу в протянутую ладонь.

Покупатель внимательно осмотрел фолиант, послушал, как шуршат страницы, затем деликатно постучал пальцем по переплету...

— Тысяча триста, — подобный допрос «с пристрастием» не был свойственен Федору и букинист это знал. Федор задавал подобные вопросы, только когда не был уверен, достаточно ли ценно содержимое книги для его приобретения. В конце концов, Луллия в более скромном издании можно было купить и дешевле, а эту книгу продать какому-нибудь нуворищу.

— Хорошо, — Федор согласился с ценой, положив ее в «нужную» стопку и антиквар почувствовал мгновенное облегчение — Федор Михайлович был очень строгим ценителем.

Федор взял следующую книгу, бегло ее просмотрел. Букинист внутренне весь сжался. Разные знатоки расходились во мнениях относительно этой книги. Кто-то говорил, что это полностью подделка, кто-то утверждал, что на свете встречаются и настоящие экземпляры этого сочинения.

— Пнакотикские рукописи... Бессмыслица. Но забавно, — вынес свой приговор Федор и небрежно отложил ее на прилавок. Антиквар тяжело вздохнул, а затем обеспокоено зашевелился, потому что Федор рассматривал следующий том без того внимания, что он заслуживал, по мнению антиквара.

— "Clavis Alchimiae" Фладда, неплохое сочинение... — Федор выпустил книгу из рук, заинтересовавшись следующей.

— Джованни Батиста делла Порта "De Furtivus Literarum Notis" О знаменитых тайны писаниях, 1563 год. Ему еще и тридцати не было... — задумчиво, совершенно для себя, сказал Федор.

— Он уже основал Академию тайн природы, — вставил антиквар, желая блеснуть эрудицией.

— В Неаполе, в 1560 году... — механически согласился Федор, — Хорошо сохранилась, — погладив книгу по перелету, он положил ее к себе.

Неожиданно, его внимание привлекла толстая книга в самом низу стопки. Он ловко «выкрутил» ее и открыл на титульном листе. Тут же на его лице появилось выражение глубочайшего разочарования. Он явно принял ее за какую-то другую книгу.

— "Необъяснимые происшествия, имевшие место в новоанглийской Ханаане, описанные преподобным Вардом Филиппом, пастором Второй церкви Архам-сити на берегу Массачусеттского залива". Ну просто шедевр! — насмешливо протянул Федор, продолжая читать титул, — 1801 год, Бостон, — он насмешливо хмыкнул и захлопнул книгу, — Ее надо купить только для того, чтобы показывать внукам, какие книги не нужно покупать! — антиквар и Федор засмеялись.

Федор положил «ненужную» книгу на прилавок, "Ключ Алхимии" Фладда с прилавка переложил в свою стопку. Все остальные книги его не заинтересовали.

— Итак? — задал вопрос Федор.

— Аль Азиф, два Эрлета, Фладд, Принн, Магнус... делла Порта... Юнцт... Луллий з тысячу триста... Пять тысяч шестьсот, — на самом деле цена не изменилась бы, даже если Федор взял все книги, но даже самым любимым покупателям не нужно знать все.

— До шести — «Необъяснимые происшествия» и «Пнакотикские рукописи», — задумчиво предложил Федор.

— Превосходно! — ответил букинист, просяив. Больше всего он обрадовался тому, что кадавр «Пнакотикских рукописей» не будет позорить его славное заведение.

Федор достал бумажник и начал отсчитывать деньги. Хозяин магазина не был из тех людей, кому сумма вручалась одна и сразу, не тот калибр. Антиквар тщательно упаковывал книги, осторожно кося глазом на деньги.

Федор положил деньги на прилавок и, прощально кивнув хозяину магазина, взял упаковку книг и, не оборачиваясь, вышел на улицу. Подойдя к «Хаммеру», он некоторое время искал по карманам ключи, которые он, по обыкновению, просто забыл в замке зажигания. Вспомнив, мысленно дал себе подзатыльник, открыл дверцу и, поставив книги

на сиденье, достал сотовый телефон. Повертел его в руках, снова убрал. Сел в машину и медленно поехал по улице. Снова открыл телефон. Набрал номер.

— Добрый день, Беляев вас беспокоит. Да, по поводу «Пнакотикских рукописей». 1731 год... Кожа... Нет, не человеческая. На человеческой коже «Пнакотикские рукописи» последний раз были написаны в 1322 году... Да, как договорились, двадцать пять. Да, на мой счет... Как только деньги ко мне придут, тотчас же. Прекрасно. Значит я просто еду к вам. Считайте, сколько мне нужно времени на стояние в пробках с Васильевского острова, — сказал Федор и посмотрел на название улицы. Оно гласило: «Лиговский проспект, 11». Доктор прибавил газ. Пусть думают, что он едет с Васьки.

До здания «Межрегионбанка» Федор доехал довольно быстро. На охраняемую стоянку его пропустили, даже не спросив документы — его «Хаммер» здесь хорошо знали и указания насчет него были даны строжайшие. Ловко выкрутив из упаковки требуемую книгу, Федор достал сотовый и набрал номер.

— Добрый день... Да... В руках. Иду.

Он вышел из машины, снова не потрудившись ее закрыть, и пошел в видневшийся неподалеку вход в здание. На проходной его уже ждали два безукоризненно одетых молодых человека.

— Федор Михайлович? — спросил тот, что стоял слева.

— Да. Я — Беляев.

Федор кивнул молодым людям и пошел к лифту. Двое сопровождающих — следом за ним. Свой путь до кабинета второго заместителя генерального директора Федор знал прекрасно — он не первый и, даже, не десятый раз продавал книги этому человеку.

Путь был красив — полированный мрамор в человеческий рост, дерево, позолота, хрусталь — банк был не из бедных и старался, в меру своих способностей, это показать.

В приемной второго заместителя наперерез Федору, чуть не плача, бросилась секретарша и, кланяясь в пояс, стала умолять подождать — шефа сию минуту вызвали к Самому...

Федор милостиво кивнул, и, потребовав для услаждения души улунского чая «Сы цзи чунь» сиречь «Весну четырех сезонов» и цукатов для улучшения ощущений, погрузился в недра огромного кресла, чтобы всласть помедитировать. Всласть помедитировать ему не дали. Буквально через несколько сладких мгновений медитации Федор услышал:

— Все готово, Федор Михайлович...

Федор удивленно разлепил веки, чтобы осмотреть то, что, по мнению секретарши, символизировало собой «все», встал, коротко поклонился и перешел к маленькому столику, на котором это «все» и находилось. В самом деле, на низком столике стоял набор для чайной церемонии, при виде которого Федор поцокал языком.

Беляев, не смущаясь ни в малейшей степени, снял ботинки, по-самурайски уселся на ковер и приступил к приготовлению напитка, воистину достойного богов. За этим благородным занятием через четверть часа его и застал второй заместитель генерального директора. Не посмев прервать священнодействия, он сиротливо мялся на пороге приемной, пока Федор властно не позвал его:

— Дмитрий Игоревич! Присоединяйтесь.

Дмитрий Игоревич подошел и, косясь на секретаршу и подчиненных, уселся на ковер рядом с Федором.

— Ваша секретарь — просто чудо. В этом городе можно найти такой набор только в

Японском торговом представительстве, да и то, вряд ли. Запах чая безупречен. Сейчас будем пробовать. Жаль, что вы не видели, насколько великолепно распускались листья...

Чай Дмитрию Игоревичу понравился, и он все с большим интересом слушал пространные объяснения Федора о природе чайной церемонии и ее необходимости для современного городского жителя. Чай они гоняли с час, пока Федор не понял, что Дмитрий Игоревич уже готов для серьезного и вдумчивого разговора.

— Пойдемте в кабинет. Нужно поговорить без посторонних.

— Да, да, конечно, — прокряхтел еле живой Дмитрий Игоревич, с некоторым трудом разгибаясь после сидения на ковре. Федор элегантно встал и небрежно поклонился секретарше:

— Премного Вам благодарен.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Прошествовав в кабинет, Федор с заметным удовольствием плюхнулся в кресло и вытянул ноги. «Пнакотикские рукописи» он в меру небрежно бросил на стол.

— Итак. Рукописи — перед Вами, — энергично сообщил Федор.

Банкир вздохнул:

— Мы уже перечислили Вам деньги...

— Прекрасно! Значит, я вам больше не нужен?

Дмитрий Игоревич замялся:

— Понимаете, Федор Михайлович... Как проверить эту книгу на подлинность?

— Никак. Этой книги вообще не существует в природе. Конечно, вы можете проверить, что эта книга написана на коже, содранной с... какого-то животного не позже 18 столетия... но...

— Да! Да! Это нам и нужно! Просто датировка материала!

— В судебной экспертизе. Любой. Дадите эксперту сто долларов, и он исследует книгу. А что, Вы думаете, что я Вас обманываю?

— Да что Вы такое говорите, Федор Михайлович! Это... совершенно не о Вас. Не желаете коньяку?

— Желаю, дражайший Дмитрий Игоревич, но, увы, я за рулем!

— Увы...

— Да, Дмитрий Игоревич... вам что-нибудь говорит имя Принн?

— Федор Михайлович! Мы же необразованные люди! Что мне может сказать это имя?

— Подземные таинства... Тайны червей...

— Про это слышал. И еще есть культы... несказанные?

— Невыразимые.

— Ну вот, — загрустил банкир, — вроде одно слово неправильно, а весь смысл другой...

— Ну что же, — Федор упруго встал, — желаю Вам всяческих благ, процветания и приумножения мудрости.

— Благодарю Вас, — встал в свою очередь банкир.

Федор кивнул и покинул гостеприимный кабинет.

Глава 7.

Через час Федор явился в «Антик» чтобы посмотреть еще одну редкостную книгу. Карла Людвиговича на месте не было, но Беляева без единого слова проводили в кабинет хозяина, где он и расположился со всеми удобствами.

Слабость Федора Михайловича Беляева к старинным гербариям была известна всем петербургским антикварам и букинистам, поэтому книг ему на оценку поступало довольно много. Немало из них было и редкостных.

Именно над такой книгой и размышлял Федор прямо сейчас, просматривая очередной травник 14 века. То есть, думать тут и нечего было — такой экземпляр «Альберта Великого» Федор видел вообще впервые, надо было брать. Но тут существовало несколько тонких мест, не самым малозначительным из которых было совершенно непонятное происхождение столь редкой книги, и слишком длительный срок ее неизвестного хранения.

За этими мыслями Федор не заметил, как кабинет превратился в арену переговоров. Карл Людвигович вернулся с потенциальным продавцом и вступил с ним в полемику. Обсуждалось небольшое живописное полотно, а точнее, портрет, императрицы Екатерины Великой.

Небольшое по размеру полотно изображало молодую императрицу в простом, почти домашнем, белом бархатном туалете. Она сидела в беседке на фоне весеннего пейзажа и писала письмо, держа в руке ярко рыжее перо, странно контрастирующее со всей серо-голубой гаммой картины.

Антиквар и владелец картины обсуждали детали, свидетельствующие о подлинности полотна, а Федор все смотрел и смотрел. Это действительно было то самое перо...

Екатерина всего неделю как взошла на престол. Утром, сидя за туалетом, новоиспеченная императрица спросила свое отражение в зеркале:

— Что мне надлежит сделать наипервейшее?

Раздался шорох, люстры зазвенели подвесками и, дребезжащий голосок произнес:

— Просить Хранителя оказать покровительство...

Императрица вскрикнула и уронила жемчужную нить, что прикладывала к простой, но изысканной утренней прическе. Фрейлины зашептались.

Федор, с утра пораньше, бранил Петра Кравченко, когда в имение прискакал взмыленный фельдъегерь с пакетом для Его милости полковника Беляева. Кравченко был изгнан из кабинета, чему немало обрадовался и Федор распечатал конверт, в котором были обычные «подарки» — очередной орден, жалованное имение в Малороссии и необычная просьба — небольшой конверт со скрепленным личной печатью императрицы письмо, выдержанное в самых кратких выражениях, приглашавшее полковника ко двору, для личного визита.

Беляев подумал, пожал плечами, подошел к зеркалу и стукнул по его поверхности пальцем. По зеркалу прошла рябь, зеркальные волны смыли отражение Федора и принесли зрелище пышнотелой красавицы, стоявшей у окна и державшей в руках письмо. При виде такой женщины Федор неосознанно приосанился, забыв о том, что перед ним всего лишь отражение в зеркале, затем по молодецки тряхнул головой, вернул свое отражение, с кислой миной осмотрел «кавалера» в домашнем халате и сеткой на волосах, сетку тут же снял, от зеркала отвернулся и пошел писать ответное послание с уверениями в своей преданности и прочая, и прочая...

Императрица волновалась. С самого утра ей было не по себе. Тот самый Хранитель, шепотки о котором она слышала с тех самых пор, как приехала в Санкт-Петербург, но никогда не решалась о нем расспрашивать, должен был прибыть сегодня вечером. В ответном письме, составленном на безукоризненном французском, полковник Беляев обещал прибыть, но требовал строжайшей тайны.

В назначенный час Екатерина сидела у окна Эрмитажа, что в парке Петергофа, наряженная в белоснежный роброн из нежнейшего бархата. Поверх него на женщину была накинута сеточка, наподобие рыболовной, только в каждой ячейке этой сети сидело по бриллианту. В руках она крутила золотую табакерку, украшенную двумя топазами.

Неожиданно, все свечи в комнате погасли. Женщина услышала хлопанье крыльев. Ее рука сама потянулась к колокольчику.

— Не нужно никого звать, Ваш Величество, — услышала она мужской голос за спиной и в тот же момент комната осветилась ослепительным светом.

Екатерина в ужасе обернулась. То, что она увидела повергло ее в столбняк: перед ней, на спинке кресла сидела птица, от перьев которой исходило огненное сияние.

— Так это правда... Ты действительно не человек... — сказала императрица, более всего на свете сейчас желавшая броситься наутек. Колени, к сожалению, были ватные, — Жар-птица...

— Да, — кивнула головой птица, взмахнула крыльями, свет померк, в комнате вновь воцарилась тьма.

Но вот свечи, как по волшебству, вспыхнули все одновременно. Рядом с креслом, на котором мгновение назад сидело диковинное существо, стоял высокий красивый мужчина, в камзоле сшитом по последней моде, и насмешливо улыбался:

— Так ты звала меня?

Екатерина кивнула, как заводная кукла:

— З-звала... Хранитель...

— Называй меня Федором. Зачем ты звала меня, повелительница?

Никогда еще Екатерина не чувствовала себя настолько ничтожной, как в тот миг, когда феникс назвал ее «повелительница».

— Я... я... — дыхание молодой женщины стало прерывистым.

— Ты, ты звала меня. Зачем? — Федор сделал шаг вперед, императрица отступила на шаг назад.

— Просить Вашего покровительства, — прошептала Екатерина.

— О! — насмешливо протянул Хранитель, делая еще один шаг, — Мое покровительство нужно заслужить.

Еще не договорив фразу, Федор в три широких шага пересек пространство комнаты, разделявшего его от испуганной женщины, и подхватил ее на руки. Императрица пискнула, как цыпленок, и уперлась руками в грудь мужчины:

— Да как Вы смеете!

В ответ Федор лишь хищно усмехнулся и впился губами в алый рот Екатерины. Поцелуй длился долго. Сначала напряженные руки женщины расслабились, затем осторожно легли на плечи хватчика, а потом жарко обняли мужчину за шею. Федор мурлыкнул и понес свою жертву в спальню.

Утром Екатерина проснулась совершенно одна, только на подушке лежало ослепительно сверкающее перо, обернутое листком бумаги. В руках женщины бумага истлела, но она успела прочесть:

«Буду к вечеру. Люблю. Федор.»

Тайные встречи Хранителя и императрицы продолжались почти год. Самое удивительное, что эти встречи действительно остались для всех тайной. Что кто-то посещает императрицу, знали, конечно, многие. Но кто? Никому и в голову не приходило, что

открытое окно императорской спальни и летящая в крошечной тьме птица предвещали бурную ночь любви.

Как-то под утро, когда Федор уже собирался улететь, Екатерина спросила:

— Федор?

— Да, Катти?

— Мне нужно перебраться со всем двором в Москву... Ты не сможешь...

Федор покачал головой.

— Значит мы расстанемся так на долго?

— Я принадлежу этому месту, возлюбленная моя Катти...

— Что мне сделать для тебя? Что бы ты не забыл меня?

— Ничего, моя милая. Я никогда не забуду тебя. Вернешься в Петербург, дай мне знать.

Если захочешь, конечно. Просто напиши моим пером: «Прилетай» и выброси листок в окно. Я прилечу.

Ее императорского Величества в столице не было около года. Как только она вернулась в Петербург, то первое, что сделала — бросилась к письменному столу, извлекла из палисандровой коробочки перо, обмакнув его в чернила вывела первые буквы «При...», бросила перо на стол, разорвала бумагу и разрыдалась.

Письмо с одним словом влетело в окно кабинета в имении Беляева только через двенадцать лет. Федор несколько мгновений разглядывал необычное послание, затем, вспомнив, что оно означает, вздохнул.

Императрица, на пике своего могущества, раздобревшая матрона в блеске своей красоты, весь день наряжалась в разные туалеты, что бывало с ней крайне редко, смотрелась в зеркало, не понимала ни единого обращенного к ней слова и гневалась на всех подряд. Наконец, она остановила выбор на жемчужно-сером атласном платье безо всяких украшений, а волосы приказала заплести в косу. Как только ее приказания насчет туалета были исполнены, она повелела всем убираться из ее личных покоев и не появляться до утра.

Ровно в полночь Федор влетел в давно известное ему окно. Екатерина сидела в массивном кресле кабинета так, что бы не было видно ее лица.

— Подойди ко мне, Федор. Только не смотри на меня.

Федор ласково и необидно засмеялся:

— Девочка! Глупая моя девочка! Как же не смотреть на тебя?! Ты же стала еще прекраснее!

Императрица закрыла лицо рукой и заплакала. Федор подошел к ней и стал гладить по голове, как ребенка:

— Не плачь, не надо. Ты была молода, стала старше, когда придешь к своему концу, это будет счастливый конец, путь в рай, а я не стар, не молод, я не живу, а существую, и конца этому не будет. И если кто-то сумеет меня убить — это будет моя гибель и от меня ничего не останется. И даже любить я не могу, не смею — ведь все, все вокруг меня когда-нибудь умрут. Таковы законы природы — жизнь есть там, где есть смерть, а нам, бессмертным — бесконечное ожидание.

Екатерина прекратила всхлипывать и посмотрела на мужчину:

— Я так тосковала без тебя... Я так боялась... — договорить Хранитель ей не дал.

Через 12 лет Екатерина послала за ним снова. На этот раз в официальной обстановке они сказали друг другу лишь несколько слов. Полковник Беляев был представлен сыну и внуку с самыми лестными рекомендациями венценосной матери и бабушки.

Ночью, когда императрица уже ложилась спать, она услышала за спиной шорох.

— Федор?

— Да, — Федор материализовался из тени, в складках которой прятался, — Сегодня мы видимся с тобой последний раз, моя милая Катти, — он провел пальцем по брови женщины и убрал руку, — Иначе ты возненавидишь меня. Но эту ночь мы проведем вместе, — он как в первый раз, подхватил ее на руки и понес на ложе.

— Нет, картина, безусловно, подлинная, — вынес свое решение антиквар, — но определить автора...

— Сколько Вы хотите за портрет? — неожиданно для всех спросил Федор. Владелец картины, охнул и взялся за сердце — похоже было, что до этой секунды он и не подозревал, что в кабинете есть еще один зритель.

— Тысяч десять — пятнадцать, — пробормотал он, придя в себя.

— Хорошо. Карл Людвигович. Оформляйте. Ваши проценты и так далее.

— Я понял Вас, Федор Михайлович, — кивнул головой антиквар, — Алексей Петрович! В комнату вошел менеджер.

— Слушаю Вас, Карл Людвигович.

— Картину упаковывайте для Федора Михайловича.

Менеджер кивнул и, взяв картину, унес с собой. Владелец картины переводил недоуменный взгляд с одного на другого.

— Так, я вас сейчас оставлю, что бы не мешать прийти к правильной цене. Да, травничек, я тоже заберу. Вы Кузьме потом скажете, сколько я буду вам должен.

— Как Вы изволите, Федор Михайлович, — привычно кивнул Карл Людвигович, ни сколько не беспокоясь о деньгах.

— Желаю вам приятно провести время, — бодро сказал Федор, вышел из кабинета и, взяв на выходе уже упакованную картину, поехал с ней домой.

Глава 8.

Утром следующего дня Федор вышел из парадного своего дома, и тут же почувствовал запах демона, недавно покинувшего первозданный Хаос. Запах серы спутать невозможно ни с чем, и хоть современные прогрессивные нравы и заклеями средневековые «темными веками», люди прошлого не очень-то и ошибались, считая серный запах неперменным атрибутом исчадий Ада. В каком-то смысле так оно и было — жители первозданного Хаоса в Среднем мире появлялись бестелесными и бесформенными сгустками кинетической энергии, если не совершали необходимых приготовлений. В числе прочего это включало в себя и купание в подземном, раскаленном добела, озере серы. Это касалось демонов попроче. Высшие демоны, разумом не уступающие и Первым, и Верхним, проходили сложные многоступенчатые процессы подготовки, позволявшие им безболезненно переходить между мирами, но и они в случае стрессов испускали серную вонь, сравнимую для них с запахом человеческого пота. Именно такой всплеск и зафиксировал Федор.

В мгновение ока он приготовился к бою и обернулся. Перед ним стояли два демона в человеческом обличье, оба сложив пальцы в знак мира. Федор кивнул и слегка расслабился, рассматривая пришельцев. На первый взгляд — ни чем не примечательная супружеская пара, только, пожалуй, есть какие-то диссонансы. Мужчина — чуть более плотен и коренаст, что бы быть пропорциональным, что-то странное с ногами, мало кто поймет, что его нога по строению, как задняя нога хищного животного, с коленом уходящим назад. Женщина — само воплощение чувственности. Воистину, неземная красота.

— На скорую руку формировались, — заметил Федор.

Не в осуждение, а так, для констатации факта.

— Истинно так, повелитель. Мы пришли с миром, — сказал первый демон, мужчина.

— А разве не красиво? — удивилась женщина-демон.

— Вот именно, что через чур красиво. Людей таких не бывает, — пожал плечами Федор.

— О! — задумчиво протянула женщина, — Старейший, мы пришли с просьбой.

— Излагайте, — кивнул Хранитель.

Почему же не выслушать вежливую просьбу? Это очень часто помогает избавиться от многих неприятностей.

— Несколько времени назад, — начал мужчина, — один из моих кровных братьев посетил Средний мир, что бы выручить нашего отца. Свой долг он выполнил, отец был освобожден. Но брат не вернулся домой ни в одном из состояний. Когда мы обеспокоились его отсутствием, то оказалось, что его сущность была поглощена чем-то, более сильной природы, чем даже наша хаотическая самобытность. Но он не погиб, а находится в состоянии глубокого порабощения, и даже не сознает этого.

— Прискорбно, — согласно правилам этикета, вступил в разговор Федор, — что такой прославленный род, как ваш, потерял одного из своих сыновей. Но как это касается меня?

— Повелитель! — вступила в разговор женщина, — Наш брат проник в Средний мир самым легким путем — через пещеры. К тому же, ему так было ближе добираться до конечной цели...

— Пещеры — на Американском континенте... — уточнил Федор, — Он прекрасно знал, что путь к Первозданному Хаосу был ближе и легче всего из пещер Кентукки.

— Именно так, Повелитель, — согласился с ним демон-мужчина, — Миссия у него была в Нью-Йорке... — он осекся под взглядом своей спутницы и она продолжила:

— Но после того, как неведомая нам сила поглотила его, он улетел в Россию. Непосредственно в Санкт-Петербург, Повелитель. И сейчас он может находиться только здесь, больше нигде его нет.

— Повелитель, это очень важно! — вклинился в гладкую речь женщины ее спутник, — Мы не можем вернуть брата в наш дом уже три цикла жизни Огненного Озера. Сила его уменьшается!

Демоница сделала знак и ее спутник умолк на полуслове.

— Наш отец просит Вас принять это в знак нашей дружбы и того, что души наши открыты для Вас всегда, — сказала красавица и протянула ему хрустальный шар.

Федор взял его в руки и онемел от изумления. Внутри круглого кристалла свободно плавал Талисман Имен. Массивный золотой кулон состоял из множества мельчайших букв, что составляли все алфавиты всех языков на свете. Но не сложная красота кулона вызывала такой трепет у Федора — Талисман Имен был мощным орудием в любых руках.

Все демоны, что жили в недрах планеты, грелись под солнцем Среднего мира, пребывали в Первозданном Хаосе или поднимались в Верхний мир — слышали зов этого Талисмана. Все демоны мира повиновались его владельцу беспрекословно. Подчинить себе демона можно было простым прикосновением Талисмана, не называя имя демона вслух. А если владеющий Талисманом был достаточно могущественным, что бы вызывать демонов из Хаоса к себе, то ни один из населяющих мир демонов не мог чувствовать себя в безопасности.

— Воистину царский дар! Подарок достойный самого могущественного клана Хаоса, — Федор замолчал, отыскивая слова, — Я не могу отвергнуть такой подарок, — демоны внимательно слушали его речь и понимающе кивнули в ответ, — но достойного ответного дара у меня для вас нет... Прямо сейчас, — добавил Федор, подумав.

— Мы не просим ничего в замен. Мы просто хотим, что бы Вы приняли наш дар, — проговорила демоница.

— Что я могу сделать для того, что бы ваше пребывание в городе было удобным и приятным? — перешел тогда Федор к делу, — Нужно ли известить кланы? Мать и Отца Тишины? Мать Пути? Хозяин Теней сейчас пребывает в моем городе, но он никого не принимает.

— Единственное, что нам нужно, это разрешение искать нашего брата в Вашем городе. С апартаментами и деньгами у нас проблем нет, Хозяина Теней мы беспокоить не смеем.

— Хорошо. Мое разрешение искать вашего брата у вас есть. Только искать. Никаких действий.

— Конечно, Повелитель. Все в этом городе принадлежит Вам. Только Вы решите, как нам поступить, когда мы найдем брата.

Федор был польщен, но решил не баловать демонов своим одобрением.

— Итак, найдите его, — демоны с поклонами удалились, Федор пошел к «Хаммеру».

Кузьма наконец принес долгожданный отчет Федору на кафедру гистологии и тот углубился в чтение опуса, придирчиво делая пометки в тексте красной ручкой.

— Как школьное сочинение, — заметил Кузьма, бездельничая около большого аквариума с тропическими рыбками.

На аквариуме, как в музее, была приклеена табличка с названиями видов рыб на русском и латинском языках, и их описание для тех, кто не ориентировался в ихтиологии так легко, что бы без подсказки отличить рыбу Пикассо от коралловой рыбы-ангела. Рядом были аккуратно выведены клички, которыми рыб наградили люди, обитавшие на этой кафедре. Клички были простые, но подобранные со вкусом — Диоген, Кант, Гегель, Пушкин, Герцен, Блаватская...

— А почему они все только философы? — задал Кузя вопрос, который вертелся у него на языке лет пять.

Федор поднял голову от бумаг:

— Что? А... философы — все писатели... И потом, кафедра-то литературы?

Дав столь исчерпывающий ответ, Федор вновь углубился в чтение. Кузьма кивнул, полностью удовлетворенный подобным заявлением.

Федор перевернул последнюю страницу и сказал:

— Все, что я поправил, переделать. Немедленно. После завтра, что бы мне на стол.

— Федь, только к понедельнику. У меня еще...

— У тебя защита зимой. Ты монографию сдал в печать?

— Монографию — сдал, — ответил ведьмак, довольный, что хоть что-то он сделал правильно.

— Вот... Жалко! Хотел я там переделать одну штуку... А сказать тебе забыл...

Федор вздохнул и встал из-за стола.

— Забирай свои бумажки. Ты когда работаешь?

— Завтра.

— Иконы видел?

— Конечно, видел, я их оценивал, — пожал плечами Кузьма.

Федор спрашивал об иконах, что принадлежали хозяину магазина «Антик», где работал Кузьма. Он собирался выставить их на продажу, а Федор издавна интересовался фряжскими иконами.

— Стоит посмотреть?

— И выменять стоит. Там абсолютно великолепный Деисус и очень хорошие лики.

Кузьма, как настоящий православный, никогда не говорил «купить» или «продать» про икону. Федор приподнял бровь. Кузьма был хорошим знатоком старины, и услышать из его уст сразу два определения в превосходной степени — это стоило многих рекомендаций экспертов.

— Значит, поеду, посмотрю. Он меня сегодня приглашал.

— Сегодня? Боится в мою смену тебя приглашать?

— Наверно, — пожал плечами Федор, — Будто это что-то изменит.

Федор не нашел, где припарковаться у магазина, проехал за квартал, бросил «Хаммер» там и вернулся пешком. В салоне посетителей было немного. Федор кивнул охраннику и пошел искать хозяина. Карл Людвигович, хозяин магазина, разговаривал в глубине оружейного зала с несколькими дорого и броско одетыми мужчинами, показывая им меч, очень хорошо сделанный под старину. Увидев Федора, он поклонился издали и знаками показал ему, чтобы Федор сразу проходил в кабинет. Вероятно, боялся, что Федор присоединится к группе и даст реальную оценку мечу, который он собирался продать, как старинный. Клиенты странно посмотрели на Федора, одетого, ради посещения института, очень просто — в льняной костюме и неброские замшевые ботинки. Федор взгляды проигнорировал и прошел в кабинет хозяина магазина.

Иконы были выставлены в двух больших витринах. У стены, сразу перед входом, отдельно стоял Деисус. Федор благоговейно перекрестился. Старинный, XV века, на двух досках Деисус изображал Иисуса Христа с Богородицей справа и Иоанна Крестителя слева. Федор залюбовался строгим и скорбным ликом Богоматери, нежнейшими цветами в ее руках.

Переведя взгляд на витрины рядом с Деисусом, он увидел, что весь деисусный чин тоже здесь — фигуры архангелов Михаила и Гавриила были великолепны — грозны и милостивы одновременно, святые Петр и Павел в пурпурных накидках и белоснежных хитонах вглядывались в Федора, словно вопрошая — прав ли ты?

Иоанн Лествичник, Иоанн Дамаскин, Арсений Великий, выписанные на одной иконе сразу, смотрели строго и предупреждающе. Святые мученики Феодор Стратилат и Феодор Тирон со щитами и мечами, в красно-бело-золотых одеяниях, кивали одобрительно — молодец, тезка.

Святые мученики — Евстратий, Артемий, Полиевкт в красно-зеленых римских нарядах, держа в руках маленькие черные кресты, знак своей мученической кончины, смотрели ясно и умиротворенно — выбирай по совести, не гонись за сиюминутным, говорили их взгляды.

Святители Василий Великий, Иоанн Златоуст, Григорий Богослов в украшенных крестами римских тогах, протягивали Федору свитки с рукописной мудростью. Первые православные святые — равноапостольный князь Владимир, благоверные князья Борис и Глеб в богатых красно-зеленых княжеских одеяниях, глядели задумчиво, не осуждали, зная грехи и за собой.

Федор смотрел на иконы и вспоминал старинный монастырь под Печерой. Там, точно

также, на него с икон смотрели строгие лики, под взглядами икон он находил новые силы для того, чтобы жить. С тех пор, как он излечил свои душевные раны в том монастыре и принял православную веру, взяв Михаила Петровича Кравченко крестным своим отцом, он на самом деле стал Федром Михайловичем Беляевым, осознав и приняв свою смертную участь. С тех пор он часто приезжал в монастырь и, чем мог, помогал. Этот Деисус и Святые идеально вошли бы в иконостас главного храма в этом монастыре, свой у них был совсем уж беден.

— Что думаете, Федор Михайлович? — спросил Карл Людвигович, войдя в кабинет.

— Сразу две мысли, Карл Людвигович, сразу две, — отстраненно ответил Федор.

— Поделитесь? — улыбнулся антиквар.

— Извольте. Первая — о том, что сегодня я утрачу целое состояние. Вторая — вы тоже.

Карл несколько мгновений напряженно думал, затем понял скрытый намек на только что проданный втридорога меч, и засмеялся.

— Увы, да. Мне не удастся променять их за три цены. Что Вы выбрали?

— А как Вы думаете? — пожал плечами Федор.

— Все.

— Именно. Вам Нострадамус позавидовать может. Двадцать пять.

— Двадцать пять? — опешил антиквар, но тут же осознал свою оплошность, — Двадцать пять?! Да Вы не одного, Вы двух состояний меня лишить вздумали! Ровно в два с половиной...

— А вот теперь — давайте спорить...

Жаркий торг продолжался битых три часа. Перебрали все. Отслоенный лак, неправильное золочение, не каноническое положение рук, не естественное положение ног, двусмысленно читаемые надписи, плохо читаемые письма в свитках, и так далее, с одной стороны. Полный Деисус, редкостный стиль письма, превосходное состояние для XV века, новгородская школа — с другой.

— Да это в Русский музей продать можно!

— Продайте, посмотрю я, сколько они Вам заплатят!

— Воля Ваша, Федор Михайлович, больше пятисот с этой не скину!

— Не может она столько стоить. Это что — Феофан Грек?

— Да ее на «Сотби» с руками оторвут.

— Даже не упоминайте. Как они на «Сотби» попадут?

— Никак не попадут, — буркнул антиквар, — Это музейная редкость. Значит, плюс шесть — тридцать две.

— Тридцать — последнее мое слово.

Карл Людвигович посопел, передвинул икону с изображением Архангела Михаила, и Федор увидел за иконами картину Ватто, французскую пастораль. Это зрелище своей неуместностью неприятно поразило его, и он поморщился. Антиквар принял это на свой счет и поторопился сказать:

— Хорошо, хорошо. Тридцать.

— Вот и ладно! — Федор отвернулся от икон. Сердце екнуло и отпустило. Федор и антиквар пожали друг другу руки, завершая сделку.

— Счет Ваш прежний? — уточнил Федор.

— Прежний.

— Ну, так я в банк. А Вы их упаковывайте. Их в монастырь, на Печору нужно отправить

Нечего им в музее делать.

Сердечно распрощавшись, расстались очень довольные доверчивостью друг друга. У каждого были свои соображения по цене этих икон. Через час после ухода Федора, Карлу Людвиговичу позвонил Кузя.

— Карл Людвигович? Кто кому должен?

Карл Людвигович засмеялся. Кузя поспорил с антикваром о том, что Федор больше половины запрашиваемой первоначально цены не даст.

— Я должен! За тридцать уговорил меня, как будто я первый день иконы меняю!

— Цена им красная — пятнадцать, так не очень-то и расстраивайтесь.

— Я и не расстроен, хотя цена им, конечно же, не пятнадцать, — спохватился антиквар.

Глава 9.

Утром следующего дня Федор и Кузьма отправились на Черню речку. Оставив машину в двух кварталах от стройки, они пошли пешком. Все около нужного им места было окружено лентами с надписями «Опасность», «МЧС РФ», «Милиция» и так далее, но наши путешественники, осторожно преодолев зыбкое препятствие, оказались на небольшом пятачке, где и находился вход в подземелье. Провал они нашли сразу же, несмотря на усилия властей замаскировать его под обычную кочку.

Кузя легко сорвал полоску опечатки и они несколько мгновений постояли над черным зевом земли. Федор стоял на шаг сзади, держа в правой руке спортивную сумку, а в левой — фонарь «молнию» и очки ночного видения.

Кузя начал осторожно спускаться по раскрошенным кирпичным ступеням.

— Вот чего я не понимаю, так это — зачем фонарь и очки? — подал голос Федор.

— Фонарь для света, очки — для тебя.

— Вот спасибо! Я вообще-то еще не инвалид, чтобы в темноте подсвечиваться.

— А вскрытие проводить при одной «молнии» будешь?

— Война, что ли? В лаборатории вскрыю, как обычно.

— Хрен тебе, а не лабораторию. Прокурор города сказал — никаких костей из склепа не выносить.

— А мы не кости потащим, а весь труп.

— Тогда нас точно растерзают в прокуратуре. Я дал сто одну торжественную клятву, что ничего отсюда выносить не буду, и тебе не дам. И как мы повезем труп? На «Хаммере» на твоём? На заднее сиденье положим?

Федор дернул плечом:

— И что? Не возили разве? Я в каске буду вскрытие проводить? Без условий?

Кузя усмехнулся в ответ:

— А в лабе и я проведу.

Федор застонал с неподдельной мукой:

— Я помню, как ты проводил вскрытие! И весь институт, по-моему, тоже.

Кузя засмеялся:

— Всего один покойничек-то и убежал! Ну и что?!

— Зато какой! Нет, ты вспомни этого зомби!

— Ой, ладно! Ты когда-нибудь меня простишь за него?

— Когда на планерках меня перестанут склонять за то, что по коридорам патологии, с попустительства гистологов, бегают безголовые покойники с ребрами в руках.

Кузя засмеялся, но ответить ничего не успел — они дошли до конца лестницы.

Лестница под их ногами была завалена мусором, омерзительно пахло гнильем. Свет с поверхности земли сюда не проникал, но огня они не зажгли. Федор аккуратно тронул Кузю за плечо. Кузя повернулся — Федор протягивал ему фильтры для носа, что бы можно было без помех дышать в этом месте.

Надеть фильтры было делом минутным. Затем молодой ведьмак очень осторожно сделал шаг в сторону. Федор прошел на шаг вперед, заглянул за угол, осторожно осматриваясь. Затем закрыл глаза. Постоял так, поворачивая голову из стороны в сторону. Затем начал говорить:

— Наибольшее напряжение в правой части свода. Ты осторожнее там. В центре и слева — нормальное давление. Пустоты в полу — тоже только в правой части. А вот коридор — за левой стеной. Пусковой механизм, но отсюда я не вижу, как он действует. Повнимательнее. Стена поворачивается, а не отодвигается, — Федор открыл глаза, — Живого ничего не чувствую, ты уж извини.

— А тут и нет ничего живого. Просто мертвяки ходят без толку...

Федор кивнул, соглашаясь. Кузя достал клинок и пошел вперед, держа его в защитной позиции. Федор сделал несколько шагов за ним. Теперь они находились в большом сводчатом зале с тремя колоннами. Раньше колонн было пять, теперь осталось только три. Стены и потолок здесь были из глазурованного кирпича, а колонны — из камня. От двух колонн остались только груды щебня и крупных булыжников.

Кузя прошел до левой стены.

— Вижу. Посмотри, подо мной нет пустот?

— Нет. Я смотрел, — пожал плечами Федор.

— Хорошо.

Концом клинка Кузя нажал на выступ стены, и она начала медленно поворачиваться. Омерзительный сладковато-масляный запах гниения усилился. Федор подождал, когда проем полностью откроется, и осторожно подошел к Кузе. За стеной оказался узкий и низкий коридор. Друзья осторожно направились в подземные недра. Пройдя под землей метров сто, они оказались в низком, но просторном помещении.

Здесь запах был просто нестерпим — запах гнили, пыли, плесени, мокрого камня, смерти, злобы — все было в этом омерзительном запахе. Он проникал даже в фильтры, отравляя не только тело, но и душу.

— Поругание, — одними губами сказал Федор.

Весь зал был заставлен гробами. Они стояли, как на свалке, один на другом, друг на друге, как попало. Многие из них стояли открытыми, другие рассыпались, чуть не в прах, третьи гнили мокрыми грудями дерева. Но много было хорошо закрытых, крепких.

Федор достал из сумки короткий дротик с серебряным наконечником, саперную лопатку и две пары длинных печаток из грубой, прорезиненной ткани. Кузя и Федор надели перчатки, помогая друг другу. Затем Кузя забрал дротик и лопатку и начал обходить гробы, разбивая крышки и пронзая их обитателей дротиком, а лопаткой — отрубая головы. Скалящиеся, шепчущие, пытающиеся укусить головы он бросал Федору.

Федор, к тому времени, достал из сумки большой брезентовый мешок и принялся сноровисто ловить страшные снаряды, как мячи, совершенно не обращая внимания на их поведение, не давая себя укусить, и не позволяя плюнуть себе в лицо.

Кузя закончил обход подземелья, отсалютовал Федору дротиком. Федор закрыл мешок, и, завязав его, они вдвоем с Кузьмой потащили слабо шевелящуюся поклажу в зал, из

которого пришли.

— Если ударить стену вон там, то пол обрушится. Получится достаточно глубокая яма, — сказал Федор, указывая направление.

— Хорошо, — кивнул Кузя.

Подобрав с земли увесистый булыжник и, тщательно прицелившись в место, указанное Федором, Кузьма бросил его в стену. От удара стена содрогнулась, и часть пола просела, обнажив черный зев ямы.

— Годится? — с ноткой гордости спросил Кузя.

— То, что доктор... — подтвердил Федор.

Федор и Кузя, взяв мешок за концы, размахнулись и бросили его в провал. Федор снова порылся в сумке, достал оттуда пластиковую бутылку, наполненную странной, чуть светящейся в темноте смесью и бросил ее вслед за мешком. В яме вспыхнуло пламя. В свете огня стало видно, что свод комнаты когда-то был расписан причудливыми цветами и мифическими птицами.

Ведьмак и его спутник отошли к стене, встав так, что бы не задохнуться дымом, ожидая, когда погаснет огонь.

— Знаешь, что, — нарушил молчание Федор, доставая, из явно бездонной, сумки еще одну пластиковую бутылку, — Сходи-ка, для верности...

Кузя кивнул и удалился. Через несколько минут он вернулся, а еще через пару минут из прохода, откуда он только что пришел, выметнулись языки почти белого пламени. Как только огонь спал, Федор пошел к выходу.

— Заваливать не будем? — спросил ему в спину Кузьма.

— Свод обрушим, — дернул плечом Федор.

Кузя пошел вслед за Федором, тоже не обернувшись на догорающий огонь.

— И вскрывать никого не понадобилось. Зря только тяжесть на себе таскал, — неодобрительно сказал Федор, укладывая в сумку очки ночного видения. Кузя поднял глаза к небу, прося у богов терпения.

Вечером, еле отмывшись от запаха, принесенного с Черной речки и слегка отдохнув, Федор приехал на дежурство в больнице. Дежурство не доставляло врачу никаких хлопот, за исключением повышенного внимания всего женского персонала от старушек-нянечек до медичек, с высшим и не совсем, образованием. Каждая старалась понравиться врачу. Федор привык к этому. Но на работе романов не заводил, отчего про него ходило множество легенд и слухов. Впрочем, сие не сказывалось на нескончаемом потоке заигрываний, тайных записочек и откровенных предложений провести с ним хоть часок.

Во второй половине дня привезли известного актера с острым сердечным приступом. Федор узнал хохмача и наглеца. Актер пользовался дурной репутацией среди своих коллег за откровенное хамство, драки и Дон Жуанство. Врач сразу определил, что приступ был вызван очередной перебранкой на съемках. Ему было совершенно не жаль грубияна и по другой причине...

Как-то актер спьяну или сдуру со всего маху въехал в Федин «Хаммер» и, вывалив на врача весь свой запас нецензурной брани, довольно, впрочем, посредственной, уехал, даже не думая оплачивать ущерб.

Увидев актера, Федор удовлетворенно заурчал. Нет, доктор не был злопамятен. Со склада все медикаменты поступят только завтра, а те, что остались, нужны другим многочисленным пациентам, далеко не VIP класса, к которым относил себя актер, по барски

рассматривая молоденьких медсестер. То, что он зацапает перед выпиской не меньше двух, врач не сомневался.

«Потом тащи их еще к Степанычу в гинекологию...» — подумал он, представив испуганные глаза «залетевших» девчонок.

Федор пошел в ординаторскую за одноразовыми датчиками.

Медсестра, зардевшись, спросила:

— Открывать новую коробку?... Одна осталась, боюсь старушке не хватит...

— Старые есть?

— Есть. Почему старые, почти новые, всего один раз использовали...

— Вот и отлично!

Строгим армейским шагом Федор вошел в палату. Он несказанно был удивлен тому, что буян его не узнал. Наклеив датчики на грудь актеру, уже лежащего под капельницей, он саркастически произнес:

— Отдыхайте.

— Отдохнешь у вас! — надменно буркнул актер и сделал вялый, но внушительный жест рукой, посылающий нашего героя куда подальше, с «царственных» глаз долой.

По-театральному отвесив поклон, Федор удалился. Он решил немного поспать.

В два часа ночи случилось непредвиденное. От груди актера отклеился «почти новый» датчик. В ординаторской раздался звук остановки сердца. Сладко спящий Федор не ожидал такого поворота событий. Не сообразив, чем вызвана остановка сердца, он вскочил с кушетки и на ощупь, потому что какой-то идиот вырубил в коридоре свет, пробрался в палату.

Несмотря на личную неприязнь к актеру, тот в данный момент был его пациентом, и Федор «запустил» сердце актера, привычно ударив мирно спящего человека под диафрагму. От сильного и болезненного толчка, мышцы желудочков сократились, и сердце резко выбросило поток крови в аорту. Усиленный поток обогащенной кислородом крови омыл надпочечники, и в кровь влилась порция адреналина.

От всего этого актер проснулся, резко сел на постели и со всей дури треснул Федора в лоб. Федор от удара отлетел, стукнувшись затылком об стену, сполз по стене и на четвереньках резво скрылся в ординаторскую, преследуемый криком актера:

— Убивают! Бандиты убивают!

В ординаторской врач живо оделся «по форме», на лицо надел маску. Отдышавшись, он выскочил в еще темный коридор. В палате у актера уже зажгли свет. В палате находилась добрая половина отделения и главврач. Главврач был под два метра ростом и весом более ста сорока килограммов. За что снискал себе кличку «Медведь».

Федор дернул дежурную старшую медсестру за плечо.

— Медведь откуда?

— Дочь рожает...

— Мать... твою!!!

— Кто дежурный врач?! — расходился главный.

— Я, Степан Николаевич, — Федор отвесил уважительный кивок.

— Федор Михайлович... что за непорядки в отделении? Почему строительные леса в коридоре?..

— Закончим скоро.

— А... Это все... Тут ведь саммит...

Все подняли глаза к потолку, прося у всех богов терпения. Саммит у главного был пунктиком. Складывалось такое ощущение, что пройти он должен был на территории больницы, столько про него было сказано на всех планерках и совещаниях.

У главного заверещал телефон. Он, нервно достав мобильный из невыразимо огромных штанов, расцвел.

— Поздравляю с внуками! — «подобострастно» изрек Федор.

— Спасибо, как догадался? — сияя, произнес главный.

— Интуиция!

— Что значит ученый! Какая интуиция развитая! Оба мальчики! Ну, до завтра.

— А со мной будем что-нибудь решать?! — возмутился ненужный никому актер, понявший, что все обращают внимание только на главного.

— Конечно, голубчик! Вам что-то приснилось. Это бывает. Очень Вы, батенька, перевозбудились! Ну, вот и датчик сорвали... Федор Михайлович, прикрепите датчик обратно... Да, и не забудьте, пожалуйста, дать нашему уважаемому гостю снотворное!

Главный раскланялся, пожал Федору руку и быстро ушел. Толпа резко поредела. Федор облегченно вздохнул.

— А как вы догадались, что у него два внука? — подозрительно спросил актер.

— Его дочь где могла наблюдаться? У нас в больнице. И УЗИ тоже делала. Все элементарно!

Актер, хохотнув, закрыл глаза.

Федор, дойдя до ординаторской, понял, что очень устал. Не выходил у него из головы образ девушки — студентки.

«Ах, какая была бы моему Кузьке жена!»...

Но мысли эти он отбросил и решил немного поспать.

К спящему актеру в палату пришла медсестра. Она долго будила актера и, наконец, когда тот продрал глаза, улыбаясь, произнесла:

— Вам нужно принять снотворное. Распоряжение главврача!

Актер разразился страшной бранью, отчего молоденькая медсестра сначала зарделась, как маков цвет, потом, подумав, резко отвесила актеру оплеуху и гордо вышла из палаты. Актер, насупившись, долго сопел, но потом опять забылся сном, решив, что пусть хоть все пушки на Петропавловке будут грохотать, хоть Нева выйдет их берегов, он будет спать и... пошло оно все к такой-то матери!

Через три дня после первого визита демоны нашли Федора снова.

— Приветствую Вас, Хранитель, — вновь первой заговорила демоница.

— Меня радует ваш приход, — ответил Федор традиционной формулой приветствия и сам себе удивился — он не разговаривал с демонами лет четыреста, но все отклики помнил. Сказывалась строгая мамина школа.

Демоны склонили головы в знак принятия его слов.

— Мы не нашли брата. Кто-то слишком сильный закрыл его от наших глаз.

Федор мысленно содрогнулся, но положение и подарок обязывали, и он сказал:

— Я сам стану искать вашего брата. Я приложу все усилия, что бы освободить его.

Кузьма писал отчет, сидя на кафедре палеонтологии в университете, когда зазвонил мобильный.

— Кравченко.

— Добрый день, Кузьма Петрович, — сказал в трубке совершенно незнакомый голос.

— Добрый день, — выжидательно ответил Кузьма.

— Некоторое время назад у Франца Иосифовича я видел несколько необычные шкатулки... С рогами... и розами...

— Так. Я внимательно слушаю, — сказал Кузьма уже совершенно другим, заинтересованным тоном.

То, что Франц Иосифович, старый и очень осторожный антиквар, постоянно покупавший у Кузьмы вещи, сделанные из костей разнообразных демонов, открыл личность Кузьмы, уже говорило о многом, а дополнительные слова «...и розами...» были паролем, утверждавшим, что человек абсолютно надежен.

— Понимаете, меня уже некоторое время беспокоят... живые носители того, из чего вы сделали шкатулки...

— Так... Вы уверены, что это именно они? — Кузьма обычно старался сделать так, чтобы принадлежность кости не бросалась в глаза.

— К сожалению, да, — вздохнули на другом конце провода, — У них один глаз и маленькие рожки на голове.

— Диктуйте адрес, я подъеду.

Возможно, Кузьма и отговорился бы от заказа, но те твари, о которых шла речь, были очень редки, их черепа было возможно продать за изрядную сумму, а Кузе, прямо сейчас, требовались очень большие деньги.

С заказчиком проблем не было — он показал вход в подвал многоэтажного дома, где прятались одноглазые змеи, сунул в руки Кузьме плотный толстый конверт и ретировался. Кузьма проверил местность и поехал готовиться к бою.

В одиннадцать часов вечера Кузя спустился под землю, подсвечивая себе мощным точечным фонариком. Бетонные стены и лестница закончились, и начались кирпичные. Кузя выключил фонарик, и в полной темноте пошел по узкому проходу.

Шел он очень осторожно, присматриваясь к каждому шагу. Увидев тонкую полоску черноты, еще более темную, чем окружающий его мрак, он пошел к ней, пока не остановился около узенькой ниши в стене. Он вытянул из ножен саблю и взял ее обеими руками. Крадучись, подошел ближе. Его шаги были не слышны. Ни звука, ни движения не раздалось из темноты, но Кузьма был начеку. Застыв у трещины, он ожидал. Чего он ждал, он не объяснил бы и сам.

Но вот из ниши высунулась маленькая треугольная голова рептилии с рожками на лбу и одним глазом в центре морды. Кузя не медлил не секунды — мгновенное движение саблей и отрубленная голова покатила по полу подземелья. Тут же, без паузы, из щели выскочили еще три и с трех разных сторон бросились на него. Бой продлился недолго — два коротких взмаха клинка и молниеносный выпад — и все твари были повержены.

Кузя осторожно подошел к каждой и аккуратно отрубил им головы. Прислушавшись, но не ощутив опасности, Кузьма аккуратно собрал головы и бросил их в кожаный мешок, собрал тушки и бросил их в другой, оба привязал к поясу, что бы были свободны руки и только сейчас затеплил свечу.

Он шел вглубь подземелья, сторожко осматриваясь, но опасности не чувствовал. Своды постепенно становились все более низкими, каменная кладка — все хуже. В стенах появились трещины, у стен были насыпи влажной земли. Кузя, совершенно бесшумно, шел по осколкам битого кирпича. Свет свечи почти не освещал темноту вокруг Кузьмы, а создавал лишь странные отблески, превращая стены подземелья в причудливый театр теней.

Наконец он дошел до сводчатого зала, где были навалены кучи земли. Он прошел к большой куче земли и щебня и поставил свечу на самый верх груды, достал тушки убитых змей и бросил их справа от себя. Затем он уселся так, что бы свет свечи не касался его, и приготовился ждать.

Ждать пришлось недолго — из темноты вышла девушка в черном платье. Она осмотрела обезглавленные тела и спросила:

— Откуда это?

Кузя промолчал. Девушка, повисев в воздухе, медленно растаяла. Через несколько мгновений появилась зрелая женщина:

— Почему они без голов?

Кузя не издал ни звука. Поднявшись в воздух, женщина также растворилась в темноте. Через несколько ударов сердца из мрака выступила старуха.

— Кто отрубил им головы?

— Я! — выскочил вперед Кузьма и с размаха ударил старуху саблей.

Старуха, отлетев от удара к стене, превратилась в чешуйчатую тварь со страшной раной в брюхе. Она пыталась уползти, но движения ее были спазматичными, и она только бессильно шевелила хвостом.

— Добей меня! — прошипела змея.

— Умри сама, — ответил Кузьма, прекрасно зная, что от второго удара все ее раны затянутся и она обретет силы вдвое больше, чем у нее было.

Чешуйчатая тварь издохла у ног Кузьмы. Тот ожидал, посматривая по сторонам, когда минует полночь. Время он чувствовал прекрасно. В одну минуту первого он отрубил ей голову, бросил ее в мешок к остальным головам и ушел.

Вечером следующего дня Федор, Кузя и Леонид сидели на кухне у Ирины, и пили чай с пирогами. Обои были содраны, стены подготовлены под штукатурку и компания с чувством выполненного долга отдыхала. В дверь позвонили, и Федор пошел открывать — это Ирина вернулась с работы.

— Здравствуй, Ириш.

— Привет.

— Приходи в себя, а мы — на кухне.

— Спасибо, — ответила Ирина и Федор вернулся к друзьям.

Пока он ставил чайник, заваривал новый чай, разогревал бифштекс, что компания специально припасла для зампрокурора города, Ирина переоделась и пришла на кухню, поприветствовать друзей.

— Привет, мальчики.

— Привет, — покивали «мальчики».

— Ир, сколько ты хочешь за коллекцию? — в миллионный раз спросил Кузьма.

Коллекция, о которой шла речь, была в свое время собрана дедом Ирины, Прянишниковым Алексеем Николаевичем. Он был известнейшим путешественником своего времени, и Прянишниковская коллекция минералов была собрана в самых разных и недоступных уголках мира.

Здесь были редчайшие породы и минералы, окаменелости и другие палеонтологические редкости, приводившие Кузьму в экстаз. Один только Наутилус размером с колесо «Камаза» чего стоил! А взгляд на запаянную в янтаре, идеально сохранившуюся двухметровую стрекозу девонского периода неизвестного науке вида, будил в палеонтологе непонятные

ему самому чувства. Коллекция стоила баснословных денег, но Кузьма заплатил бы, не моргнув глазом. Но Ирина дорожила дедовским достоянием и продавать ничего не собиралась.

— Кузенька. Я за коллекцию ничего не хочу. Я хочу ее достойно разложить по полкам.

— Хочу тебя огорчить. По полкам ее разложить не получится. Стена упадет, хоть и строили раньше на совесть, — заявил Федор.

— А что ты предлагаешь?

— В кабинете нужно сделать три витрины, расположить в них самые ценные экспонаты... — Федор пустился в тонкости той стратегической операции, что в просторечии называется «ремонт», Ирина внимательно слушала.

Кузя и Леня курили у окна и про ремонт слушали в пол-уха, иногда кивая. Федор изложил свои соображения насчет строительных фирм, материалов, дизайна.

— И я хочу, наконец, сделать в квартире камин, — закончил Федор давно начатую мысль.

— Камин, это, конечно... У тебя не Манилов фамилия случайно? — невинным тоном спросил Кузьма.

— Все тебе расскажи... Какая у меня фамилия... — задумчиво ответил Федор, — В этой квартире, девяносто лет назад, был камин. Потом его заложили... И вот, что Ира, — встрепенулся Федор, — ломать стену будем мы сами, никому этого нельзя, кроме нас.

Бригаду строителей Федор прислал на следующий день. Мастера все осмотрели, ознакомились с планом Федора, небрежно начерченным на каком-то клочке бумаги, и полностью с этим планом согласились, к большому удивлению Ирины. Ремонт начался полным ходом.

Через неделю, в пятницу вечером Ирина разбирала вещи, что после выходных собирались перетаскивать в кабинет, когда раздался звонок телефона.

Ирина подняла трубку:

— Костромина.

Внимательно слушая говорившего, она несколько раз удивленно покачала головой. Сказала:

— Конечно, приезжай. Никаких затруднений, что ты!

Она положила трубку и еще раз покачала головой, вернувшись к вещам.

Через четверть часа в квартире раздался звонок в дверь. Ирина пошла открывать. На пороге стояла молодая, очень милая женщина в легком плаще. Ирина ободряюще улыбнулась:

— Проходи, Оксана, проходи. Я так рада тебя видеть!

— Спасибо, Ир... Мне так неудобно... — засмушалась Оксана.

— Прекрати. Пошли на кухню. В квартире ступить негде.

— Ой, да ты ремонт затеяла? — удивилась Оксана.

— Да это Кузька с Федором, ненормальные! Я их попросила полки повесить, а они чего-то понапридумывали. Теперь вот — ремонт. Камин затеяли. Пошли на кухню.

На кухне Оксана села за стол, Ирина начала готовить чай. Оксана осторожно выглянула в окно, смотря внутрь дворового колодца.

— Что случилось, Оксана? — встревожено спросила Ирина.

— Я уж и боюсь говорить.... Решись, что я... того... — смущенно сказала молодая женщина.

— Ой! — Ирина махнула рукой, — Мало, что бывает с людьми. Рассказывай, давай. Опять деверь? Я же сказала ему...

— Нет, нет, ты что! — всплеснула руками Оксана, — Ты как с ним поговорила тогда, на похоронах, так с тех пор он про квартиру вообще не заговаривает.... Это у меня с головой... Ты лучше скажи... ты видела Кирилла... после того как он... умер?

— Видела? Во сне? Каждую ночь...

Оксана покачала головой:

— Нет, Ир, ты прости меня... Не во сне.... На улице, в автобусе, в метро...

Ирина пожала плечами:

— Несколько раз. А что?

Оксана, оживляясь, спросила:

— Он на тебя смотрел, пытался подойти?

Ирина растерялась:

— Оксана, ты что? Просто обман зрения... Это я пыталась подбежать и видела, что это не он... Да что случилось-то?

Оксана, от слов подруги, полностью потеряла присутствие духа:

— Он приходит, Ир! Ходит под окнами... — вымолвила она и бурно разрыдалась.

Ирина обняла ее, начала гладить по голове.

— Оксанка, это чьи-то дурацкие шутки. Кто-то над тобой так издевается. Нарочно старается сделать тебе больно. Успокойся...

— Нет, нет...

— Пей чай и расскажи мне все по порядку.

Оксана, обжигаясь, выпила чай.

— Да куда ты торопишься так? — удивилась Ирина

— Я хочу до вечера... домой, ты прости меня, Ир...

— Ты мне сначала расскажи, что случилось?

— Это недели две назад началось... Тогда я его первый раз увидела. Подумала — померещилось, мало что бывает... Это было в сквере... Потом я увидела его, когда выглянула из окна на кухне. Он стоял в арке и, мне показалось, смотрел на наши окна, но я не уверена, было темно...

— Так, так, продолжай... — подбодрила подругу Ирина.

— А потом, я увидела его во дворе, когда вечером шла домой. Он... он меня тоже увидел... Он посмотрел на меня и улыбнулся...

Оксана снова начала рыдать. Ирина как могла успокаивала ее, нашла в холодильнике валерьянку и накапала подруге лекарство.

Оксана выпила настойку и продолжила рыдать:

— Ты не представляешь, Ир, как это было страшно! Он бледный, осунувшийся, нос заострился, а глаза... как будто... как будто...

Ирина молча обняла ее.

— Как будто он несколько дней не спал — кровавые, на выкате как-то... А взгляд какой-то страшный... Он протянул ко мне руку, а я убежала, я закричала!... Потом его не было несколько дней.... А вчера снова появился... Я видела, он смотрел на окна кухни... Я боюсь...

— Вот что, сегодня у меня переночуешь, а завтра мы.... Завтра воскресенье и Кузя не работает, поедem на шашлыки к Кузьме. Сейчас я ему позвоню, — решительно сказала

Ирина и, не дав подруге возразить, ушла из кухни. Из коридора раздался ее голос.

— Привет, это я. Ты завтра, чем заняться собирался? Вот как? А если мы с Оксаной приедем? Отлично! Я пирогов испеку. Даже так? Тогда ватрушек... Пока.

Повесив трубку, она вернулась на кухню:

— Завтра с утра едем к Кузе. Давай ватрушки печь, у него уже Федор с Леной.

Оксана вытерла слезы и смущенно спросила:

— А Федя... Ты... нет?

— Нет. Оксана! Он себе выдумал все это! Всю эту любовь. Он совершенно другую женщину любит...

Совершенно не убежденная Оксана пожала плечами:

— Извини.

Ирина кивнула. Вместе они начали доставать муку, соль, молоко для приготовления теста. Оксана очень хорошо знала кухню в квартире Ирины — они выросли в одном дворе и были неразлучными подругами в школе.

Утром Ирина и Оксана, приехали в Петергоф на электричке. Зайдя во двор Кузиног дома, они никого не нашли, и, поставив сумки на крыльцо, пошли вокруг дома, искать хозяев.

Оксана, не разу не видевшая дома, принадлежавшего семье Кравченко уже три сотни лет, изумленно озиралась. Огромный трехэтажный особняк в Тюдоровском стиле под островерхой черепичной крышей с двумя мансардами, эркером, наружной галереей, облицованный шлифованным камнем, с четырьмя каминными трубами, производил ошеломляющее впечатление.

Но больше, чем дом, ее воображение поразил заповедный дуб — небольшой, приземистый, в половину человеческого роста, но в три, а то и четыре обхвата толщиной. Он стоял, шевеля ветвями при полном безветрии, и даже, как показалось Оксане, делал приглашающие жесты. На летнем солнце сверкала золотая цепь, обмотанная вокруг дуба.

«Надо успокоительного попить. Уже живые дубы мерещатся. На «нового русского» похож», — обреченно подумала молодая женщина.

— А Кузьма кто?

— Федин ученик. Докторант.

— Он, что, миллионер?

— Нет. Этот дом им и до революции принадлежал. Да ты дом внутри не видела! Ты бы решила, что он миллиардер! По-моему, его дед был революционером почище Троцкого... Я, Оксана, всего не знаю, про Кузьму... — в этот момент они обошли дом и увидели просторный двор с гаражом и пристройками. Оглядываясь назад причины не было и они не увидели, что дуб потихоньку поплелся за ними, натянув свою «привязь».

На середине свободного пространства Федор колот дрова, а Ленья, у солидной постройки мангала, колдовал над уже горящими угольями. Кузи видно не было.

— Доброе утро, мальчики! — громко сказала Ирина.

Федор обернулся и уронил полено:

— Привет! А Кузька где? Я его на станцию отправил, вас встречать.

— Разминулись, наверное.

— Ага! Там шесть дорог и с поезда триста человек сошло?

— Садитесь в шезлонги, — гостеприимно улыбнулся Леонид, встав так, чтобы шрам на лице не был виден Оксане. Федор сделал мысленную пометку.

Оксана улыбнулась Леониду:

— А помогать?

— Ни в коем случае! — возмутился Леня, — Женщина на кухне — это же катастрофа!

— Как я люблю за это холостяков! Оксана, знакомься, это Леонид, друг Кузи. Ленечка, это Оксана, моя лучшая подруга.

— Очень приятно, — улыбнулась Оксана, Леонид поклонился, но с места не сошел.

— Сердечно рад встретить Вас, сударыня. Сожалею, но я не могу оторваться от углей, что бы приветствовать Вас, как должно...

— О! — вздохнул Федор, — Почему ты не поэт?

Оксана и Ирина засмеялись. Первый момент знакомства был преодолен, и стало значительно легче. Усевшись в шезлонги, дамы стали смотреть на Финский залив.

— Ой, Федь. Я сумки поставила на крыльцо. Там пироги.

— О! Сейчас же дорублю дрова и отнесу сумки на кухню.

Леня, критически оглядел гору дров, уже нарубленную Федором:

— Ты что, на зиму дрова заготавливаешь?

— Ты же сказал, что тебе целая гора нужна? — удивился Беляев.

— Ты уже две горы нарубил. Хватит уже. Неси пироги и давай картошку.

— Мы почистим...

— Да мы уже почистили! Сидите смиренно! — скомандовал Федор и с досадой спросил, — Да где Кузька?!

Поискав в карманах сотовый телефон, Федор достал его и набрал Кузьму.

— Кузьма Петрович, ты где?.. И долго ты там намерен находиться?.. А они уже приехали, сидят перед домом, а мы пироги трескаем... Не-е-е-т, тебе не оставим. Вот еще, бездельников кормить. Давай уже, возвращайся!

Спрятав телефон, засунул его в карман брюк и начал таскать дрова в гараж. Через несколько минут к дому подъехал пикап Кузи.

— Девчонки, вы куда пропали? — спросил Кузя, выпрыгнув из машины.

— Это не мы пропали, это ты исчез!

— На одну минуту за вином зашел, а вы и тут как тут!

— Вино-то хоть купил? — спросил Федор, выходя из гаража за новой порцией дров.

— Купил, — кивнул Кузьма и ушел с большой сумкой на кухню.

Вечером, освоив разнообразное меню, в которое входили салаты, шашлыки, приготовленный Федором украинский борщ, привезенные девчонками пироги и ватрушки, вся компания сидела на веранде за обеденным столом, задумчиво рассматривая остатки кулинарных шедевров и, обессилено доедая последние куски мяса.

Роскошный сибирский кот Тиша подошел к Оксане, внимательно ее обнюхал и уже было открыл рот, как Федор ловко наступил ему на хвост, и вместо каких-то связных слов Тихон проорал что-то вроде: «Е-мое, Федя!», после чего ретировался на крыльцо.

Оксана задумчиво проводила кота взглядом:

— Ну, просто человеческим голосом сказал: «Федя...»

— Он у нас и не то может сказать, если его вовремя не остановить, да, Тишенька?

«Тишенька» что-то пробубнил в ответ и ушел, гордо подняв травмированный хвост.

— Вы, Оксаночка, не обращайте внимания на Тихона, — вклинился в разговор Леня, — Он все время на том карликовом дубу сидит, наверно, тот какие-то дубильные вещества выделяет...

— Поклеветчи мне на кота, поклеветчи, — беззлобно замахнулся на него салфеткой Кузьма.

— Ой! Этот Ваш дуб, Кузьма Петрович...

— Просто Кузьма. Лучше — Кузя, — в надцатый раз поправил Оксану Кузя.

— Спасибо, — в тот же раз отозвалась она, — А вот дуб — его из всех окон одинаково хорошо видно... Как это возможно?

— Он стоит в центральной точке сада, — пришел на помощь, не сообразившему, что соврать, Кузьме Федор, — Поэтому создается такой оптический эффект... Как на картинах — эффект взгляда.

Леня тут же подхватил тему и раскрыл перед не совсем убежденной Оксаной, целую палитру художественных средств, коими пользовались художники от раннего Средневековья до Возрождения, что бы придать пейзажу глубину и выразительность. Под занимательный рассказ Леонида Оксана и думать забыла про перемещения весь день слонявшегося по лужайке туда-сюда заповедного дуба.

Дальше разговор пошел ни о чем, Леонид рассказывал Оксане о новой постановке в его театре, женщина с удовольствием слушала. Федор, сидя за столом и делая из салфеток самолетика, метко бросал их в Кузю, тот тщетно пытался увернуться.

Они не завидовали Леониду, помня, что сногсшибательная способность уложить любую женщину в постель, Лене была дана после того, как он утратил способность кого-то по-настоящему полюбить. Ирина нюхала сирень, стоящую в большой напольной вазе. Кузя, так и не увернувшись ни от одного самолетика, встал из-за стола и включил телевизор. По местному телевидению начиналось интервью с Федором.

Ведущая начала говорить:

— Сегодня у нас в гостях — иностранный член Китайской и Венгерской академий наук, почетный член Британской академии наук, доктор медицинских наук, доцент кафедры гистологии Санкт-Петербургского медицинского университета Федор Михайлович Беляев.

На экране появился Федор.

Федор в телевизоре доброжелательно промолвил:

— Добрый день, благодарю Вас. Я и забыл, что у меня столько регалий...

Федор перед телевизором сказал:

— Вот, вот, постыдились бы, доцент. Зато профессура у нас... доктора по совокупности!

— А ты больше языком чеши, — заметил Кузя.

— Это про что же? — спросил Федор.

— Да хотя бы про тестя главного, — начал обличительную речь Кузьма, но развить тему ему не дали.

— Да тихо вам, интересно, — сказала Ирина.

Федор в телевизоре продолжал говорить:

— ...Притом, что участились случаи суицида. Да, объяснить возможно все, что угодно, чем угодно... Вампиры! Разве гидрогеология может сравниться...

Ирина повернулась к Кузе:

— Да, с этой стройкой... Там до сих пор к этому месту подходить боятся. Хорошо, что вы свод за собой обвалили.

Федор пожал плечами:

— Это все ерунда, вот несчастные жители того строящегося дома будут...

Леня не стерпел, внес предложение:

— А мы там агентство откроем. Чистим карму, изгоняем полтергейсты... Зомбируем тещу...

Оксана добавила:

— Свекровь. Вот тогда отбоя не будет от ваших услуг.

Все засмеялись, Ирина, знавшая про отношения Оксаны со свекровью, только головой покачала.

В телевизоре продолжалось действие с участием Федора. Ведущая, уже открыто кокетничая, спросила:

— Федор Михайлович, вы также являетесь признанным экспертом по так называемым «паранормальным» явлениям...

Федор, оставаясь совершенно равнодушным к попыткам телеведущей, пожал плечами:

— Я, с вашего позволения, являюсь признанным экспертом по разумным объяснениям этих так называемых «паранормальных» явлений. Если вы знаете, существует такое понятие как «Бритва Оккама». Не надо придумывать объяснений тому, что и так ясно.

Ведущая всплеснула руками:

— Ясно? Вот, например, необычные явления в районе Черной речки, очевидцы утверждают, что перед этим в районе были вампиры.

Федор, сидя перед телевизором, вздохнул:

— Все интервью эта сумасшедшая пыталась меня соблазнить... Я ей, на следующий день, зеркало прислал, в подарок.

— Да она ничего... — заметила Ирина, скосив глаз на Федора, — Считается самой модной Питерской ведущей.

— Это она с экрана ничего. А вблизи... Штукатурки на ней было... А мода проходит. Кто сейчас помнит о фижмах, Ирочка?

Федор в телевизоре, между тем, развивал свою мысль, все также улыбаясь:

— Очевидцы вампиров? Я бы хотел поговорить с ними. Я никогда такого не видел.

— Никогда? — удивился Кузя, — Никогда не видел вампиров?

Федор, сидя перед телевизором, покачал головой:

— Тех, что оставляют свидетелей — никогда.

Сказав это, он встал из-за стола, и пошел к стене, где всегда висела старинная гитара. Он взял ее, уселся на большую софу у стены, тронул струны и начал петь.

Испанская серенада, зазвучав в доме у северного моря, унесла слушателей в южные горы, где стоит большой сумрачный замок, где каждое утро, как только взойдет солнце, на самую высокую башню восходит прекрасная дама. Она стоит и смотрит на дорогу, по которой должен вернуться ее возлюбленный, десять лет назад уехавший сражаться с маврами. Она знает, что все, что ей рассказали о его героической смерти — ложь, и если она будет ждать его, он вернется.

Федор пел на испанском, но слушатели каким-то волшебным образом понимали его слова и сопереживали им, а их сердца наполнялись покоем и каким-то чувством, что отдаленно походило на счастье. А Леонид слушал, затаив дыхание, и не ощущал, как тает в душе лед искусственного бесчувствия.

Поздним вечером Федор с Оксаной, Ириной и Леной подъехали к дому Оксаны. Оксана и Леня вышли из машины за пару кварталов и, попрощавшись с друзьями, пошли пешком.

Леня, понимая, что Оксана чего-то боится, предложил:

— Оксана, я провожу тебя, до двери квартиры. Ты не против?

— Нет, — почему-то смутилась Оксана.

Они поднялись по лестнице до двери.

Леня улыбнулся:

— Ну, дверь заперта?

Оксана кивнула, снова смутившись:

— Заперта, спасибо.

Она достала ключи и начала открывать дверь. Леня, решив быть сегодня благородным рыцарем, изящно поклонился и сказал:

— Ну, я пошел!

— Спасибо, Леня! — улыбнулась Оксана.

Леня сбежал по ступенькам, не дожидаясь, когда женщина откроет дверь. Оксана открыла квартиру и зашла в нее. В коридоре, у самой двери, стоял умерший два месяца назад муж Оксаны. При виде жены он страшно ей улыбнулся. Увидев такое, женщина закричала и без чувств упала на пороге.

Этот ужасный крик услышал Леня. Он вихрем взлетел по лестнице. Войдя в полуоткрытую дверь, он с ужасом увидел лежащую на полу Оксану. Живого мертвеца уже и след простыл.

Взяв на руки бесчувственную женщину, он перенес ее на кровать, и неумело от странного волнения, начал делать ей искусственное дыхание «рот в рот».

Оксана начала приходить в себя. Леонид с удовлетворением отметил, что все сделал правильно и решил продолжить лечение... За что получил от нее крепкий удар по щеке.

— Господи! Ты здесь откуда?

— Ты кричала. Ты упала в обморок, — объяснил Леня, массируя «травмированную» щеку.

— У меня что-то с нервами, — Оксана обессилено опустилась на подушку, — Мне показалось, что Валерий пришел... за мной...

Глава 10.

За семь лет до описываемых событий.

Кирилл Костромин сидел в кабинете, работая с какими-то бумагами. Неожиданно зазвонил телефон. Он снял трубку.

— Костромин слушает.

Внимательно выслушав говорившего, сказал:

— Конечно. Я внимательно изучу и дам заключение.

Положив трубку, он повернулся к компьютеру, получил электронную почту, дал команду на печать. Из принтера на его столе появилось несколько листов бумаги. Полковник взял их, и начал внимательно читать. Потом прочел еще раз, затем он поднял телефонную трубку и набрал номер.

— Майор, поднимитесь ко мне.

Положив трубку, он некоторое время перечитывал бумагу. Через несколько минут раздался стук в дверь.

— Войдите.

В кабинет зашел высокий, широкоплечий мужчина в штатском. Остановившись у двери, официально сказал:

— Здравствуйте, Кирилл Андреевич.

— Присаживайтесь, Михаил, — кивнул Костромин, — Читайте.

Михаил подошел к столу, взял протянутый ему документ, сел за стол и погрузился в чтение. Затем поднял глаза на полковника:

— Прошу прощения, но это какая-то мистика...

— Нет, нет, Михаил, никакой мистики, — пожал Костромин плечами, — Через неделю в Алтайском крае у входа в пещеру Аяк, высоко в горах встретятся три человека. Один из них — лингвист из Германии, другой — зоолог из Франции, третий — русский врач, специалист по различным патологиям. Все трое — великолепные бойцы, а встретятся они с внуком Ди Лянпо, всемирно известным мастером боевых искусств и основателем философской школы Вечного Преобразования. Наш соотечественник, в свое время, у него учился. Эти трое несомненно, с помощью кого-нибудь из учеников Ди, проникнут в закрытую часть горы и вынесут оттуда некий артефакт. Книгу, листок пергамента, ручку от метлы — неважно. Важно другое — мы должны заполучить этот артефакт, постараться никого не убить и не нажить себе врагов в лице этих ученых, а также убедить их в том, что артефакт уничтожен. Ваши комментарии?

— Если бы это кто-то другой сказал... Кирилл Андреевич, но ведь это все не правда?

— Ха, — Костромин сделал ладонью неопределенный жест, — У всех такая реакция, Миш. И я тоже заскулил, когда услышал об этом впервые. Правда в том, что в обычных обстоятельствах мы бы даже помогли этим людям. Если бы они попросили нас, конечно. Но обстоятельства, к сожалению, уникальны. Есть мнение, что эти трое намерены выкрасть из сокровищницы Янь-Ло Вана рецепт эликсира бессмертия... Вот так-то вот.

— Мы должны захватить рецепт эликсира? И при этом не... поссориться с... этими людьми?

— Да, именно. С ними нельзя ссориться. А уж убивать их и вовсе нельзя. Слишком их мало осталось.

— Да кто они такие?

— А черт их знает... Ведьмаки. Нет... Ведьмаки — их подручные... Они охраняют людей от проявлений многих сил, которые принято называть сверхъестественными.

— Можно попроще?

— Ой, попроще... Пока не увидишь их в деле, все объяснения кажутся слишком сложными... На самом деле... Они чувствуют то, что в старые времена называли нечистой силой.

— Чертей, что ли?

— Вот именно, вот именно... И не только... Они охраняют нас от... нас самих.

Через неделю.

Федор и еще двое мужчин стояли у входа в пещеру, сторожко осматриваясь по сторонам.

Один из спутников Федора держал в руках широкую сумку, в которой что-то извивалось, а второй сжимал в руках книгу. Федор держал в руках нунчаки, легонько ими поигрывая, у его пояса висела короткая праща и кнут.

Ждать было уже нестерпимо. Человек, державший книгу стиснул ее так, что побелели костяшки пальцев.

— Да, не сжимайте книгу так сильно, Юлиус, не попытается же она убежать?! — не выдержал Федор, и добавил, — Хотя я, на ее месте, уже рискнул бы.

— Я не беспокою Вас советами, Федор, постарайтесь, и Вы не влезать во все дела, недоступные Вашему пониманию, — огрызнулся мужчина, сжимающий книгу.

— Ах, ну да... — кивнул Федор, — Так вот, Юлиус. Я обеспечиваю здесь безопасность и мне не нужен даже трижды хороший лингвист, если он каждый раз, когда к нему обращаются, заходится в истерике. Понятно? К тому же мы будем спускаться по веревке, а вы уже и так намозолили себе руки, — тон Федора стал совсем другим — холодным и наставительным.

Молчавший до этого момента мужчина рассмеялся. Юлиус резко повернулся к нему.

— И что же такого, Виктор, смешного?

— Абсолютно ничего, Юлиус, — пожал плечами Виктор, — Ваш прежний хозяин никогда не осмелился бы говорить с Федором таким образом. Он вообще... старался побольше слушать, а говорить — поменьше, — Виктор многозначительно умолк.

— Я вовсе не имел в виду, что Вы некомпетентны... — повернулся Юлиус к Федору.

— Юлиус, мне наплевать, что именно вы имели в виду. Я провожу вас до места, присмотрю за вами, что бы вас не сожрал кто-нибудь во время ваших дел и отведу назад, — заметил Федор и подмигнул Виктору.

— Очень хорошо, спасибо... — Юлиус отвернулся от коллег.

— О! Вон проводник идет! — воскликнул Виктор.

В этот момент к ним подошел маленького роста худенький китаец.

— Что за задержка? — напряженно спросил Федор.

— Надо было дождаться спокойного часа, прежде рожденный Федор. Гадальные кости не лежались правильно. Я провел три часа в домашнем святилище, — с поклоном ответил китаец.

— Чья смерть вышла на этот раз? — задал следующий вопрос Федор.

— Снова ваша, прежде рожденный. Но дед сказал, что это знак — девять раз подряд получить знак о смерти...

— Девятый раз? Знаешь, что это значит? — поморщился Федор.

— Я — знаю, — склонил голову китаец.

— Значит, я пойду впереди, а ты за мной, — пожал плечами Федор.

— Хорошо, прежде рожденный. Вы — великий воин, — ответил проводник.

Федор кивнул в знак того, что ему были приятны эти слова. Затем он повернулся к своим спутникам.

— Так. Начинаем. Я спускаюсь первым. Юлиус — за мной, Виктор за Юлиусом, Ди — последним, — скомандовал Федор и, не дожидаясь ответа, пошел в пещеру. Остальные последовали за ним.

В пещере они пробыли недолго. Ди очень скоро указал на странного цвета камень, Федор ловко подцепил его и сдвинул с места. Тотчас же, в нескольких шагах от Федора в стене начала подниматься массивная плита, совершенно не отличимая от стены рядом с ней. Как только она поднялась достаточно, что бы пройти под ней, хоть и пригнувшись, Федор вступил в крошечную тьму тайного хода. В темноте тело Федора начало слабо светиться. Ориентируясь на этот свет, в темноту вошли остальные. Как только последний из них исчез во тьме тайного прохода, плита опустилась.

В свете, окружавшем Федора, можно было увидеть, что путешественники оказались в самом чреве горы, на самом верху, в огромной пещере, что исчезала в земных недрах. Они стояли на небольшом уступе, от которого вертикально вниз шли узкие и крутые ступени, терявшиеся во мраке. Федор, кинув взгляд на участников экспедиции, пошел вперед.

Лестница оказалась короткой — ступеней в тысячу, не больше, и привела их ко входу в

новое место, закрытое массивной каменной дверью. Федор некоторое время рассматривал дверь, затем подошел к ней и девять раз, в разных местах, стукнул по узору, изображавшую свернувшуюся кольцами змею, смутно просматривавшуюся на ее поверхности. От прикосновений Федора змея ожила, свернула и развернула свои кольца и уползла прочь с двери, оставив ее поверхность исключительно ровной и гладкой, как зеркало. Федор толкнул каменную дверь, и она легко поддалась.

Войдя в дверь, они оказались в узком сводчатом коридоре, грубо пробитом в скале. Они очень осторожно пошли по этому коридору. Он несколько расширился и они шли мимо ниш, в которых стояли саркофаги под нефритовыми крышками. Лабиринт коридоров закручивал их и заводил все глубже и глубже в подземную часть сокровищницы Яньло-вана.

— Долго ли еще идти? — недовольно спросил Юлиус.

— Тихо. Пока не пройдем все бессмертие до конца, — пояснил Федор.

— Вы сошли с ума? — возмутился Юлиус, не поняв смысл ответа Федора.

— Я сказал — тихо! — прошипел Федор, — Путь, по которому мы идем, имеет форму иероглифа «бессмертие». А теперь — молчите!

Становилось все светлее. Федору уже не было нужно светиться, все было видно и так. По мере их продвижения коридоры становились все шире. На их стенах появились фрески и барельефы. Чем дальше они заходили, тем богаче были украшены проходы. На стенах коридора выросли сады с райскими птицами и фруктовыми деревьями, с потолка загадочно засветили аметистовыми лучами звезды, под ногами раскинулись малахитовые травы. Наконец, они подошли к черным дверям с изображением золотого дракона на створках. У двери лежали два человека в роскошных одеяниях. При приближении людей они вскочили из своих углублений и странной скачкообразной походкой начали приближаться к людям. Это были чаньша — низшие прислужники Янь-ло Вана, нечто среднее между вампирами и зомби, но гораздо опаснее, потому, что они умели пользоваться энергией живых существ.

— Ди, следи сзади, — скомандовал Федор.

— Да, я слежу, — ответил Ди.

Федор снял с пояса кнут и пошел на встречу чаньша. Несколько ловких взмахов хлыста и оба вампира упали, превращаясь на лету в пыль. Юлиус уверенно направился к дверям, но Федор схватил его за руку.

— Я что, сказал, что можно куда-то идти? — рывкнул Федор, дернув Юлиуса за руку так, что тот отлетел к стене.

— Но вы же убили их! — возмутился Юлиус.

— Юлиус, право же, вы идиот! Мы в сокровищнице самого могущественного в мире Повелителя Мертвых, и вы думаете... — первый раз за все путешествие по пещерам подал голос Виктор.

— Пожалуйста, тихо! Я ничего не слышу из-за вас! — взмолился Федор.

Виктор тут же замолчал, сделав Юлиусу знак, чтобы тот молчал тоже. Нечто в сумке Виктора начало извиваться сильнее.

Тут Федор, подумав, добавил:

— А самый могущественный не он, а бабушка!

Виктор кивнул, соглашаясь, но не отказываясь от своих слов:

— Хелль — повелительница.

Федор дернул плечом, отвергая казуистику Виктора, подошел к дверям и бросил в их сторону горсть зерна. Из щели между створок двери вылетели струи пламени. Федор бросил

еще одну горсть. Ничего не произошло. Зерна с шорохом упали на пол и тут же три плиты пола перевернулись, обнажив бездонные ямы. Из стен этих ям торчали острейшие колья. Пройдя между ямами, Федор осторожно отворил одну из створок двери. Прислушался и кивнул:

— Вот теперь можно идти.

Все осторожно прошли в зал. В большой пещере, служившей залом, было пусто и пыльно. Они были на большой глубине, в самом центре горы, но, сквозь невидимые щели в потолке, в зал просачивался свет, высвечивая нефритовые статуи драконов и золотой алтарь. Федор сделал знак всем стоять, а сам настороженно пошел к алтарю. Но сделал он это не по прямой, а сложным окольным путем, следуя по выложенной на полу мозаике, держа перед собой в руке хлыст и аккуратно помахивая им перед собой.

Когда он, наконец, подошел к алтарю, то несколько раз резко взмахнул над ним хлыстом в горизонтальной плоскости, каждый раз все ниже и ниже. В самый последний раз что-то невидимое схватило плеть зубами, Федор сдернул это с алтаря и сбросил на пол, а затем, перехватив хлыст за ручку, резко ударил невидимое нечто. Раздался скулящий звук, а через несколько мгновений на полу проявились очертания странного животного, видом похожего и на собаку и на жабу одновременно. У нее была проломлена голова.

— Священная собака Желтого императора, — прошептал Ди, — Убивший чудовище Желтого императора будет с почетом встречен в чертогах Яньло-вана!

Федор, ответил Ди:

— Успеется к Янь-вану!

— Как она попала сюда? — забеспокоился юноша, — она не могла забрести сюда случайно!

Федор, по-китайски, ответил Ди:

— Она могла быть послана сидеть в засаде кем-нибудь другим, не Желтым Императором...

И добавил по-русски:

— Начинайте. Теперь можно. Мы с Ди постоим у дверей.

Виктор кивнул и, подойдя к алтарю, открыл сумку, на алтарь выбрался небольшой дракон с золотистыми крыльями.

— Так, Юлиус. Теперь Ваша очередь. Чем быстрее мы отыщем свиток, тем быстрее уберемся отсюда! — сказал Виктор, отходя на три шага от алтаря.

— Несомненно, — согласился Юлиус, открыл книгу и начал нараспев читать древний манускрипт.

От этих слов по дракончику прошли судороги и он начал бить хвостом и царапать длинными когтями алтарь. Через некоторое время дракон перестал извиваться и замер. Немного полежав на алтаре, дракон встал, по собачьи встряхнулся, и потянувшись, сошел с алтаря, начав кругами ходить по комнате. Наконец он стал кружиться и выплясывать на одном месте, приподнимаясь на задние лапы.

— Вот нужное место, — сказал Виктор, — Так как же мы собираемся проникнуть в святилище тайн?

— Проникать? — удивился Юлиус, — Мы не станем. Оно само придет к нам. Не мог бы ты успокоить дракона?

— Да, конечно.

Виктор сделал несколько пассивных шагов, и дракон перестал танцевать, покружился, как

укладывающаяся спать кошка, и свернулся клубком. Виктор взял его на руки и, погладив по голове, уложил в сумку.

Юлиус подошел к выбранному драконом месту и, пролистав книгу, начал заунывно читать со странными завывающими интонациями. Из пола начал подниматься каменный выступ. Юлиус продолжал читать, не обращая ни на что внимания. Каменный выступ стал похож на бутон лотоса. Он тянулся вверх и постепенно раскрывался. Внутри него лежал свиток. Виктор осторожно потянулся, что бы его забрать.

Маленький паучок, мирно плетущий свою паутину, был снесен с потолка потоком воздуха и принялся летать по огромной пещере, пока не упал на нос Юлиуса. Малявка тут же, почувствовав тепло, забежала ему в ноздрю.

Юлиус оглушительно чихнул, полураскрытые лепестки лотоса резко сомкнулись, и если бы Виктор не был проворен, как молния, то все бы и окончилось тут же. Но он успел дернуть за край свитка и выхватить его. Лотос с быстротой змеи втянулся в пол.

— Черт! Что ты сделал, Юлиус! — возмущенно заорал Виктор.

— Я же не нарочно! — жалобно заскулил Юлиус.

— Еще бы, нарочно! — Федор был разъярен, — Ну, интеллектуалы, пошли отсюда. Только тихо, тихо!

Они вышли из зала церемоний и быстро пошли по коридору в сторону, противоположную той, откуда пришли. Юлиус удивленно оглянулся несколько раз, но спросить ничего не посмел. Они дошли до зала, где на стене были изумительно выписаны два дракона, летающих в облаках. Здесь их ожидала неприятность. При виде людей драконы начали шевелиться и стекать с фрески, материализуясь в Среднем мире.

— Они очнулись! Бегите, пока они совсем не спустились! — приказал Федор и снял с пояса пращу и мешочек с камнями.

Быстро, но точно прицеливаясь, он начал бросать камни в глаза драконов. Они замотали головами и замедлили движение. Виктор, Юлиус и Ди пробежали сквозь зал и очутились в длинном и узком проходе, расширяющемся в огромную пещеру. Под ее потолком, на самом верху, брезжил свет.

Федор отступал за ними, метко бросая камни в драконов. Наконец, ему повезло — одному дракону он попал точно в глаз. Тот гневно заревел и вернулся на фреску. Федор углубился в темный проход, ведущий в пещеру. Второй дракон последовал за ним, но в узком проходе чудовищу пришлось ползти, как змее, и Федор этим воспользовался — он подбежал к дракону и схватил его за ноздрю. От рева чудовища задрожали стены. Дракон вырвался и с позором бежал.

Юлиус, бегущий впереди всех оглянулся на Федора и в этот момент ему в горло вцепился чаньша — он лежал в саркофаге, до этого закрытом плитой. Федор, бежавший сзади, ударил его камнем из пращи, но было уже поздно — он пожрал Юлиуса, от того осталась только сморщенная оболочка. Ди убил ближайшего к нему коротким мечом, бросился еще на одного, и, пикой с загнутым костяным наконечником, ударил чудовище в глаз. Тот зашелся в крике и лопнул.

По всему коридору начали открываться плиты, выпуская голодных чаньша на свободу. Их было слишком много, они толпой окружили Ди. Юноша, виртуозно действуя пикой, убил еще двоих, но тут ему под ноги бросился почти истлевший чаньша, Ди потерял равновесие и начал падать.

Упасть он не успел — Федор, собрав в концентрации всю свою ментальную мощь, резко

«взболтал» пространство и время, меняя их местами. Этим самым, он создал «временной коридор», точно такой же, как тот, что, в свое время, создал Кузьма, спасая своих товарищей в Чечне. Посыл был так силен, что Ди был выброшен Федором в завтрашний день.

«Ничего», — подумал Федор, — «Главное, что не в прошлое».

Виктор открыл сумку с драконом и выпустил его на свободу. Тот тут же выпустил струю пламени, и в этом огне погибли три чаньша, а, начав метаться, горя живыми факелами, подожгли еще четверых. Коридор наполнился запахом горячей плоти и кожи. Виктор подхватил дракона на руки, и они с Федором побежали по коридору, что есть сил, а за ними скачками гнались вампиры. У самого выхода из пещеры Федор понял, что их нагоняют. Он выпустил кнут и приготовился драться:

— Беги наверх! — приказал Федор Виктору.

— Нет! — потрянул головой Виктор, опустил на землю дракона и хлопнул его по спине, приказывая бежать.

Дракончик замотал головой и змейкой обвился у его ног.

— Я помогу тебе!..

— Не смей! Уходи, немедленно! Ты отвечаешь за сына, а драться вдвоем здесь тесно!

Виктор, на самый краткий миг, замер, затем резко кивнул:

— Salut! — вновь подхватил дракона на руки и, прижав его к груди, побежал наверх, скрывшись за камнями.

Федор повернулся к чудовищам и задушил первого чаньша кнутом. Выхватил из-за пояса нунчаки, и схватился с другим, за ним с третьим, медленно отступая к спасительному выходу из пещеры. Наконец, он оказался под выходом на поверхность. За ним гналось пятеро чаньша, самых древних из всех. Ближе всех к Федору был один, совсем древний. Его повязки давно истлели и он скачками приближался к Федору, теряя по дороге части тела. Наконец, у него отвалилась нога и он осел на пол. Федор повернулся, что бы подняться к солнечному свету, но в этот момент, разваливавшееся чудовище выхватило из-за пояса короткий посох, на его вершине сверкнул ослепительно белый зуб павлина, до краев наполненный ядом. Он бросил посох в спину Федора и зуб вонзился ему в плечо. У Федора потемнело в глазах. В тот момент, когда он уже потерял возможность идти и упал на колени, из последних сил пытаясь ползти, над ним навис ветхий чаньша и протянул к нему руки, что бы выпить остаток его жизненных сил. Свет солнца больше не долетал в пещеру.

Раздался несильный хлопок и чаньша с визгом отлетел. Чьи-то сильные руки вцепились Федору в запястья и вытащили его на солнечный свет. Последнее, что видел Федор, прежде чем отключиться — крепкие мужчины в камуфляже спускались вниз, добывать оставшихся чудовищ.

Федор пришел в себя в доме Ди Лянпо. Попытался сесть. У него это почти получилось но усилие было настолько велико, что он потерял равновесие и стал падать с постели. В этот момент его крепко взяли за плечо и усадили как должно. Федор только теперь увидел рядом с собой широкоплечего черноволосого мужчину с ослепительно зелеными глазами. Тот улыбнулся и кивнул:

— Вы очнулись! Прекрасно! Федор Михайлович, я бы попросил вас лежать. После отравления павлиньим ядом выживают очень немногие. Я бы даже сказал... Вы на моей памяти первый. Вы удивительно сильный... человек. Воды? — он взял с низкого столика у кровати чашу с водой и протянул ее Федору.

Беляев, кивнув, стал пить. Пока он не сделал первого глотка, он даже не понимал, как

мучит его жажда.

— Кто Вы? — спросил Федор, когда голос к нему вернулся.

— Это не важно, — пожал плечами незнакомец, — Важно другое. Слушайте меня внимательно. Вы не встретились со своими... коллегами из Франции и Германии. Вы пошли в пеший поход, но встретились с мигрирующими змеями за день до назначенной встречи, змея укусила Вас, и Вы заболели. Сегодня Вы узнали, что с Вашими коллегами случился ужасающий несчастный случай — один из них погиб, осматривая пещеры, а внук почтеннейшего Ди, нашего хозяина получил несколько травм... Похоже, он отбивался от диких зверей...

— Где Виктор? — спросил Федор.

То что спецназовец сказал о гибели только одного, давало надежду, что Виктор жив.

Костромин сделал вид, что не слышал вопроса:

— Вы много бредили. У Вас были галлюцинации...

Федор неожиданно понял:

— Вы знали... Как вы узнали, что все пойдет наперекосяк?

Кирилл кивнул:

— Вас подставили. Меня и мою группу послали обезвредить вас, что бы ваши поиски ни в коем случае не увенчались успехом. К сожалению, мы опоздали.

— К сожалению? Опоздали? — в голове у Федора все кружилось. Он тяжело дышал, его тошнило. Увидев это, Костромин перестал играть в кошки-мышки и, как мог, объяснил Федору:

— Свиток — ловушка. Он не содержит рецепта бессмертия. Зелье, что описано в манускрипте, превращает человека в чаньша при жизни и способно поднять мертвеца из могилы, но бессмертие это нечто большее, чем неспособность умереть, Федор Михайлович.

Федор вернулся к мысли, что неотступно преследовала его:

— Где Виктор? Вы убили его?

— Ну что вы... — снисходительно и чуть обиженно протянул Кирилл, — Он вчера вечером уехал... Выслушал мою версию произошедшего и согласился со мной... Он очень беспокоился о вашей безопасности... Я заверил его, что все будет в порядке. Вам нужно спать. Отдыхайте и помните мои слова.

С этим напутствием Кирилл вышел из комнаты.

Глава 11.

Сегодняшний день.

Кузя показывал дом супружеской паре, намереваясь сдать его на лето. Дом был великолепен, с пятью спальнями, четырьмя каминами, гостиной, библиотекой, кабинетом, огромной ванной комнатой с душевой кабиной и ванной с гидромассажем. В центре ванной комнаты был оборудован бассейн.

Женщина лет двадцати пяти, не красивая, а так называемой «модельной внешности», одетая в вещи от всех модных дизайнеров одновременно, изо всех сил старалась выглядеть аристократкой, но получалось плохо. Ее муж, маленький мужчина, не доходящий своей благоверной до плеча, осматривался, не скрывая восторга.

— А че, нет здесь спа? — удивилась дама.

— Вот же, — Кузя показал на бассейн с гидромассажем.

— А у нас в фитнес-клубе не токой...

— У меня не фитнес клуб, у меня частный дом. Это немецкое оборудование для ванной.

— Немецкое? Не итальянское? — удивилась женщина.

Кузя сделал вид, что не слышал, пройдя с гостями в большую гостиную, сказал:

— Идемте на кухню.

— А зачем мне на кухню? Пришлите горничную, — возмутилась красотка.

— Это не гостиница, — пояснил Кузя, — У меня нет горничной.

— Как это — нет?

«Похоже, что удивление жизнью для нее бесконечно и постоянно», — подумал Кузя и терпеливо стал объяснять:

— Дом сдается без прислуги. Только сам дом и обстановка. Все, что вам требуется — горничные, конюхи, экипажи — все отдельно. Я сдаю только апартаменты.

— Чего? Пустой дом, что ли?

Кузя выругал себя за гордыню, не позволявшую ему занять денег у Федора, и уже набрал в грудь воздуха, чтобы начать объяснения, но тут вмешался муж, засопев, и сказав супруге с сильным акцентом:

— Женщина! Хороший дом! Такая сауна! Такой камин! Гости приедут — я их в библиотеку веду! Какой там ковер! Вах!

Тут он повернулся к Кузьме.

— Ковер твой прадед привез?

— Нет, друг из Китая привез.

Мужчина восхитился:

— Хороший друг! Такой ковер привез! Продай? Сколько скажешь — заплачу!

— Друга что ли? — устало спросил Кузя.

— Зачем друга? Ковер!

— Нет. Ковер не продам, — бессознательно подстраиваясь под речь мужчины, начал говорить Кузя, — Друг приедет, спросит — что ковер убрал? Надоел? Я что скажу?

— Правильно говоришь, верно. Сколько стоит, говоришь?

— Ковер, я, не продам, — раздельно ответил Кузя.

— А дом на все лето?

— Ну, договаривались же, — вздохнул Кузьма, — Сколько сказал, столько и стоит.

— Тысячу уступи, да?

— Нет! — внутренне вскипел Кравченко, — Не уступлю. Мне на полторы тысячи больше предлагали. Вчера. Я, как дурак, «нет, я договорился уже!»

— Почему, как дурак? — пошел на попятную муж, — Зачем сердиться? Договорились, получай деньги!

Достав из кармана пачку банкнот, передал Кузе деньги. Тот взвесил ее на ладони. Затем посмотрел сверху вниз на коротышку:

— Мне пересчитать?

— Зачем пересчитать? Разве не правильно посчитал? А! Вот, возьми еще тысячу, не обижай! Пересчитать!

Достал еще пачку, намного меньше и протянул Кузе. Тот взял деньги, сложил вместе с остальными, протянул ему ключи от дома.

— Это — ключ от ворот, это от гаража. Эти два от дома. Приятно вам провести лето.

Кузя легко выбежал на крыльцо, взял спортивную сумку, забросил ее себе на плечо и, дружески кивнув огромному охраннику, сел на мотоцикл и укатил.

Муж и жена проводили Кузьму задумчивыми взглядами.

— Ну, я пойду, в эту... спа, — сказала, наконец, женщина.

— Иди, любимая, — кивнул головой муж, — иди спать. Я по дому похожу. Игорь!

В гостиную вошел охранник:

— Звали, Джангули Борисович?

— Пойдем. Погуляем по дому.

Охранник молча кивнул. Вдвоем они пошли на второй этаж. Осматривая спальни и большой кабинет на втором этаже, Джангули не скрывал своего восторга:

— Какой кабинет! Его дед большим ученым был, да! Какие книжки! Все в кожу переплетены, с золотом!

— На третий этаж пойдем? — спросил охранник.

— Пойдем, конечно пойдем! Мансарда посмотрим!

Они поднялись в мансарду. Там располагались три комнаты, разделенные коридором. В конце коридора таилась дверь. На ней висела табличка, как на трансформаторной будке «Не влезай, убьет!» На двери не было замка, но она была закрыта на засов.

— Что такое? Зачем убьет? Игорь, открой, — скомандовал Джангули.

— Джангули Борисович, зря, что ль написали? — спросил Игорь.

— Не спорь, открывай! Я дом снял? Я знать хочу, что я снял!

Игорь отодвинул задвижку, открыл дверь. Они с интересом заглянули в комнатку и, в изумлении, попятились.

В комнате небыло окон, но ее убранство полностью копировало русскую деревенскую избу с русской печью, деревянными лавками, рушниками и чугунками. Единственным диссонансом в обстановке были три картины «Венера перед зеркалом» великих живописцев Веласкеса, Рубенса и Тициана в рамках стиля «барокко».

Джангули, удивленный такой обстановкой, совершенно не свойственной дому, зашел в комнату и стал осматриваться, задержавшись взглядом на картине Рубенса.

С печи свесилась змееобразная голова и хрипло спросила, моргнув желтыми глазами.

— Кузька, ты?

Стоящий на пороге Игорь издал серию булькающих звуков, показывая руками на печь.

Ни одного членораздельного слова произнести он не смог.

Второй голос, более басовитый, чем первый, пробурчал:

— Да не Кузьма это, какие-то лохи у него опять на лето дом сняли! — и с печи свесилась вторая голова.

Джангули повернулся к печи и остолбенел.

— Че вылутился? Жрать давай! — сказал третий голос, и с печи спрыгнул самый настоящий Змей-Горыныч о тех головах. Джангули попятился, отступая к двери.

— Где еда? — спросил Горыныч, глядя на Игоря.

Игорь рухнул навзничь, как стоял. Джангули, в этот момент дошедший до порога, со страху захлопнул дверь, закрыл ее на задвижку и сбежал вниз.

— Ланочка! Ланочка! Поехали быстрее отсюда!

Жена откликнулась из ванной:

— Что случилось, Джангульчик?

— Быстро! Поехали отсюда! — прокричал напуганный грузин, вбегая в ванную.

Его жена сидела в ванной по шею в мыльной пене.

— Нет, мне здесь нравится... Мы же столько денег заплатили...

Джангули в отчаянии, всплеснул руками.

— Какие деньги, женщина! Не надо мне его денег! Пусть забирает! Поехали отсюда!

Он схватил ничего не понимающую жену, вытащил ее из воды, и потащил к двери. В ванную просунулась одна из голов, осуждающе поцокала раздвоенным языком и исчезла. Женщина истошно заверещала, прикрываясь руками.

— Да не ори ты! Башка трещит! — всунулась вторая голова и снова исчезла из дверного проема, — Даже не смотри, — раздалось в коридоре, — Костлявая — страсть!

— А поговору, вроде, хохлушка?

— Наверное, депортировали, что бы нацию не дискредитировала...

— Ага... Сисек — совсем нет!

Все три головы снова засунулись в дверную щель и хором сказали, глядя на бизнесмена:

— Ты бы хоть силиконовые ей пришил! А то...!

Бизнесмен с голой женой опрометью выскочили из ванной через второй выход. Про охранника они даже не вспомнили.

— А и то верно, — пробормотал бизнесмен, вырывая на шоссе, — гад трехголовый и то — не польстился!

— Скатертью дорога! — раздались им вослед три голоса.

Кузя мчался по дороге в Питер на «Харлее», что в свое время, еще до замужества, принадлежал его матери. FXS Low Rider 1977 года выпуска был в великолепном состоянии. Насколько Кузя знал, это был уникальный мотоцикл даже в год своего выпуска, его сделали по спецзаказу, но для Кузьмы главная ценность байка была, конечно же, в воспоминаниях.

На Лиговском он завернул во двор огромного дома-колодца, спешил и ушел в парадное, не подарив мотоциклу даже взгляд: его уверенность в том, что «Харлей» останется на месте, базировалась не только на оптимизме...

Зайдя в парадное, он в который раз недовольно поморщился — запущенность подъезда всегда поражала его. Всю жизнь, прожив в собственном доме, где неизменно царила чистота и порядок, он просто не мог понять безобразие, царившее в многоэтажках. Ответственность за порядок и сохранность дома с самого раннего возраста он нес наравне с отцом и дедом и воспринимал это также естественно, как утренний поход в душ.

Вздыхнув, он взбежал по ступеням на третий этаж и позвонил в полированную деревянную дверь с ярко начищенной медной табличкой «Йоханнсон К.Л.». Через несколько мгновений дверь плавно и беззвучно открылась. Толщиной эта дверь была не меньше Кузиного бицепса. Открывшись, дверь привела его в скудно освещенный коридор, отделанный стеновыми панелями из мореного дуба. В конце коридора, ярко освещенный солнечным светом из невидимой Кузьме комнаты, стоял хозяин магазина «Антик» в безупречном домашнем костюме.

— Вы, как всегда, пунктуальны, Кузьма Петрович. Рад Вас приветствовать, — сказал антиквар так, как будто не видел своего охранника раз в трое суток.

— Здравствуйте, Карл Людвигович, — улыбнулся Кузя.

— Вы все еще переживаете о состоянии нашей парадной? — Карл Людвигович тонко улыбнулся, сделал приглашающий жест и ушел в комнату.

Кузя не торопясь, последовал за ним. Все это было уже много раз и напоминало Кузе балет — все движения были выверены, все партии и все участники расписаны до мелочей. Дойдя до порога, Кузя остановился, частично из-за привычных требований «балета», но в основном из-за того, что посмотреть действительно было на что.

Большая гостиная была обставлена, а лучше сказать, заполнена вещами поразительной

красоты. Почетное место в центре большой гостиной занимал кабинетный рояль эпохи Людовика XIV. Напротив него, в центре большой стены красовался итальянский буфет, весь уставленный французским и китайским расписным фарфором и богемским хрусталем.

У другой стены, между двумя резными дверями, под большим венецианским зеркалом в затейливой раме, стояло канапе, происходящее из тьмы веков. Рядом, на подставке из красного дерева, невесомо расположилась подлинная китайская ваза эпохи Мин. С другой стороны канапе уютно устроились два фазана, выполненные в технике email cloisonne.

У стены, что напротив окна, стояла антикварная консоль, а по бокам — две изысканных этажерки. На их мраморных полках и столешнице консоли в боевых порядках выстроились фарфоровые статуэтки различных стран и эпох. Здесь были статуэтки безе, из мейсенского фарфора, японского фарфора сацума, немецкой расписного майолики, еще чего-то, о чем Кузя не знал. Объединяло их одно — божественная красота.

В углах комнаты стояли четыре великолепных набора для камина.

— Проходите, Кузьма Петрович, присаживайтесь.

— Благодарю.

Разговор проходил так, что чужой человек никогда бы не догадался, что разговаривают хорошо знакомые люди. Кузьма для Карла Людвиговича в этот момент был только важным покупателем и никем больше.

Кузя прошел к канапе и прежде чем сесть, несколько секунд полюбовался на свое отражение в зеркале.

— Гораздо красивее, чем в жизни, вы не находите, Карл Людвигович?

— Нет, милейший Кузьма Петрович, нет. Вы достаточно привлекательны, чтобы не смотреться в венецианские зеркала, а довольствоваться обычными.

Кузя сел на канапе и выжидающе улыбнулся антиквару. Тот кивнул и прошаркал к узкому закрытому шкафу в углу комнаты, вынул из него длинный и тяжелый сверток и осторожно отнес к Кузе.

— Любуйтесь.

Кузя встал, сбросил с плеч тончайшую кожаную куртку, взял из рук антиквара сверток, аккуратно развернул. У него в руках лежала сабля в простых, но изящных ножнах. Он осторожно вынул ее из ножен, положил их на канапе и залюбовался на великолепный клинок, украшенный только силуэтом веточки цветущей сливы и тремя иероглифами. Притом, что это оружие было очевидно русской саблей, столь же очевидно было, что сделал ее японский мастер.

Подержав клинок на весу, Кузя скосил глаз на Карла Людвиговича. Тот приглашающе улыбнулся.

— Прощу Вас, Кузьма Петрович?

Кузьма кивнул, отошел на свободное пространство между окном и роялем и сделал несколько взмахов, перебрасывая клинок из одной руки в другую, еще несколько точных движений. Казалось, в его руке ожила молния. Наконец, он опустил благородное оружие, вернулся на место рядом с канапе и, отсалютовав, вложил клинок в ножны. Он сильно подозревал, что ему позволены эти безобидные упражнения с бесценной реликвией не только потому, что его мастерство было исключительно, но, в основном, потому, что это нравится Карлу Людвиговичу. Ну что же, хозяин — барин.

— Превосходно, Кузьма Петрович, — традиционно похвалил его антиквар, — Вы, как всегда, выше всяких похвал. Итак?

Кузя сделал многозначительную паузу, не выпуская из рук благородного клинка:

— Сегодня, я, пожалуй... — пауза стала глубже и более осязаемой, Карл Людвигович чуть насмешливо поднял бровь.

Он, конечно, разгадал маневр Кузьмы. Не пришел же к нему Кузьма просить отсрочки, в конце концов!

— Заберу ее с собой... — закончил Кузя.

— Превосходно, — кивнул Карл головой, — Я рад, что вы так быстро выполнили свои обязательства.

Кузьма выплачивал драгоценную саблю частями. Сумма была настолько велика, что выплатить ее у, обычно, нестесненного в средствах Кузьмы, в один раз не было возможности. Он, внутренне поеживаясь, предложил своему шефу сто тысяч долларов сразу, а остальное в течение полугода. Антиквар подумал несколько мгновений, прикинул различные обстоятельства и согласился. Теперь Кузьма пришел забрать покупку раньше положенного срока на три месяца.

Воцарилась невозмутимая тишина. Оба наслаждались ею. Затем Кузя положил саблю на канапе, взял куртку, достал из внутреннего кармана толстый и большой конверт и положил его на столик рядом с вазой.

— Считайте.

— Помилуйте, Кузьма Петрович. Вы не такой человек, что бы делать глупости... такого рода.

— О! — Кравченко склонил голову, принося безмолвное извинение за бестактность. Затем сказал, — Да, о глупостях другого рода — у меня есть две флейты.

Антиквар по-птичьему повертел головой:

— О! Флейты... Несомненно, вы сделали их сами?

— Несомненно. Из... — Кузьма запнулся, подбирая слова, подходящие к этой обстановке, — традиционного материала.

Старичок оценил его такт, улыбнувшись лучиками морщинок вокруг глаз.

— Прекрасно... Если вы на днях зайдете к Францу Альбертовичу, то он будет очень рад вас видеть. И флейты — тоже.

— Прекрасно. Я буду счастлив... доставить радость Францу Альбертовичу.

Карл Людвигович кивнул и сделал приглашающий жест. Кузя надел куртку, поднял саблю с канапе и, убрав ее в тубус, забросил за спину.

— Знаете, Карл Людвигович, я совершенно по-другому ощущаю теперь ее... удобство, вес.

— Я бы очень удивился, Кузьма Петрович, если бы это было не так...

Кузя вышел из квартиры шефа и поехал домой, справедливо полагая, что съемщики уже нашли в доме немало такого, что заставило их спешно уехать. Он только надеялся, что начали они не с гаража — ловить мандрагор было делом утомительным.

Глава 12.

Очередная лекция подошла к концу. Беляев еще раз оглядел присутствующих, кивнул своим мыслям, коротко скомандовал:

— Венедиктов, жду Вас на кафедре, — и вышел.

Молодой человек, к которому обратился Федор, удивленно пожал плечами, но пошел за доктором.

Федор стоял у порога кафедры, явно поджидая студента.

— Пришел? Пойдем.

Вдвоем они прошли в пустующую лабораторию. Федор закрыл стеклянную дверь и защелкнул замок.

— Итак, что Вас привело ко мне? — спросил Беляев, привычно пройдясь по кабинету.

Студент недоуменно заморгал:

— Мне кажется, это Вы несколько минут назад вызвали меня?

Федор насупился и чуть угрожающе сказал:

— Шутки кончились. Я хочу знать каковы твои цели.

— Не понимаю, — напрягся студент.

— Играть со мной не нужно, — спокойно, но холодно отозвался Федор.

— Ну вот, что, мне все это надоело, — студент повернулся к двери и попытался открыть замок. Тщетно.

— На нем защита, как и на всем, с чем я часто имею дело. Ты не выйдешь отсюда, пока я не открою дверь.

— Мы уже перешли на ты? — спросил Венедиктов, повернувшись к Федору.

В этот момент Федор выхватил скальпель и изящным движением полоснул юношу по шее. Из разрезанной артерии хлынула ослепительно алая кровь. Остолбеневший парень несколько секунд смотрел на льющуюся из него жизнь, затем поднес руку к ране и попытался зажать ее пальцами. Ничего не получилось. Ноги у него подогнулись и он упал на колени, на миг опустив глаза. Через мгновение он поднял взгляд на Федора.

В его глазах горело чистое яркое пламя. Он легко вскочил и бросился на Беляева, целясь ему в глаза длинными остро заточенными когтями и тихонько рыча.

— Вот и хорошо! — растягивая слова сказал Федор, и ловко увернувшись от прыгнувшей на него чешуйчатой твари, в которую превратился его студент, — Сейчас мы поговорим...

С изяществом уворачиваясь от атак чудовищного существа, Федор запустил руку за пазуху, достал оттуда массивный талисман на длинной цепочке и с размаху припечатал его ко лбу монстра. Эффект был, как если бы чудище врезалось в стену. Оно грохнулось на пол и забилось в судорогах. Федор смотрел на это несколько секунд, затем, дождавшись, когда судороги прекратятся, глубоко вздохнул и на одной ноте проговорил:

— Я твой повелитель!

— Ты мой повелитель...

— Я отберу у тебя силу и оставлю ее себе!

— Ты отберешь у меня силу и оставишь ее себе...

— Я отниму у тебя волю и буду ей управлять!

— Ты отнимешь у меня волю и будешь ей управлять...

— Будет так, как повелю я, владеющий твоим именем!

— Будет так, как повелишь ты, владеющий моим именем...

— Хорошо, вставай. И прими человеческий облик, — сказал Федор совершенно обыденным тоном, засовывая талисман за пазуху.

Демон сел на задние лапы, по-собачьи встряхнулся и поднялся с пола. Пока он вставал, он незаметно переменялся и перед врачом вновь стоял ничем не примечательный студент.

— Итак?

— Я сделаю все, что ты прикажешь, — пожал плечами вернувший себе человеческий облик демон.

— Вот и рассказывай.

— Что?

— Как ты сумел сбежать?

— Случайно. Мне поручили миссию в Нью-Йорке, я выполнил ее на день раньше. А там все было просто — я ввел себя в состояние амнезии, забыв свою сущность, оставив только воспоминания о Юле, поэтому не смог услышать призыв возвращения...

— Стоп, стоп. Какая миссия в Нью-Йорке? Кто такая Юля?

— Моя миссия заключалась в убийстве человека. Юля — человек.

— Так это ты ее убил?

— Нет! — голос демона зазвучал странно эмоционально, — Я убил другого человека, демонолога.

— Та-ак... Чем он досадил вам?

— Он овладел именем моего отца и тем принудил служить ему. Но он не сказал, что весь мой род должен служить ему, вот мать и послала меня найти того человека и убить.

— Ага, ага... Правильно... Изобретательно, — с одобрением кивнул Федор, припомнив убийство известного американского парапсихолога. Это убийство, бессмысленное по своей жестокости, всколыхнуло все слои общества своей загадочностью — человек был убит в полностью закрытой комнате на высокой башне. Убийц так и не нашли, как, впрочем, и способа проникновения внутрь.

— Так, а что с Юлей? — продолжил Федор допрос.

— А что с Юлей? С ней все в порядке, — встревожился демон Хаоса в облике человека.

— Кто она такая-то?

Демон засопел, явно желая уйти от этой темы. Не ответить на вопрос он не мог и теперь придумывал хороший ответ.

— Она — женщина.

— Да это я понял. Кто она тебе? — правильно сформулировал вопрос Федор.

Молодой человек вздохнул и опустил голову.

— Она — моя жена.

Федор поправил очки.

— Так она — демон?

— Нет! Она — человек. Самый лучший человек, которого я знаю!

— Она знает... кто ты?

— Да... Она видела меня в моем истинном облике. Она испугалась, но преодолела свой страх. Она — знает.

— А вот родня твоя многочисленная не знает, что ты сбежал. Думают, что тебя кто-то похитил. Посадил, как джинна, в бутылку. Умоляли меня тебя найти. Что уж только они мне не посулили!

— Я сделаю для тебя больше, только не разлучай меня с женой! — взмолился, скованный заклятием талисмана, демон.

— Да знаю, знаю, как вы обещания даете! — досадливо махнул рукой Федор, — Хотя, — задумчиво добавил он, — твои — вроде честные. И не обещали ничего и даже аванс дали — Талисман Имен, — Федор коснулся того места на груди, где под рубашкой находился пленивший демона талисман.

Федор стоял перед своим новым пленником и не знал, что ему делать теперь. Проще

всего, конечно, было отдать его сородичам и больше не думать об этом, но Федор почему-то не мог предоставить его своей судьбе. Провести остаток своей, практически бесконечной, жизни вдали от любимой женщины — это было бы единственным решением, которое приняли бы родственники демона — «отступника». И Федор мучительно соображал, как взять безумца под свое покровительство, но не настроить против себя все легионы Хаоса. Его размышления прервал его пленник:

— Могу я спросить тебя?

— Можешь, — пожал плечами Федор.

— Что ты за человек, что обладаешь Талисманом Имен и еще не сошел с ума?

Доктор остолбенел.

— Я? — спросил он после паузы, — Я — Хранитель этого города!

Демон покачал головой:

— Хранитель этого города — из Первых. Ты — человек.

— Теперь я — человек.

— Это невозможно! Я видел его однажды... Повелителя пламени, свободного, как полет мысли...

— Посмотри на меня. Вглядишься. Я стал человеком, но смогу выдержать твой взгляд, проникающий в сущность.

— Хорошо, я попробую.

Демон закрыл свои человеческие глаза третьим веком и «открыл» третий глаз. На Федора накатила волна дурноты. Глаз на челе демона загорелся алым, потом стал ослепительно синим, заморгал и исчез.

— Да, я вижу твое пламя... Оно почти умерло... Ты отказался от него... но оно в тебе есть...

— Я отказался от своей первой природы и принял человеческую сущность.

— Значит, ты можешь понять меня. Отпусти меня! Я утратил свою сущность, свою демоническую природу, ведь они искали меня, ты сам сказал это! Они не почувствовали меня, не узнали родича во мне! Позволь мне вернуться к жене...

— Есть проблема, — вздохнул Федор, — Ты отказался от своей природы, но не утратил ее... Когда я перерезал тебе горло, ты вернул себе демоническую мощь. Жажда жизни взяла свое и через твой отказ, и через амнезию... Когда твоя жена умрет, ты вернешь свою демоническую суть. Что тогда произойдет, я даже представить боюсь. А как-то воздействовать на тебя никто не сможет. Сам посуди — обезумевший от горя демон Хаоса. Единственное, что можно будет сделать — это изгнать тебя в Хаос...

— Меня не понадобится изгонять в первозданный Хаос, — покачал головой студент, — Она и я связаны. Мы разделяем одно время жизни...

— Одно время? У вас — одно? — изумился Федор.

Это в корне меняло дело.

— Да. Я разделил свое время с ней. Я люблю ее...

Федор переваривал полученные новости. Бесконечно живущие существа могли разделять время своей жизни для того, что бы отдать часть своего времени смертному. У человека при этом срок жизни увеличивался чуть ли не в десятеро, но все равно, это было ничто, по сравнению со сроками жизни бессмертных, а тот, кто разделял с человеком свое время, умирал в тот же день, что и его смертный возлюбленный. Федор за всю свою жизнь, что длилась около тысячелетия, мог припомнить лишь один или два таких случая. И вот

этот, третий.

— Когда срок ее жизни истечет, я обращусь в пыль... — продолжил, не дождавшись ответа, студент.

Федор кивнул, соглашаясь с услышанным. То, что демон согласился со своей смертной участью, полностью меняло весь ход событий. Да, теперь он действительно не представлял никакой угрозы для людей. Он проживет вместе со своей любовью лет пятьсот, а затем, когда она умрет, просто исчезнет из мира.

— Я хочу ее видеть, — Федор сказал это резко, чтобы не дать демону понять, что его судьба уже решена. Решена в его пользу.

В этот момент в стеклянную дверь постучались:

— Федор Михайлович! Паша!

— Юля?! — воскликнули одновременно Федор и Павел.

Федор прекрасно знал Юлю Крушину, молодого и очень талантливого врача. Он подошел к двери и распахнул ее.

— Проходи, — он ловко затащил ее в лабораторию, и снова закрыл дверь.

Женщина переводила затравленный взгляд с одного мужчины на другого.

— Федор Михайлович! — наконец решилась Юля, — Вы же... не... Не отдавайте им его! Я люблю его! Пожалуйста!

— Кого? Кому? О чем ты? — сделал Федор слабую попытку сохранить остатки тайны.

— О чертях этих, родне его! — Юля почти плакала.

— А почему ты решила, что я могу помочь?

— Это все знают! Вы же все можете!

— О, Боже мой! — безнадежно вздохнул Федор, — Идите с глаз моих, оба. И... да. Я отдаю тебе твою волю...

Все время до вечера Беляев провел в медитации над вопросом, что означали слова Юли: «Это все знают». Но прийти ни к каким достойным выводам не успел, побеспокоенный телефонным звонком. Звонил Кравченко.

— Федь, привет... Можешь приехать?

— Конечно могу, — ответил Федор, ожидая в ответ услышать адрес.

— Так приезжай, — ответил Кузьма и положил трубку.

Это было совсем плохо. Такое место, без адреса, без названия, существовало в Санкт-Петербурге всего одно. И что самое дурное, Кузьма появлялся там все чаще и чаще. Место это, расположенное глубоко под примечательным домом на Садовой улице, всем известном, как Михайлов замок, хранило в себе древний, и не всегда понятный даже Федору и его соплеменникам, артефакт. За неимением лучшего его называли просто Сердцем.

Что это было такое и в чем его суть, понимали не многие, если такие вообще были, но издавна было известно — если это Сердце разрушить — то город приходил в упадок и стремительно погибал. При этом взять Сердце под свой контроль не означало решительно ничего, оно продолжало «жить» в своем собственном ритме и мире независимо от того, кто называл себя его Хозяином. Правда при этом сам Хозяин, скорее подвергался смертельной опасности, чем овладевал какими-то привилегиями — до самого последнего времени считалось очень почетным называться Хозяином Сердца и желающих было более чем достаточно.

Федор, став Хранителем Санкт-Петербурга, объявил Сердце свободным ото всех притязаний и заявил, что всякий, кто посмеет назвать себя Хозяином Сердца будет

отправлен в Нижний мир лично им, Федором.

Страсти тут же улеглись, но редкие попытки завладеть Сердцем продолжались, пока не стало известно, что если четыре Сердца сложить вместе, то получится новый, могущественный артефакт, дарующий невероятные силы. Тут уж стало не до смеха — попытки завладеть Сердцем стали множиться с невероятной скоростью. За этот месяц это была уже третья.

Федор вошел в подвал, что служил Вратами для входа в место, где лежало Сердце и увидел неприятную картину — Кузьма методически вырубал из убитых им демонов кости, что могли пригодиться ему для магии или «сувениров». Куски разрубленного мяса и осколки костей аккуратно лежали у стен, но Федор поморщился:

— Что у тебя... как на бойне!

— А она и есть. В этот раз — восемь. Кто-то вызвал демонов Тьмы... Если в следующий раз будут демоны Хаоса, я даже не знаю...

— Я знаю, — перебил его Федор, — Молодец, Кузя. Приводи здесь все в порядок, мне нужно позвонить.

Найти телефон Юли Крушиной было делом минутным и через пять минут Федор уже разговаривал с Павлом:

— Здравствуйте. Это Беляев. Да. Можешь приехать? Да, важно. Да прямо на Садовую, 2.

Федор положил трубку и приготовился терпеливо ждать. Ждать впрочем пришлось недолго. Павел появился, как из под земли. На недоуменный взгляд Федора он пожал плечами:

— А я живу здесь, — и показал на дом, из окон которого прекрасно был виден Инженерный замок.

— Вот как... Это судьба.

Вдвоем, они спустились в подвал. Кузьма продолжал свое занятие и с удивлением посмотрел на Федора, который привел постороннего в святая святых.

— Он со мной.

Кузя кивнул и приступил к расфасовке частей тел в пластиковые мешки, что бы потом выбросить их в канал. Павел критически осмотрел все это и спросил:

— Может быть, их лучше сжечь?

— А! — одобрил Федор, — Сожги их, Паша. Кузя, забери свои кости и отойди от трупов.

Кузьма, без звука, забрал сверток со «своими» костями и отошел к выходу. Павел напрягся, странно изогнулся, издал серию булькающих звуков и испустил изо рта струю ослепительно белого пламени. Все, чего коснулось это пламя, превратилось в пепел. Кузьма с уважительно покачал головой и поднял вверх большой палец. Федор развел руками: «Профессионал!»

Павел обернулся:

— Так нормально или надо было мельче?

— Нет. Так хорошо. Пойдемте парни, посмотрим, как там Сердце.

Федор прикоснулся ладонью к стене и повелел ей открыться. Стена, в свое время, возведенная по камушку самим Федором, податливо прогнулась под его ладонью и разошлась в стороны.

Они вошли в низкий, но широкий, каменный зал и пошли в его середину. В самом центре подземного зала располагался небольшой низкий бассейн, в котором что-то

беспрестанно шевелилось. Мужчины подошли поближе и увидели что-то похожее на большой клубок мотыля, сокращавшееся на манер сердца в сложном, синкопическом ритме.

— Это и есть Сердце Силы? — спросил Павел.

— Да. Мы зовем его просто Сердцем. Это место — самое священное место нашего города. И я могу назначить тебя его хранителем. Тогда твоя родня не будет так решительно возражать.

— Да. Я стану хранителем Сердца Силы.

— Вот и хорошо. Подойди к нему. Ближе.

И Федор начал читать древнюю литанию, связующую Сердце с его Хранителем.

На следующий день Федор разыскал гостящих в Петербурге демонов. Они приняли его в номере роскошной гостиницы. Какое-то время шла беседа о введущихся сейчас войнах, о новостях Домов, о прочих пустяках. Затем Федор, решив, что с этикетом покончено, Федор вздохнул и перешел к делу.

— Я искал вашего брата... И я нашел его...

Демоны замерли, слушая Хранителя.

— Тот, кто поработил вашего отца, наложил на него не одно, а два заклятия. Второе из них повелевало украсть Сердце Силы. И он прибыл в мой город... Потому что слухи... описывают меня, как слабого Хранителя.

Демоны опустили глаза, не желая перебивать, но и не желая отрицать то, что действительно было верно.

— Приехав в город, что я охраняю от Сил, он проник в место Сердца. И не коснулся его, благоговей.

Демоны напряглись, услышав это.

— И Вы, Повелитель, не гневаетесь?

— Я решил, что он навечно будет связан с ним, что бы остудить пыл наиболее неразумных. Порядок превращается в Хаос, если теряет контроль.

Федор имел в виду, что истинное Сердце города, было одинаково желанно всем — демонам, оборотням, Первым, всем остальным. Хаос и Порядок одинаково жарко жаждали Сердца, пытаясь завладеть им и установить в городе свою власть. Но для этого и был в городе Хранитель, чтобы одинаково беспристрастно обрывать жадные руки, тянущиеся к самому сокровенному.

— Он пришел украсть Сердце дорогого мне города, но не совершил преступления. Теперь он связан с городом. Я не могу разорвать эту связь. Никто не может. Даже если бы я мог сделать это, я бы не стал. И знаете, это даже хорошо. Поменьше будет алчных, тянущихся к Сердцу.

Осознавая сказанное, все помолчали. Затем Федор достал Талисман. Демоны переглянулись.

— Я не смог ничем помочь вам, лишь наполнил вас горечью расставания. Я недостойн столь щедрого дара.

С полупоклоном Федор протянул Талисман Имен демонице. Та отстранилась и отрицательно покачала головой.

— Старейший, — почетный титул в устах существа прожившего несколько тысяч лет, звучал бы странной насмешкой, если бы не торжественный тон речи, — Этот Талисман принадлежит Вам по праву. Это — подарок. Ваш ответный дар — Ваша милость, оказанная нашему сыну — более ценен для нас, чем даже все имена наших врагов. Воистину, мы не

ошиблись, обратившись к Вам за милостью и правосудием.

И только тут Федор понял, кто стоял перед ним, и чуть не присвистнул от удивления. Только Отец и Мать Великих Огненных Столпов, самого могущественного Дома как Хаоса, так и самого Первого мира, могли так свободно распорядиться и сыном, и Талисманом. Но, инкогнито — воистину священная традиция среди сильных мира сего и Федор порадовался про себя, что не понял этого раньше. Он не смог бы так мастерски изобразить и спокойное превосходство и, одновременно, радушие хозяина, если бы знал, кто перед ним. Поэтому он сдержал свой порыв, и ограничился лишь полупоклоном со словами:

— Ваши слова, Бесконечно Сияющая, — выбрал Федор достаточно нейтральное, но почетное обращение, применявшееся как для глав Домов, так и для просто уважаемых демонов, — наполняют мой слабый разум истинным смыслом. Ваш дар наполняет меня радостью, не от власти, которой он обладает, а от доверия, что Вы испытываете ко мне.

Демоница, поняв и истинную природу слов Федора, и проявленный им такт, улыбнулась ослепительной улыбкой со множеством острых зубов. После взаимных безмолвных поклонов, Федор вышел из номера и выйдя из отеля, подошел к машине и, постояв некоторое время, хотел уже сесть в «Хаммер», как понял, что Мать, скорее всего знала обо всем с самого начала. Кто еще мог провести церемонию разделения времени?! Не сам же молодой демон... Федор закрыл глаза и глубоко вздохнул. Теперь он знал, где ему спрятать Талисман Имен.

Следующим вечером Кузя и Федор шли по Набережной канала Грибоедова. Ночи были уже темные, но друзья прекрасно все видели даже без фонарей. Наконец они дошли до Банковского моста. Над головами грифонов теплым светом горели фонари. Кузя облокотился на перила и закурил «Беломорканал». Федор подошел и встал рядом.

— Дай папиросу.

— Курить вредно.

Федор вздохнул, обдумывая достойный ответ, не придумал, ткнул Кузю в бок.

Кузя протянул ему папиросу. Федор взял ее. Некоторое время подождал. Ткнул Кузю еще раз.

— Чего тебе?

— Зажигалку дай!

— И речи быть не может.

Федор вздохнул, понимая всю тяжесть обвинения — все зажигалки, которыми он пользовался хотя бы раз, начинали жить своей собственной жизнью, иногда весьма опасной для окружающих.

— Что, мне огонь трением добывать?

— Без трения добудешь.

Федор беззлобно, но витиевато выругался. Тряхнул папиросой. Та покорно зажглась. Федор закурил, грустно вздохнул.

— Мне тебя все равно не жалко, — ответил Кузьма и глубоко затянулся.

— Да не в этом дело. Я тут подумал, как все сложно устроено...

— Ох, ну тебя. У тебя все сложно устроено... ты, это... Всеславу видел еще раз?

— Да ее с кафедры не выгонишь, как на работу ходит. Как большой перерыв, так она тут как тут: «А когда Кузьма Петрович будет?»

Кузя произнес замысловатое ругательство, ничуть не хуже Фединого.

— И не разу мне не сказал?

— Я тебе сказал еще на прошлой неделе.

— Ты сказал — принеси отчет.

— Принес — увидел бы...

Некоторое время оба молча курили. Кузьма обдумывал страшную месть для Федора, Федор обдумывал, настолько ли он провинился, что бы стать объектом для страшной мести Кузьмы. Кузьма докурил и бросил папиросу в реку. Он придумал хорошую страшную месть и был доволен собой. Федор докурил папиросу и бросил ее вслед за окурком Кузьмы. Вывод был неутешительный — мести не избежать.

Молчание прервал Федор.

— Покажешь, красотку-то?

— Сейчас!

Кузя снял со спины чехол, достал из него купленную только вчера саблю. Сделал несколько выпадов. В свете фонарей сталь и серебро ожили, и в руках Кузи переливалось живое неосязаемое существо — то ли отблеск далекого огня, то ли пленная частица молнии.

Федор смотрел как зачарованный. На самом деле он не видел превосходного мастерства Кузи, не видел красоты и жизни клинка... Ему сдавило сердце, и он поднес руку к груди. Память на мгновение перенесла его на тридцать пять лет назад...

— Да! Это он...

Кузя остановился. Клинок в его руке стал золотистым от света фонарей, но Федор все равно помнил, видел его окровавленным.

— Хочешь попробовать?

— Что? — очнулся Беляев от ужасных мыслей.

— Ну, потанцевать? Со мной?

— Чем? Клинок-то один? — с облегчением отказался Федор.

Но судьба не была к нему благосклонна.

— Ну, прям, один! — Кузя достал из-за спины прямой короткий меч и протянул его Федору. Федор отступил на шаг. Он ненавидел в этот момент свою беспомощность, свою неловкость, но сделать с собой ничего не мог.

— Бери, — Кузя был возбужден, как ребенок, в предвкушении новой интересной игры. За все время, какое Кузя знал Федора, а именно — всю свою жизнь, Федор никогда не был спарринг-партнером Кузьмы.

— Ты уверен? — нашел в себе силы улыбнуться Федор. Он лихорадочно думал, как избежать боя с этим клинком, чудовищем, подлым и вероломным убийцей своих собственных хозяев.

— Уверен. Федь, ну давай... — странно, по-детски протянул Кузя. Сабля странно оттягивала ему руки, ему хотелось сойтись с Федором в противоборстве. Из глубины мозга, оттуда, где живут все странные мысли, пришло: «А действительно ли он так хорош, как мне говорили? Или это просто разговоры?»

— Хорошо! — решил Федор. Если сегодня час его смерти — он готов. Жаль умирать от руки друга, но это лучше, чем безымянная смерть от яда или горькая от предательства.

Федор твердо взял протянутый ему клинок и осторожно повел им в воздухе, примериваясь к его весу. Затем легко перебросил его из правой руки в левую.

— Ну-ка дай мне ножны?

— Зачем? — удивился Кузя.

Федор махнул рукой — «Давай, не болтай». Кузя отстегнул от портупей ножны и

бросил их Федору.

Федор легко поймал их свободной рукой и вложил в ножны свой клинок. Затем взял его, как дубинку и начал крутить «мулине».

— Забыл, что я не фехтую? Ни с кем? А?

Кузя засмеялся, понимая, что забава будет еще интереснее — так он еще не работал ни с кем.

— Забыл!

— Вспомнишь! Мигом отучу тебя задаваться!

Кузя сделал выпад. Федор легко поймал его на свою «палку», отбросил, сделал изящный разворот, уведя за собой Кузин клинок налево, и справа ударил Кузьму по запястью так, что тот взвыл.

— Собственно, бой окончен, — сказал Федор, отпрыгивая.

— Нет! — ответил Кузя и перебросил саблю в другую руку. Именно этого Федор боялся больше всего — что клинок, жаждущий крови, не позволит Кузьме прекратить дружеский бой, превратит его в бой смертельный. Федор твердо решил не причинять вред другу.

Но до настоящего поединка дело не дошло. К мосту подкатила милицейская машина, и оттуда выскочили несколько вооруженных милиционеров.

— Бросить оружие!

Федор с облегчением подчинился. Он положил клинок на доски моста и неторопливо опустился рядом с ним на колени. Кузьма еще одно мгновение помедлил, возвращаясь из мира, куда увел его бой, в простой, реальный. Затем в точности повторил движения Федора, опускаясь на мост рядом с ним.

К ним тут же подбежали два милиционера и направили на них оружие. Федор по-самурайски подобрался и элегантно поклонился. Милиционеры неосознанно ответили таким же полупоклоном.

— Что здесь происходит?!

— Ничего... — Федор был спокоен и приветлив.

— А это что? — милиционер показал на лежащие рядом с мужчинами мечи, — Тоже ничего?

— Холодное оружие, носимое согласно разрешению на ношение холодного оружия.

— Какое оружие, какое разрешение?! Саммит в понедельник!

— Кузьма Петрович, предъявите Ваши документы офицерам.

Голос Федора был приветлив, но холоден и тверд.

Кузьма тут же достал свои многочисленные разрешения и протянул этот средних размеров телефонный справочник милиционеру, что стоял ближе к нему. Тот начал их читать. Его глаза стали расширяться.

— И это все у вас... с собой?!

— Нет, не все. Со мной... только необходимое.

— Так, поднимайтесь! Едем в отделение!

Федор и Кузя сидели в отделении уже полчаса. Милиционер честно пытался писать протокол, но постоянно сбивался, выслушивая версии происшествия сразу с трех сторон.

Федор и Кузьма утверждали, что их было только двое, наряд милиции во мнениях разошелся. Часть милиционеров утверждала, что видела две изготовившихся к бою криминальных группировки, причем, в весьма странных одеяниях, наподобие маскарадных, а другая — стояла на том, что видела группу антиглобалистов, переодетых эльфами.

На этом месте, писавший протокол сержант заметил:

— Теперь понятно куда у Иваныча вещдоки с последнего рейда по наркопритонам пропали!

Подобное наглое заявление не могло остаться безнаказанным и сержанту тут же припомнили все его многочисленные прегрешения, что были у него в этой, прошлой и, возможно, даже, в будущей жизни. Тот в долгу не остался и обнародовал некоторые детали биографии многочисленных присутствующих, из тех, что скрывались наиболее тщательно. Откуда они стали известны сержанту, было совершенно не понятно. Страсти накалились.

Позабутые всеми приятели сидели на лавочке. Кузьма клевал носом, Федор искренне наслаждался открывшимся зрелищем.

Кузьма, в очередной раз проснувшийся, ткнул Федора, что-то вертящего в пальцах, в бок и прошептал:

— Федь, прекрати! Они же передерутся все! Ты чего сделал!

Федор сдавленно «хрюкнул» и положил что-то в карман. Все озадаченно замолчали. В тишине скрипнула дверь, и в помещение дежурной части ввалились два милиционера, один из них со знаком «кирпич», и два очень интеллигентных старика. Один из старичков держался за голову.

Увидев их Федор и Кузьма встали, чтобы поприветствовать их должным образом.

— Петр Афанасьевич?! Александр Вячеславович?! Что случилось?!

Первый милиционер, пришедший со стариками, тяжело вздохнув, спросил:

— Вы их знаете?

Федор удивленно ответил:

— Конечно! Это академик Петр Афанасьевич Михайленко. Философ. Этнограф. А это — Александр Вячеславович Вяземский. Академик. Филолог. Это же светочи мировой науки и, простите за банальность, гордость нашего города!

Милиционер, принесший знак, обреченно вздохнул:

— А! Это, значит, наша гордость... А кто-то молодежь нашу в чем-то упрекает...

Милиционер, писавший протокол с интересом воззрился на пришедших:

— А че случилось?!

Милиционер со знаком в руках со знанием дела стал отвечать:

— Иду по проспекту. Вижу — один из этих светочей бьет по голове другого знаком, — и гордо продемонстрировал тяжелый знак «Проезд запрещен».

Федор удивленно посмотрел на знак, затем перевел взгляд на академиков:

— Петр Афанасьевич? Что же случилось?

Петр Афанасьевич нервно прокашлялся:

— Понимаете, дражайший Федор Михайлович, у нас с Александром Вячеславовичем произошел диспут о том, реальна ли принадлежность принца Датского Гамлета к нетрадиционно ориентированным в сексуальном плане личностям или же это измышления позднейших комментаторов, так как текст самой пьесы Шекспира и авторов до него не позволяет нам дать полное заключение...

Александр Вячеславович гневно перебил своего оппонента:

— Вы, со своей стороны, Петр Афанасьевич, не правы. Это полный популизм. Ревность Гамлета к Полонию вовсе не так очевидна, как вы пытаетесь...

Озверевшие от обилия непонятных слов и вежливых манер менты, хором заорали на все отделение:

— Тихо! — все посмотрели на Федора, — Это они о чем?

— Спорят. Был ли Гамлет голубым...

Милиционер, писавший протокол, покачал головой. Весь его вид говорил: «нашли, о чем спорить, грибы трухлявые»!

— С ума сойти. Кирпич-то тут причем?

Милиционер, замыкавший шествие вздохнул:

— Так вот о том и говорим. Двое этих... светил, стоят под светофором и мало друг друга не убивают!

Федор кивнул и спросил у Михайленко:

— Так причем же здесь «кирпич», Петр Афанасьевич?

Петр Афанасьевич мученически вздохнул:

— Так я и рассказываю, а молодые люди перебивают... — он неодобрительно покачал головой, — Мы поспорили, и в пылу дискуссии Александр Вячеславович несколько перегнул палку с... эпитетами. Знаете, я человек широких взглядов, но называть меня «апудеевским животным» это уже лишнее. Я не стерпел, подобная полемика просто не уместна, взял этот знак и ошеломил своего оппонента.

Милиционер писавший протокол помотал головой:

— Каким животным?

— Говорит, что Александр Вячеславович назвал его ослом, а тот и стукни его по голове знаком «кирпич», — легко перевел Федор.

Милиционер с кирпичом облегченно, но с некоторым разочарованием вздохнул:

— А...а...а! Ослом!

Милиционер писавший протокол заинтересовался:

— Протокол писать или нет?!

Федор спокойным покровительственным тоном сказал:

— Нечего тут писать. Потерявшие сознание, травмированные есть? Нет. Вы что, хотите, чтобы накануне саммита про ваше отделение написали, что вы арестовали двух светил мировой науки? Вы представляете, что начальство скажет?

Милиционеры, на миг представив, что скажет их начальство, переглянулись.

— Нет, никакого протокола не надо, — четко сказал дежурный.

Федор спокойно продолжил:

— Так что вызывайте такси, и мы с Кузьмой Петровичем развезем их по домам, во избежание дальнейшего конфликта. А так как оба живут на Ваське, это уже вне границ вашего участка. Пусть там хоть передерутся. На почве эпитетов.

Милиционер, принесший знак, согласно покивал головой:

— Правильно он говорит. Надо их домой.

Милиционер, писавший протокол, поднял голову от бумаг:

— А маклаудов этих?

Дежурный мотнул головой:

— И их тоже. От греха, — нагнувшись к сержанту, он тихо сказал, — Видишь, они все друг друга по именам знают. А этого, переводчика, третьего дня в судебке видел, так Иваныч ему только что не кланялся, — выпрямился и уже нормальным тоном сказал, — Не покойники же бродячие, и то ладно.

Федор сразу же заинтересовался:

— Что за покойники?

Милиционер неприязненно махнул рукой:

— А... Баба одна звонила — вроде как мужик ее мертвый к ней в квартиру ломился...

Кузя, собирая со стола бумаги, невзначай спросил:

— А адрес?

Милиционер скосил на него глаз:

— А тебе то он на фиг нужен? Тоже хочешь поломиться?

Кузьма пожал плечами:

— У нас здесь случай был похожий... По моему, это массовый психоз какой-то.

Милиционер остро посмотрел на Кузьму:

— У нас?

Федор пожал плечами, словно раздумывая, говорить или нет. Затем нехотя вымолвил:

— Судебно медицинская экспертиза.

Милиционер за его спиной показал знаками: «Точно, точно!», поэтому сидящий за столом милиционер, отдавая паспорт Федора, нехотя промолвил:

— Казанская, 16.

Федор легко сказал, совершенно не выдав своего страха:

— А... эта... Да, мы про это знаем...

Но это было ложью. Он ничего не знал про дом 16 по Казанской улице, кроме того, что два месяца назад там умер его старинный знакомый.

Отправив академиков по домам, Федор и Кузя шли по ночным улицам. Наконец, Федор решился.

— Кузя. Ты не продашь мне свою новую саблю?

— Что?! Ты с ума сошел? — засмеялся Кузьма, но осекся под тяжелым взглядом Федора.

— Нет, я в своем уме. Продай ее мне.

— Федь, ты что? — удивился Кузя, — Зачем она тебе?

— Я ее сломаю.

Привычный к неожиданным сообщениям старшего товарища, Кузя некоторое время молчал, переваривая новости.

— И за что ей такая участь? Это превосходный клинок.

— О... Ты уже полюбил ее!

— Я ее давно полюбил. Как только увидел. Полгода назад.

— Ты мне ничего не сказал.

— Я был должен?

— Нет. Ведьмак сам выбирает оружие.

Кузьма остановился под фонарем и закурил. Федор стоял за кругом света. Воздух вокруг него задрожал и начал плавиться. Перед Кузьмой возникла матовая поверхность, постепенно обретающая глубину и пространство. В глубине возник большой зал, обставленный грубой резной мебелью. В центре зала стоял круглый стол, заставленный золотой и серебряной посудой, вокруг него стояли несколько существ в богатых шелковых и бархатных одеждах до пола.

Кузьма узнал молодых Мать и Отца Котов, но тут его взгляд переместился на возникшие в его поле зрения фигуры: высокую и стройную златокудрую женщину в алых одеждах и широкоплечего черноволосого мужчину в одеяниях цвета тьмы. Казалось, что все лучи света теряются в его одеждах.

Они сражались. Даже нет — они бились на смерть. Оба были опытными бойцами. Мужчина рубил короткими сильными ударами, женщина легко парировала их, атакая в свою очередь, казалось, ее клинок был повсюду, как пламя, как молния.

Кузя, как зачарованный смотрел на схватку — в руках женщины он увидел свою саблю. Женщина уверенно наступала на своего противника, ловко выбила клинок из его рук, уверенно поставила ему подножку, он рухнул на пол, и она уже замахнулась для решающего удара...

Когти на рукоятке сабли, державшие гарду клинка, молниеносно разжались и вцепились в руку женщины. Она дернулась и отпрянула, пытаясь освободиться. Ее противник воспользовался этим и схватил ее за руку с клинком, резко дернул от себя — клинок вошел точно в горло золотисто-красной красавицы. Она закричала и... вспыхнув, обратилась в пепел.

И тут из рядов зрителей, выскочил... Федор. В золотых и красных одеждах, с каштановыми волосами до пояса, молодой, но, несомненно, Федор. Он подскочил к все еще стоящему на коленях черному воину и, одним ударом, снес ему голову с плеч коротким метательным топором.

Видение несколько раз вздрогнуло, по нему пошла рябь и оно исчезло.

— Вот так все и было... — голос Федора прозвучал из темноты и Кузя вздрогнул.

— Так вот как все было... Но Федя! Это ужасно!

— Что именно?

— Федя... Так вот, что означали твои слова...

— Какие?

— Помнишь, перед похоронами родителей... Я накричал на тебя.... Спросил, что бы ты сделал, если бы твоих родителей убили...

— Теперь ты видел, что я сделал. Ударил в спину.

— Послушай, Федя... — Кузьма помолчал, обдумывая слова, наконец, нашел подходящие, — Ведь сабель было сделано три! Ведь это мог быть один из тех клинков!

— Как ты полюбил ее! Кузя, расстанься с ней. Она не потерпит другой любви, она предаст тебя.

— Федя... Мне надо подумать. Хорошо?

— Конечно. Заставлять тебя я не могу и не стану. Подумай. Хорошенько подумай.

Федор сделал несколько шагов в тень и пропал совсем, будто его и не было. Кузя еще долго стоял и смотрел в темноту.

Глава 13.

Придя в себя после тяжелого разговора, Кузя медленно шел по пустынной улице. Ночную тишину нарушили крики.

— Отпусти! Отпусти, скотина! Никуда я не пойду! — услышал Кузя женский крик.

Привычным движением вырвав клинок из ножен, он бросился вперед. Страшный грех не помочь женщине, попавшей в беду, но нечисть знает это и пользуется силой-слабостью ведьмаков. Вдруг там не женщина, а засада нежити? Третий час ночи, не важно, что — белой. Неважно, нежить ли там или просто мерзавцы, гнев ведьмака — страшное дело. Завернув за угол, Кузя застал такую картину — двое крепких парней тащили в подворотню молоденькую девчонку. Она отчаянно сопротивлялась, у поребрика на тротуаре лежал ее мотоцикл.

— А ну, пошли! — резкий крик ведьмака подействовал как электрический разряд —

они подскочили и, бросив девушку, посмотрели в его сторону.

Самого беглого взгляда на одетого в черное мужчину, с клинком в руках, в ореоле живого огня, хватило им, что бы пуститься в бегство. Девушка, стоя на четвереньках, тоже попятилась от страшного существа. Тут он ее узнал. Точно, не морок.

— Всеслава!

Услышав собственное имя из уст полуночного пришельца, девушка вскочила на ноги и чуть не бросилась вслед за парнями, но силы ее оставили и она беспомощно прислонилась к стене.

— Чур, меня, чур!

— Всеслава! Это я, Кузьма Кравченко. Помните?

— Что... А... Кузьма Петрович! — от облегчения Всеслава чуть не упала в обморок.

Кузя перебросил клинок в левую руку, подошел к девушке и протянул ей правую, помогая подняться, невзначай дотронувшись тайком до нее лезвием заговоренного клинка. Проверить не помешает. Нет. Живая женщина. Не морок.

— Пошли. Пошли отсюда.

Девчонка согласно кивнула, взглянула на железную, окованную серебром, полосу в руках Кузьмы и вновь попятилась от него. Кузя высокомерно усмехнулся и вложил клинок в ножны.

— А теперь поехали.

— Куда?

— Ко мне домой, в Петергоф.

— Ого! Далеко-то как! — сказала, оживая, Всеслава.

— Не так уж и далеко.

Кузя и Всеслава сидели на кухне и уже третий час пили чай с коньяком. Правда, стараниями Кузьмы, у Всеславы в чашке был скорее коньяк с чаем.

— Почему мне так в жизни не везет? — вздохнула Всеслава.

— Не везет? — поддержал разговор Кузя.

— А что, везет? — махнула рукой Всеслава, — Ребят у меня было... А всем и нужна была только для того, что бы мною перед другими хвастаться. Как узнают, что я в институте учусь, языки знаю, про байк, сразу собирают свое барахло и пропадают, будто их и не было. А еще был у меня один друг, женатый правда, но говорил, что любит, обещал развестись, говорил, что жена у него отвратительная — страшная, злобная... А я ее увидела один раз... Ровесница моя. Милая, красивая. Дочка у них... Его я прогнала, решила, что все мужчины — просто негодяи. А чего добилась? Со всеми знакомыми порвала, добилась только, что стали ко мне всякие придурки цепляться...

— Почему придурки? — не согласился Кузя, — Я, к примеру?

— Ты такой же как все. Скажешь, нет?

— Я? Я не все! Я — ведьмак! И, поверь, женщин у меня было и может быть великое множество! Стоит только пальцами щелкнуть. Вот так, — Кузя демонстративно щелкнул пальцами.

Перед Всеславой появилось большое зеленое яблоко. Девушка засмеялась, ослабив напряжение момента. Засмеялся и Кузьма.

— И что? — спросила Всеслава, взяв яблоко со стола и с хрустом откусив от него кусок, — Не нашел себе любимую? Или просто не нагулялся?

— В другом дело, — ответил Кузя, отобрал у Всеславы яблоко и, с не меньшим хрустом,

укусил его, — Я ведьмак. Я опасен, профессия у меня опасная. И жена моя должна быть... — Кузя замаялся, Всеслава отобрала у него наполовину съеденное яблоко, — Ну, в общем, принимать меня, таким как есть. А я всем нужен только, что бы время провести. А другим — ради денег. Я это чувствую. Неискренность. И поэтому я просто встречался с девчонками, а через какое-то время у них стиралась даже память обо мне...

Кузьма вздохнул и отвернулся от Всеславы.

— И мне тоже сотрешь? — жалостливо сказала девушка, положив свою руку на руку ведьмака, — может быть, у нас что-нибудь получится?

— Я боюсь... — пробормотал Кузя, — Не могу. Я... полюбил тебя... С первой же нашей встречи... Не хочу чтобы ты оказалась обманом, дымом... либо... просто стервой... Я не чувствую тебя, ты закрыта. Не понимаю, почему... И обижать тебя не хочу, не могу... Не имею права.

Славка встала, обошла стол, обняла Кузьму сзади, со спины, просто обвила своими бесконечными руками. Кузьма дернулся, как от раскаленного добела железа:

— Нет! — пробормотал он, — Не сегодня.... Пусть это будет только сон... Я не хочу, не могу... верить тебе...

— Не надо! Просто все... Вот, как у нас в деревне... Отпусти у коня поводья... он сам приведет тебя к дому. Отпусти поводья, доверься мне...

— Хорошо же! Ты не знаешь, о чем просишь... Не боишься меня?

— Тебя? А ты злой?

— Если разозлить! — фыркнул Кузьма.

— Пусть сбудется то, что сбудется. Я ведь не знала ни по дом, ни про то, что ты ведьмак. Просто ты... мне очень понравился. Пусть будет хотя бы одна ночь...

— Ты должна знать... если наши чувства... если они ложны... ты забудешь обо мне. И не я буду тому виной. На мне защита...

— Да будет так, — согласилась Всеслава.

Они прошли по прозрачному от вечерне-утренней зари саду и очутились у омшаника. Кузя толкнул почерневшую дверь вниз, в темноту, пахнущую теплом и запахом трав.

Ведьмак, из мальчишеского хвостовства, вызвал магический огонек.

— Не бойся. Здесь добро, — сказал Кузьма, Всеслава кивнула, соглашаясь.

Медленно они спустились по девяти ступенькам вниз и оказались в просторном подземелье с каменным полом. Магический огонек поплыл в центр зала и завис в нескольких сантиметрах от пола, освещая нанесенный на камень круг-оберег и тщательно выбитые на камне магические знаки. Мягкий свет колдовского огонька не достигал стен. Ведьмак подвел Всеславу к большому низкому сундуку:

— Садись пока здесь. Я все приготовлю.

— Что? — встрепенулась девушка.

— Просто зажгу несколько свечей.

— Я не боюсь, — Всеслава подняла на него глаза, в которых был страх и любопытство, — Федор Михайлович очень добрый, он не стал бы дружить с плохим человеком.

Ободренный этой странной рекомендацией, Кузя понимающе кивнул и улыбнулся. Он прошел вглубь омшаника и в другом сундуке нашел связку белых свечей. Аккуратно расставил свечи правильным полукругом, и одним движением руки зажег их все. Всеслава ахнула от восторга. Из третьего сундука он достал скатанную медвежью шкуру и расстелил

ее в центре.

Затем положил рядом со шкурой клинок. Нерешительно посмотрел на Славку.

— Раздевайся, — велела Всеслава.

— А ты?

— И я.

Она скинула жакет, бросила его на землю. Расшнуровала и сбросила ботинки. Сняла через голову рубашку, распустила завязки на кожаных брюках и выскользнула из них, как змея, наружу.

Кузя в три приема полностью обнажился. Всеслава одобрительно улыбнулась, глядя на мужчину, потрянула головой:

— Иди ко мне. На шкуру, — Всеслава осторожно пересекла границу колдовского полукруга, пошла по меху.

Кузя улыбнулся и, протянув к ней руки, решил, — «будь что будет».

— Закрой глаза, — пропела Всеслава.

Обвив руками его шею, она начала целовать его. Кузя сразу ощутил жар, который разливался по всему телу. Чувствительные губы девушки как бы нехотя прогулялись по левой груди, совсем не больно и игриво ущипнув ее. Ведьмак застонал. Нетерпеливые, манящие, ласковые уста завораживали парня. Ему захотелось немедленно заключить Славку в объятия, все его естество желало этого, но он не мог этого сделать.

Магическая власть девчонки оказалась сильнее. Он был чем-то скован по рукам и ногам, Кузьке оставалось только терпеть эту сладостную муку. Славка продолжала изучать его красивое и, на удивление, податливое на ласки тело, покрытое еле заметными шрамами, свидетелями былых сражений. Губы ее спускались все ниже и ниже.

Ведьмак запрокинув голову, зарылся руками в струящийся водопад ее рыжих волос, перед его глазами заплясали золотые искры. Вихрь невыразимых чувств охватил его и закружил. Он изумился, как вдруг ему стало легко. Внезапно перед его глазами появились сияющие фиалковые глаза девушки и он позволил себе поцеловать ее. Славка обмякла в его руках.

Кузьма вдруг почувствовал свободу и силу, которых у него никогда не было с другими. Легко подняв девчонку на руки, он закружил ее в воздухе, а затем бережно положил на шкуру.

— Любимая моя, — прохрипел Кузьма.

Кузя легко коснулся пальцем клинка и, каплями выступившей на пальцах крови, стал чертить знаки:

— Знаком вечности заклинаю и воду, и небо, и землю, и огонь. — Кузя нарисовал на животе Всеславы знак молнии, — на огонь, — под левой грудью он начертал свастику, — на солнце, — под правой грудью появилась волнистая линия, — на кровь. — Он провел длинную линию от ее горла до пупка.

Он провел ладонями по ее бокам снизу вверх, закинув руки девушки за голову, коснулся губами одного соска, другого, скользнул щекой вниз от груди по животу. Ладонь тем временем пробежала по бедрам. Кузя не спешил, желая как можно дольше продлить наслаждение.

— Хорошая моя, прекрасная, желанная...

Время шло. Губы ведьмака продолжали путешествовать по ее телу, выискивая самые чувствительные места. Руки то сжимали грудь, то оглаживали мягкие бедра, все чаще и чаще

касаясь врат наслаждений. Девушка застонала, ее колени согнулись, руки опустились к телу, голова заметалась из стороны в сторону.

Ведьмак потерял ощущение времени, верха и низа, кувыркаясь где-то между сном и явью, в мире видений и желаний, в вихре чужой и своей страсти — пока все это не закончилось сладким взрывом, заставившим его рухнуть с высот небытия в ароматные травы, под теплую шкуру, в горячие объятия.

Первые несколько минут он не мог даже шелохнуться, совершенно лишившись чувств — как и распластавшаяся рядом Всеслава.

Потом реальность постепенно вступила в свои права. Ведьмак дернулся, попытавшись встать, но Всеслава, чуть поднявшись, придвинулась, положила голову ему на грудь:

— Любимый мой... Как же я ждала тебя... Нашла...

Они долго еще кружились в любовном танце, по очереди доминируя в нем. Парень и девушка вдруг поняли, что ни один из них ничего не забыл и не забудет об этой ночи. Кузя бережно, как самую великую драгоценность в мире, прижал к себе Славку. В ее глазах были слезы, но Кузя знал, что они — от счастья. И он поблагодарил Судьбу за этот дар. Славка тоже что-то шептала, верно, тоже благодарила кого-то за Кузьму.

Кузя опять опустился на шкуру, глядя возлюбленную по голове. Девушка ровно задышала, явно уснув, и он сделал еще одну попытку выбраться, осторожно приподняв ее голову и переложив на скатанный край шкуры. Тихонько нащупал саблю, отодвинулся, осторожно встал на ноги и наконец-то выбрался из круга. Вышел из омшаника.

Никаких посторонних звуков, никакого движения. Трава, ступени, и дверь стали белыми — но это была всего лишь изморозь. Кузя открыл рот, короткодохнул, наблюдая за появившимся облаком, неспешно поплывшим к дому, потом передернул плечами и пошел обратно. Накрыл шкурой обмякшую женщину, устроился рядом.

— Где ты был? — сонно поинтересовалась Всеслава, тут же по-хозяйски забрасывая на него руку и укладывая голову на плечо.

— Осмотреться ходил.

— И что там?

— Зима пришла. Заморозки. Все тепло мы забрали.

— Как же я тебя люблю, как же я люблю тебя, — прошептала Всеслава, — она, кажется, не слышала слов Кузьмы, она просто хотела слушать его голос.

Когда Всеслава, наконец, проснулась, яркий летний день уже близился к своему концу — яркие лучи садящегося солнца отражались в зеркале исключительного трюмо, украшенного многочисленными хрустальными «глазками», отчего по всей комнате разбегались солнечные зайчики.

Всеслава села на чем-то мягком и упругом и протерла глаза. Ни омшаника, ни каменных низких сводов... Она сидела на огромной кровати с балдахином, застеленной шелковыми простынями заботливо укутанная в шкуру снежного барса. Занавеси балдахина были привязаны к резным столбикам кровати, открывая роскошный вид на прекрасно ухоженный зимний сад, что располагался в эркере у высокого французского окна, напротив королевского ложа.

Изумленная женщина осторожно соскользнула с постели и, как ей показалось, перешла в большую светлую комнату, обставленную невесомой мебелью в стиле барокко. Стены комнаты, оббитые светло голубым шелком идеально сочетались с небесно голубой, с розовой отделкой, мебелью и бирюзовым шелковым ковром.

Внимание Всеславы привлекло движение за ее спиной, на границе видимости и она резко повернулась, что бы дать отпор тому, кто посмел за ней подглядывать, но увидев «обидчика» звонко засмеялась и стала разглядывать себя в огромном зеркале в золотой, с витушками, раме. В зеркале, вообще-то, была не Всеслава. Она никогда не помнила, что была такой красавицей с матовой и гладкой кожей, огромными глазами и алыми губами. Поверхность зеркала словно переливалась, едва ощутимо превращая женщину, что смотрелась в него в волшебную фею в полупрозрачном и соблазнительном наряде...

Тут Всеслава обратила внимание на то, что она действительно красовалась перед зеркалом в умопомрачительном шелковом с кружевами пеньюаре, на рукавах и вороте отделанным каким-то нежнейшим пухом. Она снова повернулась перед зеркалом и только теперь поняла, что ее озадачило в самом начале — в комнате не было двери. Только стены, роскошное окно, эркер...

Загадка разрешилась тут же — зеркало, тихо заскрипев, повернулось на одной из своих створок и в комнату, из полумрака, что стояла за дверью, вкатился сервировочный столик, а следом за ним вошел Кузьма.

— О!... - разочарованно протянул он, — Я так надеялся подать завтрак в постель!

— Я мигом, — кивнула Всеслава, и, действительно, в один миг оказалась на кровати, накрытая до талии шкурой огромной кошки.

— Во-от... Так гораздо лучше! — сказал Кузя и они оба засмеялись.

В следующее мгновение он тоже оказался на кровати и про завтрак на некоторое время забыли, будто его и не было вовсе. Наконец, отдышавшись, Всеслава сказала:

— Ох, уморил совсем!

— Так я... любя, — попробовал оправдаться Кузьма, вспомнил про слегка остывший завтрак и стукнул себя по лбу, — Так я же за этим и уходил! Что, сударыня вы желаете на завтрак?

— Какой завтрак? Вечер уже... — отмахнулась Всеслава.

— А что, разве есть запрет завтракать вечером? — не сдавался Кузьма, — Так что вы желаете?

— Я бы сейчас... — Всеслава вздохнула, — Нет... как-то не романтично...

— Что? — настаивал Кузя.

— Я бы борща бы навернула...

Кузьма захохотал, как будто его защекотали, и подтянул к себе сервировочный столик. Там, на самом почетном месте, под нарядно сияющей крышкой-куполом, гордо подбоченившись, стояла пузатая супница, полная остро пахнущего, алого, горячего, словно только что из духовки, борща. Кузя открыл стоящий рядом с супницей горшочек со сметаной и вручил Всеславе ложку:

— Прошу Вас, сударыня...

— А ты?

— А что, я? — Кузя взял вторую ложку и гордо продемонстрировал ее возлюбленной, — Я присоединюсь.

На некоторое время связный разговор прекратился. Когда обширный то ли завтрак, то ли обед был съеден, любовники откинулись на подушки в полном изнеможении.

— У нас с тобой сегодня комплексный завтрак получился, — констатировал Кузьма.

— Это который завтрак, обед и ужин?

— Это который завтрак и обед. Ужинаю я поздно.

— Да уж. Если ты каждый раз так домой возвращаешься... как вчера...

— А, — махнул Кузя рукой, — Это нас с Федей в милицию замели.

— Вас? В милицию? — Всеслава восхитилась то ли смелостью стражей порядка, то ли «недисциплинированностью» Кузьмы.

— Да ладно, глупости. Мы с Федором на Банковском мосту танцы устроили... с саблями... А тут — саммит... А тут — менты... Им и привиделась демонстрация антиглобалистов... Ну и нас, как антиглобалистов... Антиглобалисты в три часа ночи!

Кузя пустился подробно излагать события предыдущей ночи, подробно остановившись на роли Федора в истории, на перебранке милиционеров, и о умиротворении академиков. Об одном он только не обмолвился и словом — о том, что Федор показал ему этой ночью. Но это и была не его тайна, что ж о ней говорить...

Всеслава слушала, смеялась, затем спокойно спросила:

— А как же ты его оставил? Он же без оружия, один?

Кузьма поперхнулся:

— Он, без оружия? А! Ему и не надо! Это же его город... Здесь даже камни — ему подчиняются.

— Вот как... — Всеслава задумалась, — А он правда Достоевский?

— Нет, конечно, — засмеялся было Кузьма, но осекся, увидев округлившиеся глаза и раскрытый рот Всеславы.

— Ой, боженьки! А я же его... Я искала цитологию. И спрашивала, у кого узнать, какая книжка потолковее будет? Мне и сказали, это мол, Достоевский, он доктор... Я еще, дура, подумала, надо же, как совпало!

— И? — затаив дыхание, ждал Кузя продолжения рассказа.

— И! Подошла к нему и спросила — «Вы — Достоевский?!» А он... бровью не поведя отвечает: «Я. А что Вам угодно, сударыня?»

— И? Дальше? — затаил Кузьма дыхание.

— А дальше... Ты пришел и стал про динозавров рассказывать. И Федор Михайлович... Он хоть Федор Михайлович?

— Да. Поэтому и Достоевский, — кивнул Кузя, — Что дальше?

— Не поняла. Как это поэтому? — наморщила носик Всеслава.

— Он — Беляев Федор Михайлович. Ну и все на эту тему острят. И дальше что?

— Ничего, он меня и отправил, сказал, книгу завтра принесу.

— Понятно...

— Понятно ему! Стыд-то какой! Подумал, наверное, что я дура деревенская!

— Ну, деревенские дуры «Nature» не читают.

— Тогда — просто дура голимая, что «Nature» читает, а кто такой Достоевский — не знает.

— Да перестань ты...

Тирада Кузьмы была прервана здоровенным бурого цвета пушистым котом, что вскочил на кровать и стал по-деловому исследовать пустые тарелки, что стояли на подносе. Обнаружив полупустую баночку со сметаной, засунул туда здоровенную морду и стал смачно ее лакать.

— Ой, какая киса! Сибиряк! — сказала Всеслава, осторожно погладив кота по кончику хвоста. Тот недовольно дернул хвостом, не желая отвлекаться от важного дела, и женщина убрала руку.

— Серьезный. У меня дома был такой. Свирепый! Что твой тигр.

Кот доел сметану, встряхнулся, погладил лапами пушистые усы и, зевнув во весь рот, сказал:

— Расскажу я вам, дети мои, сказку...

— Вали-ка ты отсюда, рассказчик! — с ленцой сказал Кузьма, — Ты где должен быть? На дубу? А ты чего здесь делаешь?

Кот обиженно замолчал и отвернулся. Всеслава откинулась на подушки и закрыла глаза:

— Хоть бы подольше в себя не приходите...

— Как не приходите? — перепугался Кузьма.

— Очень просто. Ты же мне кажешься... — пожала плечами Всеслава, — Какой-то галлюциноген мне вкатили, не иначе. Тут и ты, и дворец сказочный, и кот-баюн. Осталось только Змея-Горыныча увидеть, и все — помирать можно.

Кузя улыбнулся и погладил Всеславу по голове:

— Нет, нельзя. Никак нельзя помирать тебе. Только начинается жизнь. Пойдем, ванну примем.

— А что ты ей не свиснешь? Что бы прибежала?

— А у меня не все как в сказке.

— Даже странно.

Всеслава села на кровати и пощекотала кота за ухом.

— Так что за сказку ты нам рассказать хотел?

— Про двенадцать утопших отроков! — отрезал кот и гордо ушел с кровати.

— Ну и сказочка! — опешила Всеслава, — Добрая у тебя зверушка...

— А то! Он у меня дуб заповедный сторожить назначен, а он тут ходит, сказки сказывает!

Засмеявшись, они встали с постели и темными лестницами пошли вниз, в роскошную ванную-спа Кузьмы. В холле их ожидало еще одно невиданное диво, невиданное, конечно, только Всеславой — Змей Горыныч, что удобно расположившись на персидском ковре, терпеливо натягивал себе на переднюю лапу высокий ботинок Всеславы.

— Это еще что такое? — взмутилась красавица.

— Где? — заинтересовались три головы Змея.

— А вот прямо здесь! Зачем мой сапог на руку напялил?

— А интересно! — ответил Змей, но сапог отдал.

— Это — Вася, — представил Всеславе своего друга Кузьма, — Это — Вася-старший — указал он на левую голову, — Это Вася — средний, — указал на правую, — А это, — он погладил среднюю голову по носу, — наш младший Васенька. Вы бы, ребята, сходили, привели бы дуб, а то, он похоже, сбежал. И отнимите вы у него Лавкрафта, а то невозможно уже Тишку слушать!

Всеслава гладила головы за ушами и те блаженно щурились янтарно-желтые змеиные глаза.

— Да... Отнимите! — протянули головы, стряхивая дремоту, — Он не отдаст! Сказал, желудей давать не будет!

— А вы, что-нибудь другое ему предложите.

— И что? Что б и страшное, и интересное?

— «Смерть Артура», — предложила Всеслава.

— Надо попробовать... — задумался Васька и, ткнувшись еще раз в плечо женщины,

пошел искать заповедный дуб.

Федор, узнав новую информацию о оживленных мертвецах, решил не терять времени даром и прямо в два часа ночи позвонил единственному существу в городе, кто был старше его и намного могущественнее.

Трубку взяли сразу и, не дав возможности Федору хотя бы открыть рот, приятный мужской баритон сказал:

— Повелитель Теней сможет принять Вас, Хранитель, только после пяти утра.

— Передайте мое почтение Повелителю и то, что я даже не надеялся быть принятым столь скоро, — ответил Федор.

В трубке раздались короткие гудки. Федор закрыл мобильник и стал готовиться к встрече.

Ровно в половине пятого он вышел из своего парадного. К нему аккуратно подрулил серый «Фольксваген», задняя дверца распахнулась и Федор сел в автомобиль, даже не взглянув на сидящих в машине людей. Автомобиль тронулся. Федор повернулся и вежливо кивнул сидящему рядом с ним существу:

— Я рад приветствовать Вас, Старейший.

Существо с полукабаньей, полукрокодильей мордой что-то приветливо хрюкнуло в ответ. Затем оно, явно смущаясь, что-то пророкотало в сторону то ли Федора, то ли окружающего их мира. Говорить на человеческом языке ему было явно затруднительно, но Федор все прекрасно понял и так.

— Очень обяжете меня, Старейший. Я с удовольствием буду Вашим посредником в таком важном вопросе.

Существо хрюкнуло что-то, явное удовлетворенное в своих чаяниях, и остаток пути проходил уже в тишине, ничем не отягощенной. Наконец, они приехали, дверца машины растворилась, и Федор вышел в небольшой уютный дворик, затейливо украшенный резными каменными колоннами и растущими всюду кипарисами. У его ног начиналась мраморная лестница, спускавшаяся по склону огромной горы. За его спиной отчетливо слышался шум водопада. Федор обернулся. Автомобиля, привезшего его сюда, не было и следов. У обочины дороги стоял великолепный экипаж, запряженный шестеркой лошадей цугом, на запятках которого стояли два ливрейных лакея. Федор пожал плечами и пошел вниз, по мраморным ступеням, к мраморной беседке, что стояла у самой кромки синей воды горного озера.

Как Федор попал в горы, к теплому озеру, он не думал. Такова была воля Хозяина Теней. Возможно, это было на самом деле, а возможно, Федор так и стоял у своего парадного, невидяще смотря в утреннее небо.

Но для Федора сейчас это было неважно — он стоял у начала лестницы из черного мрамора, глядя на недвижимую гладь озерной воды. Мельком взглянув на пустую беседку, он продолжил любоваться озером. Из озера медленно возникал, поднимаясь, солнечный диск, окрашивая воды из черных в алые. Вокруг него оживали деревья, защебетали птицы, зашуршали в траве зверьки.

— Рад приветствовать Вас, Хранитель.

Федор обернулся и посмотрел на только что пустовавшую беседку. На мраморной скамейке, за столиком, богато уставленным фруктами и вином, сидел Хозяин Теней. Это был тот самый человек в штатском, что сидел в кабинете прокурора города.

— Благодарю, что оказали мне честь, согласившись принять меня, Повелитель.

— Я всегда рад видеть Вас, Хранитель. Жаль, что Вы столь редко обращаетесь ко мне...

Федор смутился. Вдруг он понял, что хотел сказать ему Хозяин Теней. Здесь, в Среднем мире, Федор был не то что бы равен великому демиургу, но по происхождению и положению им занимаемому в мире Первом, он был ближе всего к вечно одинокому Хозяину Теней.

— Я сожалею, Повелитель... Но Вы прибыли в город, что бы наслаждаться одиночеством, как Вы тогда сказали мне... — попробовал оправдаться Федор.

— Вы не нарушили бы мое одиночество... столь ужасно, что бы я почувствовал себя обманутым в своих ожиданиях...

Словесная канитель закружилась, опутывая двоих полубогов своей паутиной, заманивая и мерцая тонкими, невидимыми, но хорошо ощутимыми нитями, превращая слова — в заклинания, а фразы — в волшебство. Федор не спешил. Он знал, что с того момента, как он сел в машину, до того, как он вновь выйдет на улицы города, не пройдет и минуты. Поэтому ему и было так хорошо сидеть рядом с Хозяином Теней, обсуждать новые картины Рафаэля, что тот написал для празднования трех тысячелетнего юбилея Дома Обсидиановых Зеркал, критиковать новые теории Коперника о множественности Первых миров, восхищаться новой, ставшей очень модной, поэмой Гумилева, что он написал сразу по окончании сражения за Врата Хаоса.

— Старшие сыновья Дома Алых Огней, они же служат под его началом... Так вот у них было такое ощущение, что он не отдавал команды войску, а сочинял строфы своей поэмы.

— Дом Алых Огней пользуется уважением? — невзначай осведомился Федор.

— Ха, — ответил Хозяин Теней, — И уважением, и немалым влиянием. Как и все остальные Дома, что основаны вашими детьми, Хранитель. Ваша тетушка, замещая вас на престоле Дома Огня, денно и нощно печется о процветании всего клана.

Федор оставил в Первом мире четверых побочных детей — троих сыновей и дочь. Унаследовать его место в мире они не могли, но он сделал все, что бы его дети могли в родном мире все остальное, и основал для каждого своего отпрыска Дом. И сейчас ему было приятно, что Дом его младшего сына занимает такое положение, что о нем даже упоминает сам Хозяин Теней.

Беседа тем временем перешла, от новейших транспортных средств, к новейшим формам архитектуры, что совсем недавно предложил Антонио Гауди.

— Art Nouveau, на самом деле ничего особенно нового, но он всегда хорош...

— Возможно, несколько легковесен...

— Скажете еще, Повелитель, претенциозен?

Они оба засмеялись, вспомнив, какая война умов в свое время развернулась между сторонниками готики и ампира. Обе стороны обвиняли другую в претенциозности.

— Вампиры вновь возродили моду на контрастные цвета. Черный-красный, синий-белый, зеленый-оранжевый... Фениксы в восторге. Чистое разорение. Одна примерка у хорошего портного — десять эстерлинов.

— Моя тетушка, что бы достойно приветствовать Вашу милость на праздновании юбилея нашего Дома, нарядилась в однотонный туалет... За десять тысяч... вольфрамовых эстерлинов.

— Тот великолепный кобальтовый наряд стоил десять тысяч?

— Вы даже помните...

— Еще бы! Дама затмила собою всех... Даже Вашу матушку, Хранитель...

Оба на несколько мгновений замолчали. Утрата Айланды была свежа в памяти обоих.

— Ей, вообще, лучше всего шел светло зеленый...

— На празднованиях в честь Дома Огня ей подобало носить красный. Я отговорился черным — цветом пепла и копоти, без которых нет и не может быть огня.

— Ты украсил берет ее перьями.

— Вы тоже, Повелитель.

Хозяин Тьмы вздрогнул:

— Ты заметил это?!

— Как бы я не узнал мамины перья... Повелитель, я понимаю, что занял уже очень много вашего времени...

— Хранитель. У нас, бессмертных, понятие время — очень растяжимо.

— Но я — смертный...

— А вот это — очень прискорбно. Твой необдуманный поступок... Твое горе от потери...

— Мы не будем говорить об этом, Повелитель, — твердо сказал Федор.

— Не будем, — согласился Хозяин Теней.

— В городе происходят странные вещи... Мертвецы возвращаются в родные дома...

— Кто-то неправильно оживляет их. Они вспоминают то, что любили при жизни. Поэтому возвращаются. Вам нужно найти того, кто владеет рецептом поднятия... Некромант из этого человека никудышный, а вот фармацевт — отменный.

— Врач и фармацевт... — задумчиво сказал Федор, — На Черной Речке было кладбище живых мертвецов...

— Это — дикая стая... Хотя, непонятно, что их разбудило... Жаль, что ни одной головы не осталось... Допросить.

— Мы уничтожили всех.

— Это — правильно. Никто не заслуживает такой участи. Пусть пребудут в покое... И, знаете, Хранитель... Обратитесь к Вершителям. Надавите. Напугайте... Пусть боятся Вас. Уважать они не могут никого... Так пусть боятся. Такова их судьба. Всех бояться.

— Они хотят, что бы все боялись их, — усмехнулся Федор.

— Это — невозможно, — покачал головой Хозяин Теней.

Федор поднялся.

— Я благодарю Вас, Повелитель, за время, что Вы уделили мне.

— Я был рад этому визиту. Вас проводят до перехода...

— Я надеюсь, что вы окажете мне честь, быть моим гостем в следующий раз...

— Я буду с нетерпением ждать этого визита...

Федор кивнул и покинул беседку. Поднимаясь по мраморной лестнице, он испытывал желание оглянуться, что бы посмотреть, следит ли за ним Хозяин Теней, но так и не решился.

Карета, при виде Федора, совершила плавный полукруг и подъехала точно к нему. Беляев сел в экипаж, и кони понеслись быстрее ветра. От равномерного покачивания кареты Федор задремал. Встряхнув головой, Федор прогнал сонный морок и обнаружил, что сидит в салоне автомобиля, а за окном проносятся Питерские улицы.

Глава 14.

В квартире Ирины полным ходом шел ремонт. Все было закрыто газетами, мешками, на всем лежал толстый слой осыпавшейся штукатурки. Под самый потолок уходили строительные леса. Кузьма, Федор и Леонид в респираторах сбивали штукатурку со стены.

— По плану — где-то здесь... — пробормотал Федор.

— Здесь или левее на сорок сантиметров? Это может быть граница портала, — пробубнил Кузя. Вся эта затея чем-то раздражала Кузьму, только он не знал, чем именно, и от этого злился еще сильнее.

— Не может, — рассудительно заметил Федор, — Мы сейчас бьем в середину того места, где был камин.

— Сейчас просто нужно очистить часть стены, — решительно заявил Леонид, которого порядком раздражала подспудная вражда, что разгоралась в его лучших друзьях, как только они переступали порог квартиры Костроминых.

Они стали сбивать штукатурку до тех пор, пока не дошли до кирпичной кладки. Федор взял небольшой заступ и постучал рукояткой по стене.

— Звук вроде бы глухой... — задумчиво сказал Кузя.

Федор закрыл глаза и прислушался к своим ощущениям:

— Это ты глухой. Там большой объем пустоты. И... осторожно. Замкнутое пространство, еще одно... Так, стену можно ломать. Это безопасно. А вот то, что внутри... Да... То, что я всегда чувствовал. Ты-то чувствуешь, чудо?

Кузя повертел головой:

— Чувствую, но слабо.

— Плохо! — ответил Федор, — Прислушивайся!

— Вы о чем, мужики? — встрял Леня, всегда живо интересовавшийся делами Федора и Кузьмы.

— Внутри стены есть вражеское присутствие, — не совсем понятно объяснил Федор, но Леня кивнул, соглашаясь.

— Давайте теперь осторожно ломать и кирпичи наружу обрушивать.

— Давайте искать край камина, — вздохнул Федор, — Только осторожно.

Через два часа портал камина был расчищен, а кирпичная кладка, закрывавшая его, разломана. В центре открывшегося пространства стоял сундук из дерева черного цвета со странной текстурой — как если бы он был весь исписан. Вокруг него лежал круг из строительного мусора и пыли. На самом сундуке не было ни пылинки.

— Смотри, его полностью погрузили в пчелиный воск, — указал Федор Кузьме, — И на еще не застывшем воске написали охранные знаки.

— Ни одна пылинка не упала с тех пор, как камин заложили, — сказал Леня, покачивая головой.

— Надо звонить Ирине, — сказал Кузя, — Это все-таки ее камин.

Кузьма пошел звонить в прокуратуру. Федор несколько раз прошелся около камина, внимательно осматриваясь, затем нашел точку наибольшего сопротивления и открыл круг. На сундук обрушился водопад строительного мусора, пыли и плесени, что копилась 90 лет на границе магической сферы.

— Вот это да! — чихнул Леня сквозь респиратор, отмахиваясь от пыли, — И трубу прочищать не потребуется!

— Зато здесь убирать придется, — вздохнул Федор, пробираясь к сундуку сквозь горы мусора и битого кирпича. В комнату вернулся Кузя и только покачал головой, увидев картину разрухи. Обмахнув сундук от почти вековой пыли, Федор кивнул своим помощникам. Мужчины втроем взяли за ручки и, кряхтя от натуги, вытащили его в комнату. Кузя открыл крышку.

В этот момент приехала Ирина.

— Что случилось, мальчики? Кузя, как сумасшедший просто — приезжай, это срочно!

— Мы тут клад нашли, Ир, — сказал Федор, — Респиратор надень, пылища.

Ирина надела маску и тут же принялась рассматривать содержимое находки.

Внутри оказалось целое сокровище — в большом коробе стояли бутылки с редчайшими винами начала века, отдельно лежали кубки и блюда перегородчатой эмали, в шляпной картонке лежали крученые итальянские кружева. На самом дне сундука стояла большая шкатулка. Под ней лежал ларец в два пальца толщиной. Шкатулку и ларец Кузя вынул под внимательным взглядом Федора и тут же отдал шкатулку Ирине.

— Это безопасная вещица, — согласился Федор.

Ларец Кузя отставил в сторону. Ирина открыла шкатулку. Вся комната словно озарилась всполохами холодного света. Ирина осторожно, как хрупкую зверушку, достала из шкатулки брошь, украшенную турмалинами и александритами.

— Какая красота...

Она снова погрузила руку в шкатулку и вынула оттуда великолепные серьги с сапфирами.

Двое мужчин и женщина зачарованно рассматривали старинные украшения, а Кузя, как кот вокруг сметаны, осторожно обходил ларец.

— Ир, я в кабинет уйду с ларчиком?

Ирина, не отрываясь от созерцания драгоценных камней, ответила:

— Кузь, что ты спрашиваешь? Делай, что хочешь. Только осторожно — там черт ногу сломит.

— Я помню, — кивнул Кузьма и подхватив ларчик, унес его в кабинет.

В кабинете царил беспорядок, все вещи из ремонтируемых комнат были перенесены в него. Кузя пробрался между вещами, поставил ларец на стол, достал, не глядя, из ящика стола лупу и начал рассматривать ларчик. Он был опечатан синей сургучной печатью. На печати хорошо читалось изображение круга, вписанного в треугольник. В круге находилось стилизованное изображение глаза, но вместо зрачка была спираль. В углах треугольника стояли буквы неизвестного науке алфавита. Науке, а не Кузьме. Мабдорнаг. Кузя задумчиво вздохнул, так же, не глядя, положил лупу на место, и осторожно, ничего не задев, вышел из кабинета.

Когда Кузя вернулся в зал, то застал почти идиллическую картину. Мужчины разбирали вина, стоящие в коробе, с интересом причмокивая. Ирина разматывала итальянские кружева. На крышке сундука стояли вынутые из сундука блюда и кубки. На блюде горкой были насыпаны драгоценности, и весь этот островок византийской роскоши совершенно не вязался с общей обстановкой ремонта, дыры в стене, пыли и груд битого кирпича.

— Вот это коллекция! Сокровище! Эти вина... — Федор повернулся к Кузьме, приглашая его полюбоваться находками.

— Эти вина могут быть отравлены, Федь, — откликнулся Кузя.

— Вот эти две, — кивнул Федор, — А вот это вообще... — Федор помолчал, подыскивая подходящее слово, — Не вино.

Леня, Федор и Кузя переглянулись.

— Ирина Петровна, ты, как прокурор, можешь совершить должностное преступление? — повернулся Кузя к Ирине.

— Зависит от... — пожала плечами Ирина.

— Надо вскрыть квартиру фон Касселя на Невском, — пояснил Кузя свою мысль.

— Даже не говори мне об этом! И даже не думай! Я туда не войду! Федь, он про ту квартиру! — Ирина не на шутку испугалась и расстроилась.

— А меня как раз не было. Я в Вихорево ездил. Не то, что бы мне в красках не рассказывали о ней... — Федор был заинтересован, но как-то вяло.

— А что за квартира? Убили, что ль, кого? — встрял Леонид.

— Так. Закончили эти разговоры. Никаких вам квартир на Невском! — твердо сказала Ирина, поняв, что от двух друзей ей толку не будет.

— Ир, правда! Надо сегодня поехать туда и вскрыть ларец. Это срочно. Мы его очень удачно отрыли. Вскрывать его можно только на умирающую Луну. Сегодня еще можно. Завтра я на сутки заступаю, послезавтра — новолуние. Месяц придется ждать, а круг разрушен. Все будут в курсе... Явится такая армия! — взмолился Кузя.

Федор одобряя слова Кузьмы, кивал, но в разговор не вмешивался, полагая, что Кузьма и сам добьется нужного результата.

— Кузь, ну я боюсь туда ехать! Боюсь! Неужели нет другого места? — почти со слезами сказала Ирина

— Есть, конечно, — ответил Кузя, — Но гораздо хуже и дальше расположены. Ир, там идеальная пентаграмма, а обережные круги из меди! И нас как раз четверо!

— Мы, что, не вдвоем едем? — удивилась Ирина.

— Мы вместе поедem, — совершенно обыденно ответил Федор, пожав плечами.

— Конечно, вместе! — воодушевился Леонид, которому, по совести говоря, очень хотелось принять участие в предстоящей авантюре.

— Хорошо! Поехали в прокуратуру, за ключами... — сдалась Ирина.

— Надень кроссовки, Ир... — может по крышам придется пробежаться, задумчиво сказал Кузя.

Квартира, про которую с таким страхом говорила Ирина, много лет принадлежала профессору Йозефу фон Касселю, известному, в свое время, лингвисту и философу. Языков он знал много, но говаривали, что кроме языков он владеет еще и многочисленными секретами, помогающими ему переживать разные жизненные неурядицы. Так или иначе, профессор прожил долгую жизнь, на заре перестройки продал квартиру и уехал на Лазурный берег. Сделал он это несколько поспешно, квартиру продал племяннику, медную табличку с двери никто так и не снял, и, поэтому, знающих людей не покидало ощущение, что профессор, возможно, еще вернется.

В квартире, до последнего времени, жил племянник профессора, но потом тоже уехал за границу, а квартиру сдал. Новый жилец, соседям по лестничной клетке, людям пожилым и дотошным, показался человеком положительным, и так продолжалось до тех самых пор, пока из квартиры профессора не начал раздаваться какой-то странный, неприятный сладковатый и маслянистый запах.

На звонки в дверь никто не отреагировал, и раздраженным соседям пришлось вызывать МЧС, что бы слесари смогли проникнуть внутрь и устранить источник раздражения соседей, раз уж небрежный жилец не сделал этого сам. Эмчээсовцы дверь вскрыли, внутрь вошел участковый, и, не пробыв там тридцати секунд, выскочил наружу. Вместе с ним на лестницу выкатилась волна такого зловония, что всем стало не просто нехорошо, а, по-настоящему, плохо. Когда в квартиру вошли эксперты из бюро судебно-медицинских экспертиз, что на Шкапина, у подъезда уже стояли три скорых помощи — нескольким жильцам от такого

запаха стало плохо с сердцем. Эксперты были предупреждены и вошли в квартиру уже в респираторах.

Первым в человеческое жильё, ставшее теперь местом чудовищного преступления, вошел Кузьма, срочно выдернутый с дежурства в «Антике», к огромному неудовольствию Карла Людвиговича. Перед тем, как ехать с медиками, Кузьма сделал звонок на мобильный Федора, узнал, что тот в Вихореве и, заметно повеселел.

Как только Кузьма зашел в двери квартиры, он вложил в ножны на спине предварительно вынутый клинок и махнул медикам: «Все чисто!». Затем первым, так как медэксперты все равно боязливо косились по сторонам, вошел в большую комнату.

То, что он там увидел, до боли напомнило ему происшествие из его прошлого. Только в этот раз не спасся никто. Вызов удался. Это был просто фурор. На один вызов явились два демона, убили идиотов, что мнили себя демонологами и сожрали самые лучшие части их тел. Это стало Кузьме ясно с первого взгляда.

Посреди комнаты, на выложенной дорогим паркетом полу, на коричневой корке, что была сначала лужей крови, лежала груда плохо разделанного мяса. Случилось это не менее недели назад, и кровь частично высохла, частично впиталась в когда-то роскошный шелковый обюссонский ковер, что был небрежно сдвинут в сторону перед началом церемонии.

Но человеческая плоть, кровь, фекалии, даже и разложившиеся за неделю лежания в летней закрытой комнате, не могли дать такой истинно душеразрывающей вони, что стояла в квартире. Кретины вызывали настоящего адского демона и именно остатки их запахов, смешанных с запахом адской жары и серы и давали такой эффект.

Кузьма критически осмотрел комнату, кивнул и сказал, слегка шепелявя из-за респиратора:

— Двое человек. Мужчина и женщина. Убиты во время секса. В заключении напишите «травмы неизвестной этиологии» и Беляеву со снимками на заключение. Он обоснует. Вам опасаться уже нечего. Нападающие квартиру покинули, причем уже давно.

В этот момент в квартиру вошла Ирина, моментально побледнела даже дыша сквозь респиратор, а увидев то, что лежало в комнате, просто позеленела. Кузьма подхватил ее под руки и вывел на воздух, строго запретив ей впредь появляться там.

Ирине он кратко объяснил, что настоящая опасность давно миновала, а Беляев находится в Вихореве именно для того, чтобы полностью свести ее на нет.

У парадного, ведущего в «нехорошую» квартиру, Леня, озираясь, спросил Федора:

— Ты уверен, что машину надо было там оставить? Здесь же полно места...

— Леня, отстань. Там где оставили, там самое лучшее место, — отмахнулся от друга Кузя.

— Хорошее место... — подтвердил Федор, — Никак не связанное с этим домом...

Они, осторожно осмотревшись, начали подниматься по ступеням великолепной лестницы.

Бельэтаж был великолепно отремонтирован, жильцы дома не пожалели на ремонт денег. Искомую квартиру они увидели сразу, на ее двери красовалась табличка "Доктор философии Йозеф фон Кассель". Квартира была опечатана.

Ирина сняла бумажные полоски, сломала печать. Кузя вытянул клинок из ножен, отодвинул Ирину и подошел к двери. Федор протянул руку, забрал у Ирины ключи и начал отпирать дверь квартиры.

— Сейф здесь что-ли? — пробормотал Федор, борясь с замками, — А... вот.

Федор толкнул дверь, стоя на пороге. Кузя прошел мимо Федора, зашел первый в квартиру, и включил в темном коридоре свет. Леонид сделал знак Ирине зайти, она зашла в квартиру и пошла за Кузьмой. Леня посмотрел на Федора, тот кивнул и он зашел в квартиру, держа в руках ларец. Последним зашел Федор, закрыв за собой дверь. Через несколько мгновений дверь квартиры напротив приоткрылась примерно на ладонь и снова закрылась.

Друзья вошли в квартиру. Старая квартира была обставлена с роскошью и претензией на аристократизм в готическом стиле. Они прошли в большую комнату. Комната была обставлена очень дорогой антикварной мебелью, но в обстановке сохранялись следы беспорядка. Роскошный старинный шелковый ковер был небрежно перетасен в сторону и свален грудой, часть мебели передвинута, на антикварном паркете было несколько абрисов мелом.

Но обстановка говорила о том, что доктор философии имел изысканный, хоть и своеобразный вкус. У стены стоял массивный резной стол в виде чертей, держащих гроб. Около него стояли три стула, на их спинках были весьма детально и устрашающе вырезаны сцены истязания грешников в аду. На столе стояли три дарохранительницы, на них изображались видения святого Антония. На большом шкафу черного дерева изображались сцены Страшного Суда и «Сошествие во Ад».

В центре комнаты узором паркетного пола была выложена пентаграмма с кабалистическими символами. По углам квадрата, в который вписывалась пентаграмма, в пол были вбиты медные круги в виде многолучевых звезд.

Леонид уверенно прошел в центр пентаграммы, рассмотрев какие-то знаки, поставил ларец на них, и тут же вышел за ее пределы. Кузя в этот момент подошел к секретеру из красного дерева, тоже «украшенному» путешествием по кругам Ада, и достал из его недр несколько деревянных коробок. Леонид подошел к Кузьме, Ирина неосознанно взяла Федора за руку.

— Кузя, ты все не израсходуешь, хорошо? Оставь для следствия... — попросила она.

— Да, да... Да знаю я порядки. Леня, помоги... — кивнул Кузя.

— Давай жаровни, — кивнул Леонид.

Кузя, вынув из секретера пять маленьких бронзовых жаровень и пакетик, отдал их Леониду. Леонид поставил жаровни в углах пентаграммы, насыпал из пакетика ароматических углей.

— Поджигать ты будешь? — спросил Леня.

— Конечно, — кивнул Кузя, — Белые свечи возьми.

Леонид взял белые свечи и начал расставлять их по периметру пентаграммы на равном расстоянии друг от друга.

— Леня, а ты, оказывается, в этом разбираешься? — с удивлением спросил Федор, для которого познания Леонида в кабалистике стали настоящим открытием.

— Издеваешься ты, что ли? Откуда я в этом разбираюсь! Чему Кузька научил, то я и повторяю! — досадливо отмахнулся Леонид.

— А на мой взгляд — очень уверенно. Я бы никогда так ровно не расставила свечи... — сказала Ирина, ища взглядом поддержки у Федора.

Федор в ответ только улыбнулся, зная тонкости процесса.

— Здесь метки стоят, — тут же выдал тайну Леня.

Во время этого краткого диалога Кузя расставил в узлах пентаграммы маленькие

тоненькие свечки черного цвета. И начал выставлять внутри пентаграммы толстые черные свечи с красной полосой внизу. Закончив, оглядел друзей.

— Так. Встали все в круги. Не кричать, руками не махать. Из круга выйти не пытайтесь. Ир, ты первый раз?

— Первый раз, что? — опешила Ирина

— При освобождении демона из ловушки? — пояснил свою мысль Кузя.

— Ох, ты Господи! Какие демоны?! А они что — видели? — Ирина переводила взгляд с Федора на Леню и Кузю.

— Мы видели, Ир. И я, и Леня, — ответил на ее вопрос Федор.

— Так. Стоишь не двигаешься, — вступил в разговор Кузьма, — Что бы не случилось. Обними себя руками и не шевелись. Круг достаточно широк, просто так из него ты не выйдешь. Будет страшно — кричи. Только не пытайся бежать и не размахивай руками. Лады?

— Ир, иди ко мне в круг, я... тебя обниму, — предложил Федор.

— Извини, Федь, все круги должны быть заняты, — вздохнул Кузя.

Федор сверкнул на него глазами. Ирина слегка обняла Федора, прежде чем пойти в свой круг.

Кузя достал из ножен саблю, положил рядом с кругом, но за его пределами. Достал из-за пазухи флейту. Начал играть навязчивую, повторяющуюся мелодию. При первых тактах музыки из под крышки раздался стук.

При каждом витке повтора музыки, крышка ларца начала содрогаться. Она дергалась все сильнее и, наконец, распахнулась. Из открытого ларца появилось облако, постепенно приобретающее форму полупрозрачного странного существа с огромными когтями на лапах. Кузя спрятал флейту.

— Как ты нашел меня?! Как ты узнал меня?! — закричал демон.

— Я распечатал круг ловушки. Твое имя написано, — монотонно ответил Кузя.

— Плохо! Холодно! Темно! Хочу есть! — взвыл демон.

— Здесь нет еды, — на той же ноте ответил Кузьма.

— Люди! Теплые! Мясо! Кровь! — завыл демон на тон выше.

— Они под моей защитой. Они не для тебя, — тон Кузьмы был таким же, как и в начале.

— Убью тебя! Съем твою плоть! Выпью твою кровь! Твоими мозгами нарисую врата! А из твоих костей сделаю три дудки! А потом я съем тех людей! Я съем их живьем! — продолжил возмущаться пришелец из Нижнего мира.

— Ты много хвалишься. Сначала убей меня!

Услышав эти слова, демон бросился на Кузю, изо всех сил ударился о грань бережного круга, отлетел от удара о невидимую границу, потерял равновесие и своими огромными когтями зацепился за оконную раму. Резко дернув лапой, он освободил когти, но при этом оконный переплет вылетел из своего места и обрушился на улицу. Резкий порыв ветра, влетев в комнату, колыхнул занавеси на окнах, пригнул пламя свечей, коснулся сабли.

Сабля шевельнулась, повернулась на гарде вокруг своей оси и пересекла границу круга. Демон развернулся и вновь полетел на Кузю, на этот раз не встречая сопротивления. Ирина пронзительно закричала. Кузя, бывший на чеку, несмотря на оберег круга, резко отклонился назад, ловко ухватил саблю и поймал на нее визжащего демона, но тот успел задеть его длинным когтем. Из царапины на руке Кузи вытекла капля крови и почернела, свернувшись.

Демон истаял в воздухе, с глухим стуком на паркет упали его когти. Кузя восстановил равновесие, вытянул из кармана кожаный ремешок, собрал когти и связал их ремешком, как пучок редиски.

— Вот и все.

Федор выскочил из круга. В руках у него был пакет для оказания первой помощи.

— Он тебя ранил! — вскрикнула Ирина.

— Царапина!

Федор открыл пакет и что-то начал там искать:

— Так, где рана?! Давай сюда руку!

— Дай-ка мне пластырь, если у тебя есть.

Федор достал из пакета катушку бактерицидного пластыря:

— Есть, конечно.

— Господи, боже мой! Федя, забирай Кузю, а нам с Леной надо быстрее все в порядок приводить и убираться отсюда! — воскликнула Ирина.

— Ир, я в порядке, а что за спешка? За десять минут уберемся и уйдем, — рассудительно заметил Кузя.

— Через десять минут мы будем объясняться с нарядом ОМОНа!

— Да откуда ОМОН-то явится? — удивился Федор.

— Федя, здесь все жильцы, будто в НКВД всю жизнь служили — чуть что — звонят в милицию, — пояснила Ирина, — А я, как девчонка, закричала! Я так испугалась за тебя, Кузенька!

Леня не принимал участие в разговоре, все это время быстро убирая в секретер свечи, затапливая в него еще горячие жаровни.

— Все готово, Ир. Не паникуй. Кузь, ларчик можно в руки брать? — спросил Леня, закрыв тумбочку.

— Можно. Ир, не плачь, уйдем по крышам. Жалко, квартиру не сможем опечатать... — вздохнул Федор.

— Опечатаем! Я же знала, что делаю, написала квиточки!

Выскочив из квартиры, Ирина и Федор стали наклеивать бумажные полоски. А Леня с Кузьмой и ларчиком ушли вверх по лестнице. Закончив опечатывать квартиру, они тоже пошли вверх. Дверь квартиры напротив вновь скрипнула. На самом верху они выбрались на чердак, затем на крышу и по пожарной лестнице спустились с другой стороны дома, перешли улицу, где стояла машина Федора, уселись в машину и отъехали. Навстречу им попался наряд милиции с мигалкой.

— Вот те раз! Уже приехали...

Кузя неожиданно начал тяжело дышать, затем тихим голосом сказал:

— Федь, мне плохо... — обмякнув, он скатился под ноги Лени, сидевшему рядом с ним на заднем сиденье «Хаммера».

Леня ловко подхватил друга и положил его рядом собой:

— Федь, что делать-то?!

Федор в ответ сказал то, что при женщине говорить вовсе не стоило, вывернул руль и помчался в сторону ближайшей больницы.

Глава 15.

Доставив Кузьму в больницу, друзья разделились — Федор повез Ирину домой, а Леня пошел к Оксане.

Леонид открыл дверь в квартиру. В квартире стояла странная, тревожная тишина. Леня прислушался, но ничего не услышал. Совсем ничего. Именно это и насторожило бывшего спецназовца.

У самой двери, дожидаясь отправки на дачу, стояли недавно купленные им принадлежности для камина. Леня, не звякнув ни одной железкой, вытащил из сверка кочергу и, совершенно бесшумно, даже не прошел, а переместился, по коридору к двери в гостиную. Прислушался. Ничего. Осторожно открыл дверь. И тут он увидел ужасающую картину — Оксана лежала на ковре в гостиной, а над ней наклонилось странное существо уже почти нечеловеческого облика. От Оксаны к этому существу тянулась голубоватая субстанция.

С диким криком Леонид прыгнул вперед и оттолкнул нежить. Это ему удалось. Но нежить, гадко улыбнувшись мертвыми глазами, развернулся и легким движением ударил Леню в грудь. От удара у Лени подкосились ноги. Существо, потеряв интерес к бывшему десантнику, снова склонилось над Оксаной.

Леонид, собрав все силы, встал на ноги и, перехватив поудобнее кочергу, подскочил к чудовищу и мощным ударом почти полностью снес нежити голову. Подвывая, чудовище подхватило то, что осталось от головы и выскочило в окно. Пошатываясь, Леонид подошел к окну. Несмотря на третий этаж, существо дробным бегом удалялось от дома, держа голову руками. Леонид грязно выругался.

— Господи! Леня? Где Валера? — беспомощно произнесла Оксана, приходя в себя.

Леонид оторвался от окна и помог Оксане встать и усесться в кресло.

— На тебя напал какой-то странный мужик, я ему кочергой проломил башку и, — неуверенно добавил, удивленный своими собственными словами Леонид, — ...он ушел...

— Это был мой муж...

— Кто?! Он же вроде...

— Знаю, знаю....Так все подумали! Ты видел его глаза??!! Он пришел за мной. Но тут мне сделалось плохо... — Оксана закрыла лицо рукой.

— Если бы не видел, решил бы по твоим разговорам, что ты спятила. Но эту тварь я видел реально и он мне тоже заехал. Но это уже не твой муж, это ходячая оболочка. Когда я влетел на твой крик, он тащил из тебя жизнь.

— Он — мой муж! Он всегда боготворил меня и не мог пальцем тронуть меня, пылинки сдувал, ревновал...ты не знаешь! Скорее всего ты обидел его, когда он приводил меня в чувство! Он наверно в больницу пошел, я догоню его!

Оксана попыталась встать, но Леонид, упрямо тряхнув головой, удержал ее.

— Дурочка! После такого удара кочергой, здесь должна была быть лужа, нет — море крови! Где она!? И скажи мне, твой муж часто уходил на работу, выпрыгивая через окно???

А!?

Оксана притихла. Вдруг женщина разразилась слезами, и Леонид тоскливо вздохнул. Он попытался обнять ее, но она отстранилась от него, брезгливо поморщившись.

— Я тебе противен? Ты не хочешь даже дотронуться до меня? — с горечью спросил Леонид.

— Да, ты мне противен, то есть не противен, нет...Спасибо тебе, конечно...Но сейчас я хочу, чтобы ты ушел. Я тебя ненавижу! всю свою жизнь я любила только мужа, он был красив, умен, образован...Ты — тупое грубое создание! Посмотри на себя в зеркало!!! — сумбурно и не понимая, что говорит, набросилась Оксана на не ожидавшего такого отпора

Леню.

— Ясно, можешь не продолжать. Но уйду я только под утро. Я посижу на кухне, если ты не против. Вдруг опять явится. Надо будет Федору рассказать. Он у нас главный по паранормальным явлениям. А пока, хочешь ты того или нет, я останусь.

Леонид не дал ответить злобно глядящей на него женщине и быстро ушел на кухню. Он слышал, что она заперла дверь в квартиру, поплакала еще немного, тихо, как котенок, потом легла. Всклипывания ее он слышал еще часа два. Затем она замолчала. Он, войдя к ней, увидел, что она спит с кочергой в руках.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Улыбнувшись, он лег рядом с ней на пол и подумал: «Как пес».

Наутро Леня тихо встал, не смея поцеловать спящую Оксану, легонько погладил ее по голове и бесшумно ушел.

Оксана открыла глаза. Она тоже не спала.

Пять месяцев назад.

В секретной лаборатории, оборудованной по последнему слову техники, шла обычная, только на первый взгляд, казавшаяся хаотичным мельканием, работа. В свете бестеневых ламп странно мигали огоньки приборов, периодически раздавались свистящие или шипящие звуки.

На операционном столе, в центре комнаты лежал Кирилл Костромин. От него к аппаратам искусственной жизнедеятельности тянулись трубки и провода. Ирина, к сожалению, оказалась не права — он действительно был мертв. Все аппараты, подключенные к нему, работали, показывая прямые линии — нет пульса, нет деятельности мозга, нет дыхания, нет давления. Около стола на стойках висели шесть или восемь капельниц с разноцветными жидкостями. В вены на руках и ногах полковника были воткнуты их иглы.

Вокруг него неторопливо, но сосредоточенно перемещался медперсонал — высокие спортивного сложения мужчины в халатах фиштаккового цвета. Кто-то снимал показания с приборов, кто-то осматривал кожу на его руках, кто-то акупунктурной иглой колол его в пальцы ноги. Один из врачей развешивал на светящейся панели рентгеновские снимки, другой, на соседней панели, развешивал томограммы.

В помещение лаборатории вошли два человека в белых халатах — низенький полноватый врач и генерал Звонников, названный отец Кирилла.

— Мы еще неделю назад извлекли Костромина для исследований, — продолжил врач мысль, начатую за пределами лаборатории.

— А... это не вредно... Ведь когда он полностью разморозится, он не начнет... — замялся Звонников.

— Нет, — понял его мысль врач, — он не начнет разлагаться. Мы приняли тогда все необходимые меры. Он был законсервирован в самые первые минуты после смерти, а потом подвергнут глубокой криообработке.

— А он будет что-нибудь помнить? — задал Звонников самый главный вопрос, за ответом на который он собственно и пришел сюда.

— Это очень интересный вопрос. По моему убеждению — нет. Он будет помнить только момент своей смерти. Правда, несколько моих коллег думают, что его мозг был способен накапливать информацию еще какое-то время... но я так не считаю.

Врач подошел к панели с томограммами, снял с нее карточку. Звонников поморщился,

глядя на маленькие картиночки словно нашинкованных органов.

— Мозг сохранился прекрасно, — врач протянул карточку генералу, но тот только руками развел, — Никаких изменений от криообработки! Знаете, Алексей Михайлович, даже жалко, что так мало необратимых изменений. Коллеги скажут, что эксперимент недостаточно чистый.

— Ну, знаете... — начал Звонников, но затем передумал и продолжил совершенно другим тоном, — Нам, военным попроще — работает и ладно. Главное, что бы опыт удался. Когда будете оживлять?

Врач пожал плечами:

— Процессы реанимации идут уже три дня. Мы не стали дожидаться полной разморозки тканей, да это и не к чему...

— И как долго это продлится?

— До полного завершения цикла, — исчерпывающе ответил врач.

Генерал только глаза закатил. В это время кто-то из медперсонала подошел к говорящим, но приблизиться не решился. Врач сделал приглашающий жест рукой.

— Показания в норме, — по военному четко доложил медик, — Через пять минут начнем вводить третью часть электролитов, чтобы потом сразу перейти к спазмолитикам.

— Эластичность достигнута?

— Достигнута. Ткани очень хорошо восприняли силиконовую группу.

— Прекрасно, — сказал врач и повернулся к Звонникову.

— Минут через пятнадцать мы сможем сказать, будет ли он мобилен.

— Мобилен? — Звонников удивился, — То есть, он не... оживет?

— Оживет? — в свою очередь удивился врач, — Да вы мечтатель! Конечно, нет. Но он сможет двигаться, исполнять команды, выполнять сложные приказы. Просто идеальная боевая машина.

— Вы меня не поняли! Мне сначала сказали, что его личность безвозвратно утрачена, а позавчера кто-то из ваших коллег поймал меня в коридоре и долго мне внушал, что весь эксперимент неэтичен, что Костромин все это время находится в состоянии какого-то стасиса, и когда мы вернем к жизни его тело, его сознание тоже вернется... Я не мог от него избавиться минут десять!

— Нет. Это все ненаучные бредни. Бредни. Смерть мозга я констатировал лично.

Звонников вздохнул и задал еще один, важный для него, вопрос:

— Константин Ильич, а если бы не мое распоряжение, его возможно было бы спасти?

Врач пожал плечами:

— Ну, как минимум, можно было попытаться. Он же не был смертельно ранен. Просто истек кровью.

Пока они разговаривали, медики продолжали свои манипуляции. Вдруг, в каких-то приборах раздались резкие щелчки, и возник звук сердечной деятельности в кардиографе.

— О! Сердце забилося! — обрадовался врач.

Постепенно начали оживать другие приборы. По телу Костромина прошло несколько судорог.

— Прекрасно! Просто идеально. Все реально работает! Какой великолепный материал...

— Жалко, что никого другого в тот момент не случилось! Надо же было так срочно! — покачал головой Звонников.

— Вы меня просто поражаете! Из-за вашей сентиментальности мы бы без финансирования остались! Нужно было действовать точно по графику! — раздраженно ответил врач.

Звонников, качая головой, сказал:

— А ведь это он привез с Алтая тот самый рецепт.

— Вот и стал первым экземпляром. Довольно забавно! — пожав плечами, сказал Константин Ильич.

Неожиданно, Кирилл резко сел на столе. Несколько стоек с капельницами с грохотом упали на кафельный пол. Медики вокруг него остолбенели от изумления. Кирилл поднес руку к лицу. Протер лицо и судорожно вздохнул. Затем медленно-медленно, как в замедленной съемке, он оглядел лабораторию, сфокусировав взгляд на Звонникове. Кирилл зашевелил губами, пытаясь заговорить, но слов слышно не было.

Наконец, он хрипло закашлялся и позвал:

— Ан... ре... Миай... лови...

— Он меня узнал! — тоненьким от испуга голосом пропищал Звонников, — Константин Ильич, вы же говорили!

Врач отстраненно ответил:

— Странно. Значит, какая-то часть сознания сохранилась...

Кирилл переводил взгляд с одного на другого. Один из медиков протянул к нему руку. Кирилл позволил взять себя за руку, внимательно посмотрел на него. Тот взял шприц, но Кирилл заблокировал руку со шприцом. Другой медик резко схватил его за другую руку, Кирилл вырвался, соскочил со стола, повалив остальные капельницы, почти упав при этом, но выровнялся и твердо встал на ноги.

Медики бросились на него, но он легко уклонился от их ударов и раскидал их. Кто-то попытался сделать ему инъекцию, но он легко ушел от иглы, удар иглой достался другому, несчастный упал на пол, захрипев и забившись в конвульсиях, затем перестал подергиваться, его глаза закатились.

Врач закричал на всю лабораторию:

— Нет, нет! Он необходим невредимым! Это бесценный материал!

Кирилл вытащил из вены иглу, поднял с пола стойку с капельницей и ей, как дубинкой, уложил оставшихся медиков. Медленно подошел к оставшимся в живых Звонникову и врачу. Звонников выхватил револьвер.

— Не подходи!

— Я все помню... — улыбнулся Кирилл, улыбка вышла страшная, — Не бойтесь, Андрей Михайлович...

Звонников слегка отступил, но опустил руку с револьвером. Кирилл, не меняя позы, повернул голову к врачу.

— Кирилл Андреевич! Вы... помните меня?

Кирилл кивнул:

— Конечно, Константин Ильич... Вы позволили мне умереть... С разрешения Андрея Михайловича...

Неуловимым движением, стойкой от капельницы, он ударил Звонникова в горло, левой рукой перебив трахею врачу. Оба, уже мертвые, упали к его ногам.

Кирилл помолчал, затем произнес:

— Вот видите. Бояться нечего. Это вовсе не страшно... Когда быстро...

Он бросил стойку от капельницы на пол, повернулся спиной к только что убитым им людям и пошел искать какую-нибудь одежду. Найти удалось только хирургический халат, но Костромин надел его и вышел вон из лаборатории, что столько лет была его могилой. Из многочисленных порезов, ссадин и проколов иглой у него сочилась кровь и заливала ткань темно-зеленого халата. Он не обращал на это внимания. Его единственной мыслью было найти Ирину. Хотя бы попрощаться с ней, если ему не суждено жить, просто еще раз увидеть жену...

Он выбрался из-под земли, оказался в коридоре давно заброшенного завода, побрел по нему, ища выход на поверхность. По его лицу тек липкий холодный пот, заливая ему глаза, он, как заведенный, вытирал его тыльной стороной ладони. Ноги его почти не держали. Быстрота и сила, только что позволившая ему убить почти двадцать человек, оставили его. Наконец он упал на колени. Ища опору, он прислонился к стене. Его бил озноб, и он безуспешно пытался согреться, обхватив себя руками. Он постепенно принял позу эмбриона лежа у стены, на грудке битого щебня.

В тишине пустого коридора стали слышны шаги. Кирилл слышал их, но ничего не мог с собой поделать. Он понимал, что его оживили не полностью, но был рад этому. Пусть он хотя бы умрет человеком, а не бессмысленной бездушной машиной.

Он прочел рецепт, перед тем, как отдавать его Звонникову и ужаснулся, поняв, к чему это может привести. В твердой решимости не допустить создания армии воинов-зомби Кирилл подделал несколько иероглифов, заставив несколько фраз изменить значения на противоположные. Теперь рецепт не содержал эликсира бессмертия, а только рецепт временного оживления умершего. Кирилл знал, что ему осталось восемь-десять часов. Но кто-то шел по коридору, в котором лежал Кирилл и вся его животная сущность выла и извивалась, цепляясь за жизнь, тогда как человеческая желала только одного — сохранить честь. От переохлаждения Кирилл вновь впал в кому.

Три фигуры в балахонах, наподобие средневековых, подошли к Кириллу и подняв его с пола, понесли назад, в лабораторию смерти.

Разгромленная Кириллом лаборатория за время его отсутствия была вновь приведена в порядок, приборы были на своих местах, тихо шипели аппараты. Трупы были свалены в куче в углу.

Три фигуры в серых балахонах и одна в ослепительно белых одеждах стояли, рассматривая тела Звоникова и врача, что были положены отдельно. Наконец фигура в белом откинула капюшон с лица. Это была женщина. Та самая женщина с которой Федор танцевал в своих снах, та самая, что была изображена на его амулете. Анна.

Она спокойно смотрела мертвые тела и показала на врача и генерала:

— Этих поместить отдельно и оживить, как положено. Они могут нам понадобиться.

Один из одетых в серое, почтительно спросил:

— Остальных — в простых зомби?

Анна кивнула:

— Да. Рецепт эликсира нашли?

Второй быстро закивал головой:

— Да, Видящая. Нашли.

Анна вздохнула:

— А где тот, кого они оживили?

Второй зачистил:

— Его сейчас приводят в себя. Там не были завершены кое-какие процедуры. Придется постоянно поддерживать в нем жизнь с помощью временных мер.

Анна вновь накинула капюшон:

— С одной стороны это и хорошо. Он будет постоянно под нашим контролем... И поможет нам уничтожить Хранителя, нельзя упустить такой шанс.

Кирилл очнулся от забытья. Кто-то протирал ему виски и сначала он подумал, что он вновь в лаборатории на операционном столе, но нет, он был на больничной койке. Над ним склонилось плохо различимое лицо в сером капюшоне.

— Очнулся? Хорошо! С тобой будет говорить Видящая!

Кирилл, не желая показать свою слабость, сел на больничной койке, а затем, собравшись с силами, встал на ноги.

Повернув голову, он посмотрел на Видящую. Его глаза, на мгновение, расширились. Он узнал женщину, что была нарисована на оборотной стороне талисмана Федора Беляева.

Анна, между тем, не заметила замешательства Кирилла или приписала его недомоганию после оживления.

— Тебя оживили... неправильно. Ты и сам, это, наверное, понял. Но у нас есть средство, которое может помочь тебе остаться в живых. Навсегда.

Кирилл хотел сказать: «Вы хотите сделать меня бессмертным?», но промолчал.

Анна, между тем, продолжала говорить:

— Ты должен будешь решить три простых задачи. Ты предоставишь нам Хранителя города и эликсир бессмертия, что он разработал вместе со своим ведьмаком. Ведьмака — убьешь.

Кирилл с трудом разлепил губы:

— Простых?

Анна пожала плечами:

— Для тебя — да. Ты всю жизнь этим и занимался — крал людей и информацию. Убивал. Но запомни — Хранитель нужен мне живой и невредимый. Мы дадим городу нашего Хранителя.

— А вы не боитесь, что я воспользуюсь эликсиром и пошлю вас всех... подальше? — тихо и хрипло спросил Кирилл.

— Нет, не боимся. Запомни, живым и невредимым. Тогда эликсир, Ирина... новая жизнь... Вдали от нас, ото всех. Там где ты захочешь...

Кирилл несколько мгновений напряженно думал. Затем кивнул головой:

— Я сделаю это... Но только это, не более того.

Анна кивнула:

— Ты сделаешь, то, что я приказала. А это, чтобы ты не умер до тех пор, пока выполняешь мою волю.

Один из одетых в серое, подошел и сделал Кириллу укол ярко синей жидкости. Анна кивнула и повернувшись, пошла прочь, вполголоса говоря своей свите, так, чтобы этого не слышал Кирилл:

— Ну, вот! Теперь ненавистный рыцарь, эта глупая и слишком добрая птица, будет повержен. А этот бравый офицер, как только выполнит свою миссию, должен быть уничтожен вместе с Хранителем. Порядок восстановит в городе свои права.

Глава 16.

Пять месяцев спустя.

В больничной палате, очнувшийся Кузя, полусидел на подушках. В руке у него торчала игла капельницы. Вокруг него стояли Федор, Леонид и Ирина, а Всеслава сидела рядом с его кроватью и держала его за руку. Кузя ласково гладил ее пальцы.

— Леня, проводи Славку до дома, пожалуйста! — попросил Кузьма, — Поздно уже! Родная, ты за нашим великаном, как за каменной стеной! Федь, я выйду на днях?

— Подумаю, ты еще не готов к...

— Ну, вот! Еще один опекун! Латай меня быстрее, сам знаешь, надо спешить.

— Я много чего знаю. Я вот знаю, что ты только сегодня из комы вышел. Ребята, на сегодня довольно ему развлекаться! Леня, Славка, идите! А то мосты разведут!

— Пойдем, провожу! — Леня одобрительно засопел.

— Ты береги ее, она...

На Кузьму накатила волна дурноты и он невольно поморщился.

— Будь спокоен! — ответил Леня и взял Всеславу под руку.

Все шутили, желали Кузе выздоравливать, а Федора не оставляла мысль о том, что все идет слишком гладко. Посмотрев на Леню и Всеславу, выходящих из палаты, у него вдруг заныло сердце.

Опасность! Он, было, подумал, оставить их где-нибудь ночевать, но его тревожные мысли прервала Ирина.

— Я хочу с тобой поговорить.

— Я готов! Кузь, мы пойдем, отдыхай!

Ирина и Федор, оставив Кузю, Леню и Всеславу вышли из палаты. Медленно пошли по коридору. Остановились у раскрытого окна перед дверью «Ординаторская». В окно всовывалась ветка цветущей липы. Ирина подошла к окну, погладила ветку.

— Я тебе благодарна.

— За что?

— За Кузю.

— Он мой друг, ученик, — мрачно ответил Федор.

— Ученик? — удивилась Ирина, — Ах, да, диссертант.... Не за это.... За то, что ты сейчас и Кузьма со мной рядом сейчас. Работа... больше у меня ничего нет, ну, может парочка подружек, которые любят давать мне советы, которые мне не нужны...

— А мы тебе — вроде твоих подружек? — Федор хотел улыбнуться, но вышло кривовато.

— Нет! Вы — мои друзья, надежные и верные. Таким был только мой Кирилл.

— Серьезный человек. И работа у него... серьезная была, — в голосе Федора была горечь.

— Ты не понимаешь! И сарказм твой... неуместен! Он сильный, красивый, добрый, щедрый... был. Я была за ним, как за каменной стеной. Таким и должен быть мужчина, — она говорила и не могла остановиться, — Чтобы чувствовать себя маленьким котенком, согретым на его груди. Я не из слабых женщин, ты знаешь это прекрасно. Мне нужен был человек сильнее меня. И я нашла его. И вот, теперь, когда Кирилла не стало, я не могу найти ему замену. Я буду ждать его.

— Надо жить дальше, завести хотя бы детей!

— Мы встретимся. Не в этой жизни, так в другой. Он ждет меня, я знаю.

— Для чего ты начала этот разговор?

— Я давно хотела сказать тебе... Ты не для меня. Я пыталась полюбить тебя, поверь! Но

ты... Ты же не любишь меня...

— Ира! Что ты говоришь такое! — с неподдельной мукой в голосе спросил Федор.

— То, что я вижу, Федя. Ты выдумал себе меня, как Данте Беатриче...

— Ну, извини! Он любил ее всю жизнь...

— Лучше бы он так любил свою жену. Как ее звали, ты помнишь?!

— Конечно... — механически ответил Федор, затем поспешно поправился, — Нет.

— Вот именно, — Ирина не заметила его оговорки.

Федор, теребя амулет на груди, еще раз попытался начать разговор в нужном ему ключе:

— Ира, прости, но я ничего не понимаю...

Ирина спокойно ответила:

— У тебя уже есть Беатриче. Это ведь она? — Ирина протянула руку к талисману Федора и взяла его в руку. Федор поразился. Непосвященные не могли даже увидеть талисман, а тут! От удивления Федор просто онемел.

— Сколько лет этой миниатюре? — спросила Ирина.

Федор вздохнул и, смутившись, пробормотал:

— Пятьсот.

Ирина вздохнула:

— Вот видишь. Ты же никогда... — в самый последний момент она замолчала и не выдала своего знания об истинной природе Федора. Она запнулась, но продолжила, — никогда не встречал ее. Но ты ее любишь. Ты знаешь, как ее звали?

Федор кивнул и тихо сказал:

— Анна. Из Дома Опалового Сияния.

Ирина кивнула в ответ:

— Вот... Ты знаешь, как ее звали, какой-то дом... Ты все это выдумал себе и гредишь наяду, Федя... Ты как павлин, распускаешь перья, что бы нравиться хоть кому-то...

Федор напрягся:

— Не павлин! И что ты можешь знать про мои перья?!

Он напряженно посмотрел на Ирину, ожидая хоть какого-то объяснения.

Ирина махнула рукой:

— Что стоит только появиться около тебя молоденькой смазливой студентке, ты распускаешь перья, именно, как павлин!

На самом деле, все происходило с точностью до наоборот, но Федор, от облегчения, даже не стал спорить:

— Господи, ты про это! А то было подумал...

Ирина уже искренне возмутилась:

— Тебе этого мало?!

Федор улыбнулся ей, как ребенку:

— Ревнуешь, все-таки?

Ирина смущенно опустила глаза и пробормотала:

— Не знаю...

— Ревнуешь, уже прогресс! Значит, хотя бы твое самолюбие радуется то, что я принес свое сердце к твоим ногам!

Ирина резко прервала его:

— Давай закончим этот разговор! Не к месту. Надо подумать о Кузе.

— Я буду ждать, — совершенно спокойно ответил Федор, — Я потерял свою любимую

много лет назад, не смог спасти ее. Анны больше нет на свете. Мне было тяжело, но я научился жить с этой болью...

Ирина похолодела от этих слов Федора. Как он не мог понять! Она не любила его не только потому, что очень сильно любила мужа. Сама мысль о бессмертном и по человеческим меркам, всемогущем Хранителе, наполняла душу Ирины страхом и благоговением. Но любовь...

— Не знаю... Мне кажется, что я люблю тебя, Федя, но как друга. Прости! — скороговоркой пробормотала Ирина, что бы только избавиться от этой темы.

Федор кивнул. Ирина тяжело вздохнув, ушла по коридору. Федор остался стоять, обрывая листья с липовой ветки. Его спина была прекрасно видна Кириллу Костромину, что стоял за полуприкрытой дверью ординаторской, держа в руке пакеты с донорской кровью.

— Жену Данте звали Джемма. Донья Джема, — ни к кому не обращаясь, сказал Федор, — И я прекрасно ее помню... Она тоже ждала его всю жизнь...

Славка и Леня ехали по Ленинграду. Славка вела свой байк умело и у Лени звенел в ушах ветер. Его не покидало чувство, что за ними кто-то бежит или едет, от чего смелого Леню пробирав мороз по коже. Подъехав к мосту, Славка остановила железного друга...

— Ну, вот! Что-то слетело.

— Ничего, пешком прогуляемся.

Они зашли на мост. Откуда ни возьмись, на мосту появился человек, за ним еще, еще... Леня загородил собой девушку. Славка, к его удивлению достала огромный, подаренный ей Кузьмой нож. Окружающие не испугались, только начали мерзко перешептывались на непонятном языке.

— Вампиры! — охнула Всеслава.

— Что?! Кто?! Опять...

— Я попробую посмотреть байк, может заведется! Задержи их, но будь осторожен. Нож возьми, он серебряный!

— Добро, девочка! — кивнул Леонид, — Починишь и к Федору за подмогой. Не сможешь, беги! Храм рядом, на Святую землю не сунутся!.. Поиграем!.. — он отвернулся от Всеславы, — Ну, сколько вас тут, твари!?

Леня решительно вошел в неоновый круг света. Он решил гнать нежить до середины моста. С ужасом он пытался сосчитать вампиров, оказалось, что их штук десять. Достав мобильный, он обнаружил, что тот отключен — села батарея.

— Черт! Ну, ладушки... Начнем, пожалуй!

Осторожной кошачьей спецназовской походкой он начал подходить к самой большой группе нежитей. Вампиры возбужденно перешептывались. Решили нападать все сразу, легко расправившись с двумя первыми, Леня ощутил прилив сил и странное чувство превосходства. Его радовало, что, напорвшись на нож, дурни сгорали, как свечи.

«Прям, как в кино!» — подумал Леня.

Тут он увидел прибывшее подкрепление с другой стороны моста.

— Похороню!

Легко положив еще пятерых, он вдруг понял, что эти первые были только пешки, вновь прибывшие отличались от них заметной ловкостью. Сзади них шли два огромных, как горные тролли, вампира. Леня мысленно застонал и оборачивается на Всеславу. Поняв, что девчонка и не думает никуда убегать и байк заглох окончательно, он закричал:

— Уходи! Я их задержу!

— Я тебя не брошу!

Два огромных вампира приблизились к Лене и Всеславе. Один из них бросил полупрозрачную почти неосязаемую ленту, но Леня от ее прикосновения на несколько мгновений ослеп, и этого хватило, чтобы его и Славку скрутили по рукам и ногам. В последних, тщетных попытках вырваться, Леня получил сильнейший удар сзади железной палкой, и, падая, напоролся на меч отвратительного монстра. Еще одним резким движением полоснул ему по груди. Теряя сознание, Леня увидел, что Славку, связанную по рукам и ногам тащат в маленький фургончик. Он понял, что это — конец. Он потерял сознание и не видел, как подошедший главарь ухмыляясь, тянет из него энергию....

Глава 17.

Нагнав Ирину у двери, и убедившись, что она благополучно уехала, Федор пошел домой. Летний вечер был очень хорош, и он постепенно расслабился, заставив себя не думать о плохом, а сконцентрироваться на том, что Кузя выздоравливает. Он шел по набережной канала Грибоедова, вспоминая, как они с Кузьмой опробовали проклятый клинок.

Проблуждав таким образом какое-то время, Федор захотел узнать, какое именно. Привычным движением он обнажил запястье, чтобы посмотреть на часы, как услышал странный шепчущий звук, чем-то ему знакомый. Звук исходил из-под моста и Федора пробрал легкий озноб. Он повернулся на звук, и некоторое время прислушивался, так и не убрав часы в рукав.

Заходящее солнце ослепительно играло на золотом корпусе старинного наручного брегета. Затем, словно соскучившись, часы заиграли переливчатую мелодию из «Волшебной флейты». Федор вздрогнул и, поглядев на часы, опустил руку, обратив внимание на жадные взгляды двух мужиков. Врач, взглядевшись в лица двух бомжеватого вида существ, был удивлен.

Видимо, так распорядилась судьба, что два весьма известных человека, от которых в свое время зависело многое и в его городе, и по всей бескрайней Стране Советов, проблуждав таинственной цепью перерождений, вернулись в этот город, что не смогли погубить, хоть и старались. Сталин и Жданов!

23 июля 1948 года во время отдыха в санатории на Валдае Жданов скончался от приступа острой сердечной недостаточности. Никто, впрочем, так и не узнал чем она была вызвана...

Вернувшись ночью, после одного из многочисленных банкетов, еле донеся свое заплывшее тело до кровати, он был удивлен распахнутому окну. Грязно выругавшись, он, кряхтя встал и попытался его прикрыть, но занавеси всколыхнулись и комната начала заполняться людьми. Это были души ленинградцев, умерших во время блокады, дети, старики, женщины... все со скудной пайкой «так называемого хлеба». Затем появился Киров и многие, к чьим смертям Андрей Александрович имел непосредственное отношение. Души все прибывали... Он заметался по комнате, забился в самый дальний угол, с трудом вспоминая слова «Отче наш»... Но не обращая внимания на бормотание Жданова, они огромной толпой, шаркая, медленно, шаг за шагом приближались к нему. Андрей Александрович, тоненько запищал, и почувствовав на своем лбу обжигающе холодные пальцы, схватившись за сердце, рухнул на персидский ковер...

Но даже после смерти, душегубец смог навредить. Возникло «Дело врачей». В январе 1953 года пресловутая Лидия Тимашук заявляла, что группа арестованных кремлевских врачей якобы погубила Жданова неправильным лечением. Напоследок, перед смертью

«Хозяина» полетело еще много безвинных голов. И тут Берия рискнул — а не подмести ли со всеми вместе и «нелюдя», как про себя называли Хранителя власть предержащие...

Из Москвы, с Лубянки на Лиговский приехала группа «товарищей», для «обмена опытом». Что это будет за «обмен», старший группы доложил первому заместителю начальника городского комиссариата внутренних дел. Первый заместитель, конечно же не стал спорить со «верхними», а только, кивнув головой, сухо сказал:

— Помещения и технику я вам предоставлю. Оперативная группа ваша? — Получив в ответ кивок, продолжил, — Действуйте самостоятельно, как у себя дома.

Только чуть позже до столичных «товарищей» дошло, что хотел этим сказать первый зам... Ночь, проведенная в выделенном им кабинете в доме на Лиговском, запомнилась «спецам» с Лубянки надолго.

Группа захвата, перед тем, как ехать к Беляеву, листала документы его дела, ожидая нужного им, ночного часа. Из чемодана старшего была извлечена бутылка коньяка и шоколадка.

— А что он за птица-то? — спросил, не подозревая об истинном смысле своих слов, один из группы.

— Птица важная. Работал на двенадцать разведок сразу.

— Да где же он столько взял-то? Он, что в очереди за ним стояли, что ли?

— Видать знает много...

— Вот тут что написано: «с ноября 1943 по январь 1945 находился в фашистской Германии».

— Ага... А СМЕРШ чего клювом щелкал?

— Ты про СМЕРШ не говори! Мы свое дело...

— Да знаем мы ваши дела!

Разгореться ссора не успела. В этот момент раздалось шуршание и быстрый топот множества ножек. Энкаведешники заозирались, прислушиваясь. Шорох усилился и, к ужасу сидящих в кабинете людей, в комнату влился поток крыс. Крепкие мужики, сами не понимая как, очутились на шифоньере, с ужасом оглядывая то пол и стены кабинета, кишасшие крысами, то своих коллег. Крысы жрали документы. Они сожрали все, что касалось Федора и дел, по которым москвичи явились сюда.

Нашествие крыс прекратилось также внезапно, как и началось. Просто волна отхлынула и все затихло. Особисты слезли с высокой мебели не стесняясь креститься, и стараясь не смотреть друг на друга, подошли к столу, надеясь подкрепить силы стоявшем на столе коньяком. Бутылка была пуста, а на столе, клочками из недоеденных документов было написано: «А дома та лудше. Ни пайтить ле вам взат. Пака дабром просють». Москвичи намек поняли, отрапортовали начальству, что все прошло успешно и отбыли, под понимающие усмешки местных коллег. Но этот визит, в январе 1953 года, стал последней каплей в бездонную чашу терпения Хранителя...

Федор вернулся из глубин памяти и оказался на набережной. Вновь посмотрел на бомжей и усмехнулся такому повороту дел. «Переселение душ» было явно на лицо. Эти двое и, народившись вновь, умудрились встретиться. Федор пожал плечами и медленно продолжил свой путь, но они неожиданно ему преградили дорогу.

— Снимай часы, — сказал тот, что был двойником Жданова.

— Что, даже прикурить не попросите? — задумчиво спросил Федор.

— Не-а. Нас Минздрав предупредил. Типа вредно.

— А... ну да... — Федор достал из пиджака пачку «Беломорканала», вынул папиросу, привычно махнул ей, зажигая, закурил.

— Ты, мужик, че, слов не понял? — потерял терпение «Сталин».

— Ну-ну... — Федор поднес руку к браслету часов, достал из ножен на внутренней стороне рукава скальпель, и изящным движением повернул его в пальцах.

— Пластика сегодня бесплатно. Кто первый? Глаза, уши, нос — на выбор, — сила в ленивых словах Федора была такая, что двое бандитов отступили на шаг.

— Ты, знаешь... извини. Ну, обознались...

— Бывает... — легко согласился Федор.

Вступить в конфликт не хотелось. Он прекрасно отдавал себе отчет, что в его нынешнем настроении, только испугом эти двое не отделались бы. А калечить кого-то из-за собственных неудач, Федору казалось ниже его достоинства.

— Ну, мы пошли... — сказал «Сталин», отступая еще дальше и приготовившись, если надо, бежать.

Обоих вдруг пробрал такой страх, словно они уже видели этого человека раньше. Но «дежа вю» мучило их недолго. Федор снисходительно кивнул. Двое мерзавцев быстро отступили и ушли в глубину Банковского переуллка. Федор уже успел позабыть о них.

Когда Федор пришел домой, в квартире все спали. К его удаче, комната сегодня не была занята. Федор вошел к себе, сбросив пиджак, перекрестился перед иконой Казанской и некоторое время стоял перед ней то ли в молитве, то ли в размышлениях.

Походив по комнате между стопками книг, он вновь вышел в коридор и прошел на кухню, умудрившись никого не разбудить. Достав из холодильника бутылку водки и пару яблок, он тем же путем вернулся обратно. У себя в комнате он нашел в буфете большую коньячную рюмку, блюдце и нож, сел на кушетку, поставил водку на подоконник и начал резать яблоки. Налив себе полную рюмку, выпил, налил еще одну, стал хрустеть яблоком. Задумавшись над последним разговором с Ириной, он доел яблоко, и комната погрузилась в тишину.

Из-за стопок книг, что стояли у бюро, вышел здоровенный крыс и принюхался. Федор, не двигаясь, следил за зверьком, думая, что его заинтересовал запах яблока. Но тот, пройдя всю комнату, запрыгнул на кушетку, с нее на подоконник и тут же сунул нос в рюмку.

Федор засмеялся. Крыс подскочил, капля водки стекла с пышных усов и попала ему в нос. Федор никогда раньше не думал, что можно так чихать. Бедный зверек чихал, содрогаясь всем телом, вздрагивая ушами, лапками, хвостом... Отчихавшись, он обессилено упал рядом с рюмкой и некоторое время просто тяжело дышал.

Отдыхавшись, крыс вернулся к изучению рюмки с водкой. Нос, правда, совать туда не стал. Зато, тщательно обнюхав воздух над рюмкой, повернулся к ней спинкой, опустил в водку хвост, вынул его и тщательно облизал. А затем вновь опустил хвост в водку. Вынул и облизал еще более тщательно, чем в первый раз. Немного подумал и снова окунул его в водку. Облизал его весь и вылизал небольшую лужицу, что натекла на подоконник. Попытался снова засунуть хвост в водку, но промахнулся мимо рюмки. Что-то невнятно пропищав, попробовал еще раз. На этот раз попал в рюмку. Крыс пошевелил им, не вынимая из водки, резко выдернул и, с размаху, огрел себя хвостом по морде.

Федор захохотал. Крыс мутноватым взглядом посмотрел на источник шума, но попыток убежать не предпринял.

— Ты бы закусывал, что ли, друг, — Федор протянул ему кусок яблока. Пьяный крыс

попытался взять угощение, промахнулся и упал на бок. Возмущенно запищав, сел на огузок, обеими лапами схватил «закуску» и с жадностью стал ее грызть.

— Что же ты как напился-то? С женщинами проблемы?

Крыс с удовольствием грыз яблоко, посматривая на Федора. Доев кусок, вздохнул.

— Вот и у меня проблемы... — согласился Федор, — Не люблю, говорит, да и все тут... Будешь еще?

Федор гостеприимно долил водки в рюмку. Крыс попытался достать до водки носом, но не дотянулся. Федор выпил прямо из горлышка, потом наклонил рюмку, и жидкость потекла на подоконник. Крыс начал жадно лакать.

— Да, видать, у тебя проблема! — посочувствовал Федор, — Только ты вот что, скажи своим девкам — будут грызть книжки — куплю мышеловку.

Крыс вылизал водочную лужицу, еще раз душераздирающе вздохнул и, свернувшись клубком, заснул.

— Спи, дружок, спи... Перья видишь ли у меня... Не те...

Крыс пискнул во сне.

— Правду говоришь... Правду... Не ценят они нас... совершенно...

Тут в кармане Федора зазвонил телефон. Крыс поднял голову и чихнул.

— Нет, это не тебя, — сказал ему Федор, и раскрыл трубку.

— Слушаю.

То, что он услышал, поразило его. Он вскочил с кушетки:

— Я сейчас приеду! — на возящегося зверька он даже не взглянул.

Крыс энергично почесался, залез в блюдце с нарезанными яблоками, устроился поудобнее и заснул.

Федор ехал по городу в ужасном настроении. Проконтролировав, как прооперировали Леонида, Федор бросился искать Всеславу и, к своему ужасу обнаружил, что ее утащили вампиры. Он тут же начал звонить и выяснять, ко мог содейть подобное, но выяснил только, что вампиры эти дикие, к Матери Тишины отношения не имеющие. Она сама взяла трубку и, немного помявшись, призналась, что ее уже месяца три беспокоит ситуация с детьми. Что-то происходит, неведомое даже ей. Федор обругал ее на чем свет стоит, и, напоследок, сказав, что в сложные времена не до ложной гордости, отключился. Теперь оставалось только ждать.

Что бы хоть немного развеяться, Беляев поехал кататься по городу и как-то сам собой очутился в закрытом элитном районе. Поворачивая направо, Федор увидел трех кошек, в ряд сидящих на столбиках кованой ограды, и внимательно рассматривавших всех, кто проезжал по дороге. Федор затормозил и открыл пассажирскую дверь:

— Эй!

Кошки, как одна, посмотрели на него.

— Ну? — спросил Федор.

Кошечки, казалось, только и ждали подобного приглашения — молниями метнулись к машине и, забравшись на переднее сиденье, вновь уселись, как маленькие статуи, вновь пристально глядя на Федора.

— Поехали, — кивнул Федор, закрыл дверь и тронулся с места. Он держал путь на Моховую, в огромную четырехкомнатную квартиру, про которую не знал никто, даже Кузьма.

Кошки улеглись на сиденье, каждая на свой лад, и явно приготовились к приятной и

долгой прогулке. Федор решил их не разочаровывать. Заехав по пути в супермаркет, он накупил фруктов, вина, конфет, паштетов, сыра, мяса, еще каких-то мелочей. Эти мелочи заняли половину заднего сиденья. Когда он вернулся из магазина, кошечки уже сладко спали, свернувшись в один разноцветный клубок. Федор усмехнулся и продолжил путь. Приехав на Моховую и припарковав машину, он легонько ткнул меховой клубок пальцем и вышел из машины. Пока он забирал сумки и закрывал машину, кошки вертелись у его ног.

Федор вошел в квартиру и впустил своих «гостей». Закрыв дверь и прошел на кухню. Кошки за ним не пошли. Раскладывая еду в холодильнике, он услышал, что в ванной потекла вода и, улыбнувшись, кивнул головой.

Завершив свои дела на кухне, Федор сбросил пиджак и пошел в ванную, откуда доносился женский смех. Ванная — большая комната с венецианским окном, выложенная светло-зеленой, под нефрит, плиткой, сверкала и переливалась в солнечных лучах. В огромной джакузи, способной вместить в себя шестерых (Федор знал об этом точно), никого не было. Зато в душе лилась вода, и раздавались звуки веселой возни.

Федор открыл дверцы душа. Там, под струями воды, весело играли три высокие молодые женщины с великолепными юными телами. Увидев их, Федор протяжно застонал. Сегодняшняя находка оказалась еще более удачной, чем он рассчитывал. Девушки, увидев Федора, устроили ему маленькое шоу — три красавицы стали ласкать себя и брызгаться водой друг на друга.

Они были очень похожи друг на друга — высокие, статные, каждая с пышной чувственной грудью, тоненькой талией и крепкими округлыми бедрами. Цвет волос, под струями воды, было не разобрать, но, кажется, все три были рыжеватые, разных оттенков. В их лицах было что-то общее, сходство усиливали чувственные алые рты без малейших признаков помады и огромные кошачьи глаза, зеленые и блудные.

Содрав с себя одежду, Федор вступил в душ, под горячие струи воды, в объятия не менее горячие, но гораздо более приятные. Три пары рук заскользили по телу Федора, по плечам спине, груди. Три мягких игривых язычка принялись ласкать мужчину, спускаясь все ниже и ниже, вызвав у него мурлыкающие стоны. Федор нашел руками прибитый к потолку хромированный поручень и крепко взялся за него, позволяя трем кошкам играть с его телом, как они хотят сами. Одна из них, обойдя его кругом, принялась ладонями, губами и языком массировать ему спину, а две других, так же нежно, ласкали его грудь и живот.

Федор уже не мог терпеть эту сладкую муку — он поймал за руку одну из женщин и потянул вниз, заставляя ее встать на колени. Других приглашений кошке не потребовалось — от наслаждения Федор взвыл, запрокинув голову на плечо стоящей за ним женщины. Она прижалась к нему всем телом и обвила его руками. Третья кошечка в этот момент ласково покусывала его соски, руками легонько царапая его бока. Такого натиска долго не мог выдержать никто. Федор был подхвачен потоком энергии и этот поток повлек его за собой в высь, разрядившись вихрем огненных всполохов.

Чтобы прийти в себя, Федор включил прохладную воду и встал под упругие струи. Кошки зафыркали и выбрались из кабины. Обтеревшись полотенцами и отжав друг другу волосы, кошечки извлекли расслабившегося Федора из душевой кабины и почти понесли его в огромную спальню.

Спальня была выполнена в нежных золотистых тонах — золотистые обои, огромный камин из желтого ракушечника, золоченые канделябры в человеческий рост. Царила в спальне огромная белая с позолотой кровать под великолепным балдахином из золотого

бархата, застеленная алыми шелковыми простынями. Поверх них лежала шкура огромного белого тигра. Федор убил его в противоборстве, не на жизнь, а на смерть, голыми руками.

Федор упал на кровать, увлекая за собой своих спутниц. Девушки захихикали. Подтянув к себе первое попавшееся податливое женское тело, Федор зарылся лицом в мягкие груди, прижался к нежной и жаркой коже. Кошка прижалась к нему так, что только кожа мешала им стать единым целым, ногами обвив его поясицу. Нежный язык прошелся по позвоночнику Федора, другой язык начал ласкать затылочную ямку.

Федор встряхнулся и выпустил женщину из объятий, перекатился на спину и усадил красотку на себя сверху. Тотчас же два алых жарких рта впились в его соски. Федор застонал и протянул руки к женщине, сидящей сверху. Но руки были отброшены, и Федор сдался на милость победительниц, позволив им дарить себе наслаждение.

Когда и в этот раз, чувственный вихрь нахлынул волной и отступил, как волна морского прибоя, Федор пришел в себя, встал с постели и пошел на кухню. Кошки проводили его задумчивыми взглядами.

На кухне Федор открыл две бутылки красного вина, вытащил из холодильника фрукты и конфеты, нашел в шкафчике четыре фужера, загрузил все это на поднос и понес в спальню. Кошки сидели по краям огромной постели, в их позах чувствовалась неуверенность.

— Привет, — сказал Федор, поставив поднос на кровать, — Давайте знакомиться, что ли?

Это были первые его слова, обращенные к кошкам за все время, проведенное в его доме. Кошечки повеселели и заулыбались. Федор разлил по фужерам вино, поставил опустевшую бутылку на пол, уселся на кровать и притянул к себе ближайшую женщину.

— Тебя я помню. Ты — Маал, — он протянул ей фужер.

— Да, повелитель, — улыбнулась женщина.

— Так, — он взял другой фужер и потянулся за следующей, — Ты — Люйр?

Женщина засмеялась и потерлась головой о руку Федора:

— Вы помните... Я поражена...

Он вручил ей фужер и обратился к третьей:

— А вот тебя я вижу впервые.

Женщина покраснела и опустила глаза:

— Я недавно в Петербурге...

— И откуда ты?

— Из Новосибирска...

— Физика?

Женщина кивнула.

— Как тебя зовут?

— Мийр.

Федор протянул ей фужер и взял с подноса последний — для себя.

— Ну что же, выпьем за знакомство... мои кошечки, — он по очереди прикоснулся своим фужером к фужерам женщин.

Женщины засмеялись в унисон и стали пить вино. Федор оторвал себе несколько виноградин и с удовольствием выдавил прозрачную мякоть себе на язык. Маал смотрела на него из под опущенных ресниц. Федор протянул руку и осторожно забрал фужер из руки женщины.

— Угощайтесь, — Федор кивнул женщинам на поднос и переключил свое внимание на

Маал.

Кровать была огромна. Федор и кошка перекатились в другой ее конец и принялись ласкать друг друга. В этот раз мужчина взял на себя инициативу, лаская обольстительную женскую плоть, выискивая чувствительные точки, находя самые нежные места. Кошка извивалась в его руках, шипя от удовольствия, ее зрачки то расширялись, то сужались, наконец, она завывала на одной протяжной ноте, испытывая невыразимое наслаждение только от прикосновений рук и губ мужчины. Федор дождался, пока схлынут последние волны экстаза и погрузился в ставшее податливым и необыкновенно мягким тело.

Он еще три раза ходил за едой и вином, что бы поддержать силы в себе и своих великолепных игрушках, вновь и вновь погружаясь в призрачный океан вожделений и нежных, как шелк, ласк.

Под утро они переместились в джакузи. Женщины ели манго, отрезая от него ломтики своими острейшими зубами, а Федор, принимая в этой игре живейшие участие, откусывал оранжевую мякоть, выхватывая куски у самого краешка женских губ. Сок капал в пенную воду, на грудь Федора, на белоснежный фаянс ванны, на нежную кожу женщин. Они наслаждались друг другом в пенных волнах гидромассажа, Федор то вел, то подчинялся, и в этой изысканной муке лица женщин сливались в одно невыразимо прекрасное, любимое, незабываемое лицо.

Как они вновь оказались в кровати, Федор помнил смутно. Проснулся он, от грохота пушки Петропавловской крепости. Выбравшись из-под груды совершенно бесчувственных женских тел, он отыскал в шкафу халат, достал какие-то лоскуты для дам и, бросив тряпки на кровать, поплелся на кухню.

Бросив на сковороду четыре куска мяса, он принялся делать кофе. В ванной снова полилась вода — кошки почуяли запах жареного мяса, но на кухне появится не смели.

— Подъем! — крикнул Федор на всю квартиру, — Кто опоздает, еды не получит!

В тот же момент Маал появилась в дверях:

— Люйр и Мийр в ванной, повелитель. Они сейчас придут...

— Я разве тебе не запрещал так называть меня? — спросил Федор, обернувшись через плечо.

— Это было так давно... Вы могли забыть... Или изменить свое решение... — Маал подошла к нему вплотную, но прикоснуться не решалась.

— Ты завтра чем занимаешься? — спросил Федор

— Ничем, — Маал пожала плечами, — Я теперь ничем не занимаюсь.

— Замуж вышла?

— Да.

— Он хорошо с тобой обращается?

— О да! — женщина засмеялась, — Очень! Вот видите, я все-таки права. Не можете же Вы помнить каждую кошку в своей жизни.

— Права? В чем?

— Вы же сами нас познакомили. С мужем.

Федор напряг память, но вспоминалось плохо.

— Не помню, — согласился Федор, — Ну ты хоть довольна?

— Довольна.

— А почему по улицам шляешься?

— Скучно, — дернула плечиком женщина, — Потом, не все способны разглядеть в

кошке женщину.

— Если я приглашу тебя в ресторан? — снова повернулся к ней Федор.

— Кофе! — вскрикнула женщина, и Федор, повернувшись к плите, успел снять джезву с огня, — Конечно пойду.

— Отлично, готовь на стол. Куда за тобой подъехать? — женщина назвала адрес.

Завтрак прошел весело — женщины смеялись, болтали глупости, Федор был накормлен в шесть рук, обтерт салфетками, облизан, для верности, еще раз обтерт. Беляев пошел в душ. Когда он вернулся, в эркере было открыто окно, шелковые тряпочки, что носили на себе женщины, лежали на кровати, а в квартире никого не было.

Глава 18.

Когда Кузя проснулся, у его постели сидел Федор. Капельница была отключена и Кузя с удовольствием потянулся:

— Привет!

— Привет...

Кузя с удивлением посмотрел на Федора, но ничего не сказал. Федор протянул Кузе руку помогая подняться. Кузя тяжело сел, повел головой и схватился за нее обеими руками.

— Не дергайся, — сказал Федор, мучительно желая отодвинуть страшный разговор, — Конечно, голова кружится. Легко отделался.

— Тебя тоже так? Так же плохо было? — он встал на ноги.

— Меня тогда сильнее зацепило.... А ты будешь знать, как красоваться! Надо с тобой поговорить...

— Счас. Только башку поймаю. Кружится.... А Славка где? Или она прямо домой приедет?

— Она... не приедет, — Федор отвернулся.

Кузя схватил Федора за руку и крепко сжал чуть выше локтя:

— Что ты ей про меня рассказал?! Она знает, что я ведьмак!

Федор аккуратно оторвал его руку от своей, и взял Кузю за плечо:

— Если бы так.... С Леней и Славкой несчастье.

Бледный как полотно Кузя просто позеленел:

— Что случилось? За ними... пришли?

Федор молча кивнул.

Кузя покачнулся от слабости, Федор подхватил его, усадил на кровать.

— Сиди! Сейчас я водички принесу.

С этими словами он выскочил из палаты. Кузя обхватил голову руками, качаясь из стороны в сторону. Когда Федор примчался со стаканом воды, Кузя почти взял себя в руки. Он махнул Федору, что воды не надо, но голова снова закружилась, и он уткнулся в Федора. Федор вновь протянул ему стакан, и Кузя выпил воду.

— Где... они?

— Ленька здесь же, в интенсивной, его Петька Ликомидов оперировал.

— Славка? — Кузьма поднялся на ноги, — Она где?

— Не знаю...

— Как не знаешь?! Ее... утащили? Вампиры?! — вновь обессилено опустился на постель.

Федор вздохнул:

— Не только вампиры... Там были чаньши... Я чувствую их, если они были

поблизости... Леонид... Леня ранен очень тяжело, но все было бы возможно, если бы его энергию... Ты когда-нибудь видел чаньши?

— Нет, конечно. Ты же все мои рейды знаешь.

— Они оставляют очень характерный след на... жертве... Леонидом они питались недолго. Просто высосали то, что было... необходимо...

— Его можно увидеть?

— Я могу тебя провести в интенсивную терапию, но он без сознания...

— Проведи. Пожалуйста...

Побывав в интенсивной терапии, молодой ведьмак совсем сник. Федор аккуратно поддерживал его под руку, пока они шли к машине. Кузя сел в машину совершенно обессиленный. Федор достал с заднего сиденья саблю Кузьмы, сунул ему в руки.

— Возьми... чудище свое...

Кузя погладил ножны:

— Лучше всяких лекарств... Ты зря на нее наговариваешь...

— Я не наговариваю на нее. Но раньше твои клинки своей волей обережные круги не пересекали. Она оставила тебя беззащитным!

— Федь, прости, я в это не верю. Ты что-то знаешь про нее?

— Все, что я про нее знал, я уже показал тебе.

— Отвези меня на Выборгскую набережную... — попросил Кузьма.

— Я-то отвезу, а вот ты сможешь там объясняться? За башку еще держишься...

— Смогу, — твердо ответил Кузя.

— Хорошо, — кивнул Федор.

Федор хорошо знал ночной клуб, где собирались вампиры и где у Кузьмы были какие-то свои связи, в которые Федор не вникал.

Кварталах в пяти до ночного клуба Кузя неожиданно скомандовал:

— Стоп!

Федор огляделся, но заметил только парочку влюбленных.

— Наши люди?

Кузя кивнул, выскакивая из «Хаммера». Не удержав равновесия, он задел ножнами клинка за дверь, раздался противный скрежет, вампиры, услышав звук, обернулись и, увидев Кузьму, пустились наутек. Федор выскочил из машины, но они проскочили в сантиметре от него, убегая вглубь переулка. Федор и Кузя помчались за ними.

Ночной клуб, отделанный в стиле хайтек, ожидал прихода гостей. Столики в несколько рядов стояли по трем сторонам помещения, оставляя центр и заднюю часть полностью свободной. Десяток пар разминался перед выходом на площадку для репетиции танца. У аппаратуры стояли два человека. Один из них схватившись за голову, причитал:

— Ты какую запись принес! Ты, кретин!

— Спокойствие, только спокойствие! Самое лучшее для наших американских соратников! — ответил второй и сел за пульт.

— Именно! Для американских друзей!!!

— Не плачь, к визиту наших новых друзей поставим что-нибудь попроще. А сейчас пусть прорепетируют под эту энергию! Потом сам подберешь какую-нибудь херню!

К спорящим подошли две молоденькие девушки:

— Анатолий Петрович! А где наши партнеры?

Сидящий за пультом отмахнулся:

— Сейчас придут. Идите.

Кузя и Федор мчались за вампирами и, повернув в переулок, увидели, как эти двое забежали в какой-то ночной клуб. Они устремились за ними. Вампиры вбежали в клуб в тот момент, когда начала играть "Commandante Che Guevara".

Сидящий за пультом мужчина рявкнул:

— Не опаздывать! Быстро сюда!

Вампиры приблизились к танцующим и встали в позицию. В этот момент в клуб влетели Федор и Кузя.

Девушки, ждавшие партнеров, как коршуны, вцепились в пришедших:

— Ну быстрее же, быстрее!

Кузьма и Федор переглянулись, но времени на раздумья уже не было — танец уже начался. Кузя бросил клинок в ножны, девушки схватили «своих» партнеров и пристроились с краю. Пары начали двигаться в гипнотическом ритме, замигал стробоскоп, стало совершенно ничего не разобрать. Пары менялись местами, вампиры медленно пробивались к черному входу в клуб. Федора и Кузьму рисунок танца увел в противоположную сторону. Вампиры ускользнули в черный ход, Кузя и Федор закончили танец, хмуро переглянувшись. В этот момент в клубе появились опоздавшие партнеры девушек, Федор и Кузьма отдали им своих партнерш и понуро вышли из клуба. На улице они хмуро закурили и, уже не спеша, пошли к машине.

Ровно в пять Федор подъехал к особняку, где теперь жила Маал. Охрана была предупреждена, и его пропустили, ничего не спросив. Как только он подъехал к крыльцу, из дверей, во всем своем блеске, вышла прелестница. Она подготовилась к встрече, превратившись в темного ангела в стиле модерн.

Уложенные в хитрую прическу волосы украшало фазанье перышко. На плечи был накинут соболий палантин, что-то великолепно-прозрачное виднелось из-под мехов. В ушах и на груди переливались холодным блеском бриллианты. Федор вышел из машины, поднялся по ступенькам и, взяв Маал за ручку в тончайшей перчатке, поднес к губам.

— Я так рада встрече с вами, Федор Михайлович... — мурлыкнула кошка, с одобрением окинув его взглядом.

Федор в этот день оделся в смокинг и повязал «бабочку». Что он говорил, завязывая галстук, привело бы в смущение любого портового грузчика.

— Я тоже, — Федор кивнул и, легонько обняв женщину, повел ее к автомобилю. Для посещения ресторана Федор выбрал темно-синий «Ягуар» 1976 года с открытым верхом. Усадив ее на сиденье, захлопнул дверь и уселся за руль, резко рванув с места. Ворота были предусмотрительно открыты и «Ягуар» вылетел на шоссе.

— Ты мне скажи, как тебя зовут? Александра...

— Алексеевна Акимова, — продолжила женщина.

— А! Вспомнил! Так ты за Колькой замужем?

— А Вы знаете в этом городе другого Акимова?

Федор только засмеялся. Приехав в ресторан, Федор помог Александре-Маал выйти из машины и, взяв ее под руку, повел внутрь, бросив ключи парковщику.

Сняв в гардеробе со своей спутницы меха, Федор залюбовался ее изысканным нарядом. На ней было платье с открытой спиной полночно-синего цвета, исключительно облегающее потрясающую фигуру. Александра повернулась к нему лицом, Федор увидел, что за драгоценности она надела, и улыбнулся. На ней было кольцо из сапфиров и бриллиантов, что

Федор в свое время подарил ей.

В зале ресторана заказанный столик располагался так, как Федор очень любил — с него было прекрасно виден весь зал, а сам столик незаметно стоял в уголке. Они расположились со всеми возможными удобствами, и Федор предложил даме карту вин.

— Оставь, Федя. Выбирай все сам.

— Хорошо, — кивнул Федор, и повернувшись к официанту, спросил, — Шато де Малерэ?

— Сию минуту!

Отложив винную карту, Федор открыл меню, и несколько минут пристально его изучал, затем кивнул официанту:

— Обжаренные на гриле тигровые креветки с дольками авокадо, свежего огурца под бальзамическим дрессингом и соком лайма. Затем — борщ с белыми грибами и черносливом. После него — обжаренные на гриле ломтики свинины с тальятелле, заправленные соусом из рыжиков. С ней подать жареный молодой картофель с лесными грибами, домашней сметаной и пряными травами. На десерт — свежую клубнику с мороженым в малиновом соусе. Кажется, все, — Федор ленивым жестом отослал официанта.

— Выбор, конечно, великолепен, — согласилась Александра.

Принесли вино. Александра попробовала и осталась довольна. Вечер пошел так, как планировал Федор — приятно и ни к чему не обязывая ни одну из сторон. Он рассказывал истории, Александра смеялась, затем они пошли танцевать. Вечер удался на славу. Когда Федор усаживал Александру в «Ягуар», ему показалось, что он увидел Ирину, заходящую в ресторан.

Ирина, решившая в тот вечер пойти в ресторан, в их любимый с Кириллом ресторан, увидела, как Федор под руку с прекрасной дамой выходил из холла и усаживал свою спутницу в коллекционный «Ягуар». Она смотрела на это с досадой и огорчением, понимая, что в том, что Федор развлекается с подобными красавицами, есть и ее вина.

В машине Александра спросила:

— К тебе или ко мне?

— Что бы меня Коля придушил твоими чулками? Ко мне, конечно.

В квартире была темень, но Федор не стал включать свет. Они на ощупь прошли в спальню и в тот же миг все свечи в комнате загорелись мягким теплым светом. Маал захлопала в ладоши.

Федор снял галстук и бросил его на кресло.

— Позволь мне, — Маал подошла к нему вплотную и начала расстегивать на нем рубашку.

— Ну, уж нет, сегодня я все сделаю сам, — ответил Федор и, подхватив кошку на руки, понес к постели.

Платье и шелковое белье скоро оказались на полу, следом полетели рубашка и брюки, и они позабыли обо всем. Федор был неутомим и изобретателен, Маал извивалась в его руках, достигая новых и новых высот наслаждения. Женщине казалось, что большего удовольствия не может быть, но мужчина был неутомим и безжалостен, и они вновь и вновь устремлялись в неведомые никому выси, туда, где их чувства превращались в алые и золотые вихри, а их тела сливались в тугой узел страсти.

Федор проснулся от звонка своего мобильного. Маал спала, положив голову на живот

Федора, в совершенно кошачьей позе, довольно странной для человеческого тела.

— Слушаю!

— Федор Михайлович! Вас Акимов беспокоит!

Федор ощутил что-то похожее на дискомфорт.

— Слушаю тебя, Коля. Жену обыскался? Все в порядке.

— Слава Богу! А то, сказала, что поедет с тобой в ресторан, я приехал утром, охрана говорит, не вернулась еще!

— Часа в три верну ее тебе. Она еще спит.

— А что случилось-то?! Чего ее оперировал-то?

— Коля. Я про твои болезни не рассказываю никому?

— Я же не никто! Федь, ты только одно слово скажи... Насчет ребенка?

— Да, — ответил Федор, уже не зная, что соврать.

— Что, так серьезно?

— Так, я тебе одно слово сказал? Еще, какие вопросы? Привезу ее тебе, сам разговаривай.

— Да не будет она со мной разговаривать! — взорвался Николай, — Плачет только по ночам! Она думает, я не слышу, что ли?!

Александра открыла глаза и посмотрела на Федора. Тот сделал знак — молчи! Она кивнула и, скользнув с постели, ушла в ванную.

— Коля, ты успокойся. Что ты хочешь от нее?

— Я хочу... Я хочу, что бы она не плакала по ночам, не запиралась в ванной, услышав шорохи за окном, не пряталась ото всех. Я хочу, что бы она была счастлива! Она... такая несчастная... Федор Михайлович... Ты же сам ее привезешь? Сможешь со мной поговорить?

— Конечно смогу, Николай Егорович.

— Тогда до встречи?

— До встречи.

Федор убрал телефон и пошел искать женщину. Маал расчесывала волосы в ванной.

— Поехали. Коля там уже рвет и мечет.

— Толку-то...

— Тебе с ним плохо?

— Мне с ним... никак. Если бы я была человеком, мне было бы очень хорошо с ним. Он очень добрый. И несчастный.

— У тебя дети есть?

— Есть, конечно. Взрослые. Мне восемь лет уже, — Маал вышла из ванной, Федор поплелся за ней.

— А ребенка ты почему не хочешь ему родить?

— Хочу. Котенка. Ага? — ответила Маал, даже не повернувшись в сторону мужчины.

Маал попыталась втиснуться в платье, Федор подошел и ловко натянул синий шелк на великолепную женщину.

— Почему сразу котенка? — рассудительно заметил Федор.

— Потому что у меня от него уже есть четверо котят. Уже взрослые. Два года будет в следующем месяце.

Маал надела чулки и, вдруг, встав на колени, подползла к Федору и обняла его за ноги:

— Пожалуйста! Не говорите ничего Отцу!

Федор резко нагнулся и поднял рыдающую женщину на ноги:

— Что я не должен говорить отцу!?

— Я его обманула... — она снова попыталась снова опуститься на колени, но Федор был начеку и не позволил ей этого, крепко схватив ее за предплечья.

— Что ты ему сказала?

Маал зажмурилась и втянула голову в плечи.

— Он не потерпит такого позора... Он их убьет...

— Кто убьет, какой позор?

— Я сказала, что Вы подарили меня Коле... потому, что...

Федор вздохнул и обнял Маал, она положила голову ему на плечо и прижалась к нему всем телом.

— Глупая кошка! Ты любишь его?

Маал покивала Федору в плечо.

— Вот и хорошо. Ну, я же познакомил вас с Колей. Хорошо, я тебя подарил.... А как я тебя подарил-то, я что, твой отец?

— Отец... Он был рад, что Вы проявили ко мне такой интерес... У него двадцать дочерей только от моей матери...

— Дурочка! Поехали к Николаю!

В особняке у Николая было все готово для парадной встречи гостей. Николай выскочил на крыльцо и, подбежав к машине, помог Александре выйти.

— Здравствуйте, Федор Михайлович! Очень рад вас видеть!

— Я тоже, Николай Егорович, — Федор вышел из автомобиля.

Николай провел Федора в гостиную с большим панорамным окном и увел жену. Через несколько минут появился вновь.

— Федор Михайлович! Я очень рад, что Вы...

— Коль, успокойся. Мы не в Смольном на церемонии.

— Извини, Федь. Я уже совсем ничего не понимаю, с кем говорю, о чем... Пошли к столу.

За столом некоторое время молчали, отдавая дань искусству поваров. Затем Николай сказал:

— Федь, ты не представляешь, как я измучился. Я ее люблю, я все для нее сделаю!

Федор пожал плечами:

— Мы все так легко бросаемся словами.... Все... Что такое все? Принять ее, такой как она есть, ты сможешь?

— А какая она?! Что с ней? — Николай привстал на стуле, — Ей кто-то угрожал? Ты только скажи, я...

— Успокойся ты, сядь! — досадливо махнул рукой Федор на бизнесмена, — Как мне сказать это, что бы ты понял...

— Да уж не дурак я! Пойму, как-нибудь!

— Ты в сказки веришь?

— Про тебя кое-что слышал, — кивнул головой Акимов.

— Да при чем тут я? — поморщился Федор, — В сказки...

— Какие, Федь, сказки, когда я своей башке уже не верю. Вот ты, видел говорящих крыс?

Федор приподнял бровь.

— А я вот видел! И был я в тот день трезвый, как стекло!

Федор изящным жестом отмел говорящих крыс, как предмет недостойный. Затем, помолчав для акцента на своих словах, спросил:

— Ты веришь в совершенную любовь?

— Это что за хрень такая? — Николай безнадежно махнул рукой, — Два года назад я вообще ни в какую не верил... А вот ее люблю! И ты не поверишь, она меня — тоже.

— Почему не поверю? Она тебя очень любит. И очень боится потерять.

— Она меня не потеряет. Пусть что угодно делает, я ее все равно любить буду.

— Вот и второй раз за наш разговор ты бросил пустое слово. Все для нее сделаешь, все равно будешь любить...

— Это не пустые слова, Федор, — тяжелым и твердым, как камень, тоном, сказал Николай, — Я пустых слов не говорю. Другого кого за такие слова я бы уже с лестницы спустил.

— Если хочешь, я уйду сам, — дернул Федор плечом.

— Я хочу, что бы ты мне помог. Если не ты, мне никто не поможет. Вот скажи, зачем ты ей аборт сегодня сделал?

— Не делал. Эх тебя метнуло, аборт! Я что, гинеколог?

— Она уже один раз сделала. Два года назад. Все так хорошо было, три месяца уже! А она раз, на два дня пропала, потом приехала, лица на ней нет... Чем я ей не угодил, ну не знаю я! Кошек полный дом натащила... Я к ним так привязался... Они все понимают!

— Кошек? — удивился Федор.

— Четырех котят привезла. Слепых еще. Из пипетки их кормила. Как сумасшедшая, не подпускала меня к ним. Шипела! Я думал, просто сдохну. Я их ненавидел, ты не представляешь как! А потом... так привык... Выросли уже, здоровенные такие! Все понимают. И когда настроение у меня плохое, и, когда хорошее... Ты не поверишь, телефон приносят...

Федор усмехнулся, представляя всю глубину невежества Николая. Тот обиделся:

— Не смейся! Правда!

— Да я верю, верю.

Воцарилось молчание.

— Вот что, Коля. Знаю я одно средство, но спасет оно тебя или, наоборот, отравит — я не знаю. Ты можешь проверить себя. Если ты любишь свою жену совершенной любовью, то пройдешь испытание и... у тебя с ней будет много лет счастья, будут дети. Много. А если не пройдешь, то потеряешь и то, что есть сейчас. Три дня тебе на раздумья. И думай ты вот о чем — пути назад не будет.

Дождавшись, когда стихнет отзвук последнего слова, Федор встал и ушел, оставив Николая сидеть в тяжелых мыслях.

Глава 19.

Кузя, в камуфляжной форме с бейджиком "Охранник" сидел в глубине магазина за секретером стиля "ампир" и печально смотрел на саблю. Периодически он доставал из кармана армейскую фляжку и делал из нее глоток. Затем прятал фляжку обратно во внутренний карман.

В магазин зашел строгого вида мужчина в дорогом костюме. Заинтересованно посмотрел на стену с великолепной коллекцией старинных гравюр и с большим уважением начал рассматривать коллекцию оружия, висящую на другой стене. Затем, не спеша, стал обходить резную мебель. Когда он прошел в отдел с бронзой и фарфором, Кузя одним глазом

начал поглядывать на него, не отрываясь, впрочем, от своего занятия. На покупателя антиквариата, мужчина, несмотря на респектабельную внешность, похож не был, и Кузя насторожился. Наконец, сделав круг по магазину, непонятный посетитель подошел непосредственно к Кузьме. На его лицо, до этого скрытое в тених упал луч света, и тут же соскользнул..

— Добрый день, Кузьма Петрович, — сказал Хозяин Теней, ибо это был он.

— Добрый день, — кивнул Кравченко, делая вид, что смотрит на клинок. Хозяин также посмотрел на саблю.

— Весьма редкая сабля. Таких сделали всего три... Японский мастер сделал три русских клинка для князя Юсупова... Стоит целое состояние.

— Вы настоящий знаток... — тусклым голосом сказал Кузьма, — Но я сильно подозреваю, что вы не о мечях пришли беседовать со мной?

— Вы абсолютно правы, Кузьма Петрович, — он только шевельнул рукой, но Кузьма увидел, что тот достал из внутреннего кармана пиджака удостоверение, раскрыл его, показывая Кузьме, и снова спрятал его в карман.

— Очень приятно, — кивнул Кузя, — Присаживайтесь.

Кузьма показал на антикварное кресло. Посетитель скептически его оглядел.

— Оно крепкое, не бойтесь.

— Я боюсь, не заставят ли меня его после этого купить?

Кузя вздохнул:

— Свалите все на меня! Итак...

Посетитель поерзал, усаживаясь в кресле:

— Хм... Удобное! По виду — не скажешь. Кузьма Петрович, вы, разумеется, в курсе, что у нас на днях саммит?

— В курсе, — кивнул Кузя.

— Существует мнение, что вы можете представлять реальную угрозу для его проведения... — на одной ноте продолжил Хозяин Теней.

— Это уже интересно... — Кузя первый раз оторвался от созерцания сабли, что бы посмотреть на своего визави.

— Понимаете, Кузьма Петрович... На саммит съедутся не только главы государств, но и ведущие представители своих держав...

— Тот факт, что я антиглобалист, не должен вас беспокоить, — перебил его Кузьма.

У человека, говорящего с Кузьмой, похоже, был бесконечный запас терпения. Он доброжелательно ответил:

— Нас беспокоит не это...

— Вот как... — вздохнул Кузьма.

— Вы очень выдержанный человек, Кузьма Петрович... — кивнул посетитель, — Но... Беспокоит ваша возможная реакция на некоторых делегатов саммита... Мы бы хотели, что бы вы не предпринимали никаких действий против них... Они приедут и уедут, а мы проследим, чтобы ущерб от их присутствия был минимальным...

— Вы уверены, что... сможете проследить?

— Уверены.

— Значит, никаких проблем, — кивнул Кузьма.

— Вы знаете, мы прекрасно понимаем ваш скепсис и ваше желание... ммм... поохотится. Там действительно будут... редчайшие... экземпляры. В других условиях мы бы

сами попросили добыть нам... несколько...

— Я не стану угрожать нашим американским друзьям. Они в гостях. Права гостя святы.

Посетитель, с заметным облегчением, сказал:

— Я рад, Кузьма Петрович, что мы так легко пришли к взаимопониманию. Прекрасно!

Так мы договорились?

— Пока вы... следите — да, договорились. Но стоит вам прозевать...

— Это мы понимаем. До свидания, Кузьма Петрович.

— Удачи вам.

Посетитель, не спеша, поднялся из кресла и, кивнув на прощанье, степенно удалился. Кузя вернулся к прерванным занятиям — смотреть на клинок и прихлебывать из фляжки.

Кузя прошел в интенсивную терапию, чтобы посмотреть, как там Леня. Леонид лежал в отдельной палате под новым немецким аппаратом жизнеобеспечения, Федор договорился использовать этот аппарат, как тестовые испытания. Кузя подошел к двери вплотную, но не открыл ее, увидев за стеклом, что место посетителя занято — у кровати Леонида сидела Оксана. Она держала его руку в своей, и горько плакала.

— Прости меня... пожалуйста, выздоравливай!

Кузя тихонько отступил, так, чтобы его не видела Оксана, и ушел. Сейчас Лене была нужнее Оксана, не Кузя.

Федор сидел на кафедре, поправляя красными чернилами с таким трудом выпрошенные у студентов рефераты. Вид у него был усталый и недовольный. Складывалось такое ощущение, что авторы этих произведений делали серьезное одолжение Беляеву самим фактом того, что вообще что-то написали. Медицинские познания его корреспондентов математик описал бы, как стремящиеся к нулю, а стиль и орфография — вообще не выдерживали никакой критики. Федор думал, что не надо было просить рефераты, а просто не допустить идиотов до сессии.

Он перекрашивал в красный цвет очередной медицинско-стилистический шедевр, когда в кабинет зашел Кузя.

— О! Рефераты! — увидел Кузьма знакомые произведения.

— Давай, умник, садись и проверяй, — гостеприимно сказал Федор, не желая мучаться один.

— Вот они мне сдались, — раскусил его маневр Кузьма.

— У тебя план по академической работе какой? — подошел Федор к вопросу с другой стороны.

— Я его выполнил! — нашелся Кузя.

— Ровно на половину, — ответил врач, знавший правду.

Кузя был непреклонен:

— Все равно, академическая работа не включает в себя тупение от чудовищных сочинений нынешней молодежи. Я еще не забыл, как сам писал всю эту жуть.

Кузя вздохнул и, помявшись, спросил:

— Федь, а ты... когда-нибудь... терял... любимых?

Федор молча кивнул, и перед Кузьмой стремительно возникла матовая поверхность, как ночью на Банковском мосту. Кузьма увидел бетонную камеру с дверью из стальных прутьев. Из коридора раздавались женские крики и стоны. Иногда, очень редко, по коридору раздавался утробный протяжный рев, от которого кровь стыла в жилах. На табурете, привинченном к полу, сидел Федор. Его рубашка была окровавлена, пуговиц на ней не было,

один рукав разорван. Он держал голову обеими руками, словно боясь, что она вот-вот отвалится и упадет. От каждого крика или рева Федор весь передергивался и сильнее сжимал голову руками.

Неожиданно в коридоре раздался топот ног. Около его камеры случилась краткая возня и в нее вступили три высших чина СС. Это были штурмбаннфюрер СС Вольфрам Зиверс гауптштурмфюрер Август Хирст и сам рейхсфюрер СС Гиммлер.

Все присутствующие говорили по-немецки, но Кузьма прекрасно знал этот язык и ему не составило никакого труда проследить за нитью разговора. Директор института Ананербе, Зиверс сказал, обращаясь к Федору:

— Старейший, мы пришли последний раз просить Вас об этой услуге.

Федор отнял руки от головы и отвернулся от пришедших.

— Мне, право, даже жаль, в который раз отказывать Вам, — глухо ответил он после недолгого молчания.

Хирст, раздул ноздри и сказал:

— Неужели Вы не понимаете, что это очень важно для науки!

Федор повернулся и посмотрел на «врача», на совести которого были тысячи загубленных жизней:

— Так же важно, как формалинить головы евреев? — меланхолически спросил Федор.

Хирст вспыхнул:

— Да что Вы себе позволяете?! — но осекся под холодным взглядом рейхсфюрера.

Федор осторожно встал с табуретки и, с некоторым трудом, выпрямился. Никто из вошедших не понял, каких усилий это ему стоило.

— Я ничего не стану делать, — сказал Федор уже другим, совершенно твердым тоном, — Не стану помогать Вам. Вам нужно бессмертие? Вы уже достигли его. Вы обрели бессмертную славу. Убийц и извращенцев, каких не видели даже Вавилон, Содом и Гоморра.

Гиммлер поморщился, затем коротко сказал:

— Тогда мы убьем ее.

Федор вздохнул и кивнул:

— Иногда смерть — это благо.

Трое эсэсовцев вышли из камеры. Федор остался один. Маленькая процессия проследовала по коридору и вышла в глухую дверь в его конце. В конце коридора остался солдат-часовой.

Федор провел рукой по волосам. В его ладони появилось красно-оранжевое перо. Он начал вращать его в пальцах, пока перо не превратилось в размытый силуэт.

Федор коротко рявкнул на весь коридор:

— Рядовой!

Солдат вскинул голову, и, посмотрев в сторону Федора, увидел вращающееся перо. Больше он уже ничего не замечал.

Федор позвал снова:

— Рядовой, ко мне!

Солдат, как сомнамбула, подошел к ячейке в которой был Федор. Федор стоял, устало привалившись к стене. Но в этот момент что-то изменилось и Кузьма увидел Федора глазами зачарованного солдата.

Перед ним в камере стоял подтянутый офицер в черной генеральской форме, с железным крестом на шее.

Федор спросил, а вернее, скомандовал:

— Имя?

— Уве Штольц, группенфюрер! — ответил солдат, отдавая честь.

Федор кивнул:

— Рядовой Штольц! Рейх в опасности! Ты видел тех троих? Они составили заговор против фюрера!

Рядовой Штольц оторопело посмотрел на дверь, за которую вышел самый влиятельный человек Рейха, сглотнул и спросил:

— Рейхсфюрер?!

Федор мрачно кивнул:

— Да. Он и эти двое — его подручные! Они хитростью заперли меня здесь и ушли. Рядовой, открой дверь!

Кузьма снова увидел картину такой, какой она была в реальности — изможденный, оборванный, еле держащийся на ногах пленник бесконечно вращал оранжевое перо, а немец неотрывно на него смотрел:

— Но, группенфюрер! У меня нет ключей!

Федор вздохнул собираясь с силами для еще одной тирады:

— Пойди и принеси их. Помни, все, кто пытаются тебе помешать — враги Рейха и заслуживают смерти!

Рядовой Штольц козырнул:

— Да, группенфюрер!

Чеканя шаг, он ушел. Федор прекратил вращать пером, и со стоном осел на пол камеры.

Рядовой Штольц вышел из двери и пошел по коридору. Он подошел к сидящему у конторки с ключами сержанту и тот вскочил при виде часового, оставившего свой пост.

— Рядовой! Немедленно на пост!

Штольц, не говоря ни слова и не дрогнув лицом, ударил того в грудь ножом. Затем он переступил через лежащее тело, взял ключ от камеры Федора и пошел назад, туда где Федор ждал освобождения. Твердыми шагами он прошел по коридору, но, не дойдя до камеры Федора несколько метров, он уронил ключ на пол и упал навзничь. В спине у него торчал метательный нож. На пороге коридора последний раз дернулся, умирая, сержант.

Федор несколько мгновений смотрел на ключ лежавший от него в двух шагах, затем лег на пол и постарался достать его рукой. Его пальцы скребли по полу в нескольких сантиметрах от ключа. Наконец рука Федора утомленно замерла. Немного отдохнув, Федор взял перо и вновь попытался дотянуться до ключа. Через несколько попыток, ему это удалось. Осторожно, по миллиметру, он подтащил ключ к себе и поднялся на ноги. Открыть замок, имея ключ, пусть и отпиривший дверь только снаружи, было делом минутным. И вот Федор осторожно шел по пустым, если не считать часовых, коридорам. Перо снова вращалось в его руке и часовые видели подтянутого генерала, а не изможденного узника. Только оно вращалось все медленнее и медленнее и Федору приходилось все дольше отдыхать, прежде чем продолжить свой путь.

Наконец, он подошел к двери, окованной серебром. На мягком металле были выбиты руны. Федор толкнул дверь и вошел. В просторной камере, на цепях висела изувеченная молодая женщина. Федор подошел к вороту, что был вделан в стену и осторожно начал вращать его, опуская пленницу на пол. Затем он подошел к ней, и осторожно начал освобождать ее от оков. Она застонала и прижала к своему лицу, руку мужчины.

Федор сел на пол и обнял женщину, положил ее голову себе на плечо:

— Анна!

Женщина вздрогнула и тоже обняла его.

Федор гладил женщину по волосам и приговаривал:

— Теперь мы выберемся, выберемся... Потерпи, родная моя!

Анна застонала:

— Я люблю тебя! И я не предала тебя! Я ничего не...

Федор коснулся пальцами ее губ:

— Знаю, милая, знаю... Прости, что так долго. Не трать силы. Я люблю тебя...

Федор помог ей встать и они пошли по пустынным коридорам, не встретив никаких препятствий, пока не дошли до неприметной дверки, через которую Федора когда давным-давно заманили в это логово ужаса. Федор толкнул дверь, она покорно отворилась. Перо выскользнуло из руки Федора и упало на плиты пола. Анна уже не могла идти и Федор понес ее на руках. Здание института Ананербе за его спиной полыхало, словно погребальный костер великого вождя.

Неожиданно из-за угла появился уличный патруль с эсэсовцем во главе. Они преградили беглецам путь к спасению. Федор взглянул на свои руки и понял, что потерял перо. Создать новое у него не было уже ни времени, ни сил.

Эсэсовец отдал короткую команду. Федора и Анну прижали к стене и начали обыскивать, затем Анну потащили в машину. Федор рванулся к ней, но эсэсовец выстрелил ему в грудь и Федор замятво упал на окровавленные камни улицы.

Картина замерцала и померкла. Кузьма снова стоял на кафедре гистологии, а Федор, живой и, на первый взгляд, невредимый, сидел перед ним за столом. Кузьма вдруг представил, скольких людей он утратил за свою бесконечно длинную жизнь и его пробрал озноб.

— Ох... — он вздохнул, — А я от Ленки только что... — только и придумал он что сказать, не имея возможности никак утешить друга.

Федор кивнул:

— Да мне звонили...

Оба подавленно замолчали. Затем Кузя встряхнул головой:

— Ты в шифрах разбираешься?

Федор пожал плечами:

— Есть немного. Ты про ту книжку?

— Да. Странно как-то звучит, как какой-то язык, но я никак не пойму какой. Написано латиницей.

Федор вздохнул:

— А ты как дурак, сразу вслух читать начал?

Кузя поморщился:

— Федь, не настолько я дурак. Сначала проверил. Вот послушай.

Кузя достал из сумки листы сделанные на ксероксе. Начал читать.

— Шенглу ийеэ ксуан чаксун ксуанже жипан хе чагенвенди... — нараспев начал читать Кузя.

Федор взывал, сжимая голову руками:

— Кузьма Петрович! Что за ужас! Ну, у тебя и акцент! Ты что, китайский никогда не учил?!

Кузя удивленно посмотрел на врача:

— Никогда. Это что, китайский?

Федор кивнул:

— Китайский, конечно, но у тебя такой страшный акцент, что понять, что ты сейчас прочел, я не могу... Дай-ка мне листки.

Молча читая, начал что-то писать в блокноте карандашом, но грифель сломался с громким щелчком. Он отложил карандаш, притянул к себе лежащий на столе дигитайзер, и начал писать по его экрану сверху вниз. На экране компьютера начали появляться каллиграфически выписанные иероглифы.

Некоторое время Кузя внимательно наблюдал за ним. Затем он взял карандаш, и, поискав глазами что-нибудь режущее, достал из-за спины саблю. При помощи лезвия в руку толщиной, Кузьма легко очинил карандашик, и положил на стол, приготовившись слушать Федора.

Доктор же настолько увлекся процессом, что не обращал на Кузьму не малейшего внимания. Наконец, Кузя не выдержал:

— Че ни будь-то расскажи?

Федор молча кивнул. Затем начал с выражением читать.

— Открывший эту страницу, ищущий мудрости, прошу тебя — спроси у своего сердца — так ли далеко ушел ты во тьму, чтобы отринуть жалость и сострадание? Если сердце твое дрогнет и усомнится — закрой эти страницы и не возвращайся к ним даже мысленно...

Вздыхнул. В молчании продолжил чтение, уже не записывая слов. Затем поднял голову и сказал Кузе:

— Можно приготовить средство, дарующее вечную жизнь или исцеляющее любую болезнь, или возвращающее обращенного вампира.

Кузя молча стиснул зубы и закрыл глаз. Федор вздохнул и вновь начал выписывать иероглифы...

Через три дня после разговора с Акимовым Федор приехал в его офис. Девушки из ресепшна метнулись ему на встречу:

— Федор Михайлович, добрый день! Николай Егорович распорядился Вас сразу же проводить к нему в кабинет! Его сейчас нет, он в Смольном, но он просил Вас подождать, он...

— Тихо, тихо... Я все понимаю. У него бизнес. Он приедет, как только сможет.

— Да, да! — повеселели девушки, — А Александра Алексеевна уже Вас ждет...

— Хорошо, — согласился Федор.

Как только он вошел в кабинет, на него, как разъяренная кошка, налетела Маал.

— Что ты ему сказал?! — закричала она, схватив Федора за рукав.

— Здравствуй, Сашенька, — устало кивнул Федор, — А что случилось?

— Да ничего не случилось! Он все переписал на меня, что-то говорит непонятное, котят не выпускал из рук, все эти дни... Что ты сказал ему?!

— Ничего...

— Как же я ненавижу тебя, Старший! — Маал села в кресло и, закрыв лицо руками, заплакала, — Ты рассказал ему обо мне?! Рассказал?!

— Нет. Еще нет. Сегодня ночью.

— Что, сегодня ночью?! — спросили одновременно Александра и Николай, вошедший в этот момент в кабинет.

— Сегодня ночью ты узнаешь, достоин ли ты счастья. Если, конечно, дашь мне утвердительный ответ.

— Конечно. Я хочу, что бы ты дал мне свое... средство, — кивнул Николай.

— Тогда поехали.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

Он усадил бизнесмена с женой в «Хаммер» и поехал к их дому.

— Коля, принеси мне кошек.

— Нет! — вскрикнула Маал.

— Успокойся, Саша. Ты думаешь, я их обижу?

— Нет, — прошептала Маал и отвернулась.

Николай без слова ушел в дом, а потом вернулся с четырьмя кошками в руках и на плечах. Они ловко забрались в салон машины и Федор, подождав, когда сядет Николай, тронулся с места.

— Ехать долго.

Ехали они действительно долго. Нужное Федору место находилось в пятистах километрах от Петербурга. Наконец, в два часа ночи, они приехали на место. Маал и котята крепко спали, обнявшись, Николай клевал носом.

— Приехали! — сказал Федор.

Все проснулись, как от толчка. Кошки зевали во весь рот, Николай встряхнулся и перекрестился.

— Куда ты нас завез?

— В место силы, — ответил Федор.

— Чьей?

— Моей.

— И что мы будем делать?

— Мы позовем Дарящую Истинный облик. Теперь, ни слова. Встаньте вон там.

Федор пошел на зеленый холмик и плавным движением руки зажег магические огоньки. Три камня, стоящие на вершине холмика, начали светиться золотистым светом. Федор начал читать обряд приветствия Дарящей.

— Владеющая временами, силой, властью изменять естество, дарить правдой, отнимать зло. Прими нашу боль, помоги нам принять правду.

Сказав ритуальную формулу, Федор отошел на несколько шагов и принялся ждать. Золотистое сияние над камнями сгустилось, а затем над ними появилось лицо прекрасное, но совершенно нечеловеческое, с бесконечным спокойствием и пониманием глядящее на них.

— Кто просит справедливости истинного облика?

— Я! — выступил вперед Федор.

— Что ты просишь?

— Милосердия для друга.

— Что он хочет?

— Быть вместе с любимой.

— Пусть подойдет.

Федор подал знак, и Николай подошел ближе.

— Ты любишь женщину, что стоит за твоей спиной?

— Да, я люблю ее.

— Пусть она подойдет.

Маал подошла к Николаю и встала с ним рядом.

— Ты любишь мужчину, что стоит рядом с тобой?

— Да, я люблю его.

— Ты примешь любое его решение?

— Любое.

— Прими свой истинный облик.

В тот же миг Маал, жалобно мяукнув, превратилась в кошку.

— Любишь ли ты ее теперь?

— Зачем ты превратила ее в кошку?!

— Это истинный облик твоей жены. За твоей спиной стоят твои дети.

Николай обернулся. Кошки за его спиной сверкнули на него глазами.

— Это их она родила два года назад?!

Маал подошла и стала тереться о ноги Николая. Николай опустил на колени и стал гладить жену по пушистой серой спинке.

— Верни ей человеческий облик. Дай человеческий облик моим детям.

— Это их истинный облик.

Николай вздохнул, собираясь с мыслями.

— Тогда... сделай меня котом...

— Но это не твой облик...

— Но что же делать?

— Если ты и сейчас попросишь меня вернуть им человеческий облик — я сделаю это.

Кошки живут меньше чем люди. Они проживут свой кошачий короткий век и умрут, так и не вернув себе истинного облика. А если откажешься от нее и детей навсегда, то они уйдут в поля Отца Зверей. Они никогда не вспомнят о тебе, и будут менять облики, как только захотят. Они будут жить вечно, и всегда будут счастливы там. Думай. Решай, я выполню любую твою просьбу.

Николай гладил Маал, а та ласкалась к нему, как обычная кошка. Их дети тоже подошли к ним и стали ласкаться к отцу. Он гладил их и плакал.

— Решай сейчас, — раздался бесконечно спокойный голос богини.

— Я решил.

— Говори.

— Пусть уходят к Отцу Зверей, — сказал Николай и встал с колен, — Пусть уходят.

Несколько ударов сердца длилось молчание. Затем богиня кивнула и произнесла:

— Я довольна, Фьод. Я давно не получала такой жертвы.

— Я рад, что ты довольна. Благодарю тебя, Милостивая, — склонил Федор голову.

Внезапно на поляне стало совершенно темно. Федор пошел к «Хаммеру». За ним поплелся Николай.

— Кто-нибудь даст мне, что-нибудь надеть? — раздался в темноте голос Александры.

— И мне.

— И мне.

— Мы замерзли!

Федор засмеялся и включил фары. В свете фар на поляне стояли Александра, двое молодых парней и две девушки.

— Что это! Ведь она обещала?!

— Ха. Ты ведь ничего не просил.

— Нет! Федор! Ты должен...

— Мне умереть от холода?

Компания прошла к машине, и Федор бросил им сумку с одеждой.

— Пожалуйста, Федор! Пожалуйста! — взмолился Николай.

— Успокойся. Садись в машину, и я расскажу тебе, в чем секрет. Все хорошо.

— Правда?! Ты уверен?

— Уверен.

Когда с одеванием кошек было покончено, Федор загрузил их на заднее сиденье, а Николай уселся на переднее.

— Так вот, — выехав на дорогу, начал объяснения Федор, — Существует совершенная любовь. Это если ты любишь кого-то так сильно, что готов сделать для него все что угодно, принять его, таким как есть, отпустить на свободу — это и есть совершенная любовь. Ты любишь свою жену совершенной любовью, и Дарящая истинный облик решила за всех нас.

— Но ведь она сказала...

Федор перебил его:

— Она много чего сказала, Коля. Она тебя спросила, согласен ли ты отпустить жену и детей, что бы они были счастливы?

Акимов бестрепетно кивнул:

— Спросила. Согласен.

Федор кивнул головой:

— Но без тебя они счастливы не будут! Даже если не будут о тебе помнить! Вот и все. Все решение. Твоя жена и дети проживут вместе с тобой жизнь. У тебя будут еще дети. А теперь спи.

— Федя... Ты уверен в этом?

На заднем сиденье сонно зашевелилась Маал:

— Коля... Ты не спорь с ним. Он сказал: «все в порядке», значит все в порядке. А будешь его доставать, он тебя в жабу превратит. А лучше — в мышь. Я тебя тогда поймаю и съем.

Федор засмеялся:

— Вот, понял?

— А ты можешь? — заморгал Николай.

— Коля... Я много чего могу. Но, что бы к этому разговору больше не возвращаться... Я тебе вот что скажу. Слова вообще не важны. Важно лишь — можешь ли ты лишить себя счастья ради счастья любимого. Если да, то ты достоин любви. Признан годным, Коля. Спи. Нам еще возвращаться бог знает, сколько времени.

Глава 20.

Через неделю Федор сидел в библиотеке у Кузи и вдвоем с Кузьмой читали переведенный манускрипт. Кузя сидел за столом, по своему обычаю — положив на него ноги, и качался на стуле.

— Итак, в этой рукописи рецепты двух эликсиров — первый дает неиссякаемое здоровье, молодость, силу. Может вернуть к жизни обращенного вампира. А второй... У тебя листок?

— Да. Это зелье способно убить живого мертвеца, призрака и даже того, кто открыл для

себя бессмертие. Если же перед этим ты выпил первый эликсир, то преисполнишься мудрости...

Кузя недоверчиво покачал головой:

— Я бы сказал, что все это ерунда, если бы не знал, что все это правда.

Федор прочел список еще раз. Потом еще раз. Потом еще.

Свиток гласил:

«Открывший эту страницу, ищущий мудрости, прошу тебя — спроси у своего сердца — так ли далеко ушел ты во тьму, чтобы отринуть жалость и сострадание? Если сердце твое дрогнет и усомнится — закрой эти страницы и не возвращайся к ним даже мысленно, но если сердце твое полно решимости превзойти премудрости мира, то ступай вперед и пусть лишь твой разум будет тебе светочем.

«Долг мой открывать тайное, и я открою читающему эти страницы плоды мудрости двух алхимиков, братьев-близнецов по матери, Пероара и Приодара.

«Эликсир Пероара

«На три глотка воды — 2 карата пыли с безоарового камня, десять крупинок истолченного алмаза, десять горстей корня дуба, сок одного лимона, пятьдесят капель мандрагорового уксуса, рог тритона, кожа змеи, мозг кораллового аспида и перо какапо. Это зелье готовится как бы из трех частей. Первая часть — взять пыль с безоарового камня, смешать ее с частицей алмаза, затем растолочь рог тритона (вот сейчас надо быть осторожными) и добавить его к алмазу и безоаровому камню. Вот тут смесь загорится и надо будет ее быстрее потушить (только не водой). Первая часть готова.

«Вторая часть — корень дуба отмочить в соке лимона и добавить к этому мандрагоровый уксус. Вторая часть готова. Третья часть — порезать кожу змеи, растереть высушенный мозг аспида и превращенное в пыль перо какапо. Теперь все это положить в котел, залить десятию частями воды, а когда закипит, добавить кожу змеи. Варить на слабом огне до тех пор, пока три четверти воды не испарится. Когда отвар остынет смешать его с первыми двумя частями, снова вскипятить, затем снять с огня, укутать и когда вновь остынет, процедить до прозрачности. Зелье готово. Полученное зелье остудить. Затем выпить (желательно, все сразу).

«Эффект: в течении суток ваше тело и лицо полностью подвластно вам. Вы сможете принимать обличия и голоса тех, кого захотите. Если вас убьют когда вы будете под властью этого зелья, то по истечении срока действия этого отвара вы снова оживете!

«Эликсир Приодара.

«Пот трехдневного львенка и толченые усы гепарда варить на молоке павиана в течение двух часов. Остудить. Через час после того, как остынет, вскипятить настой, добавить селезенку семи черных крыс и третьи левые задние ноги десяти тараканов и далее не снимать с огня. Кровь краснокрапчатой китайской саламандры и заживо снятую шкуру королевской кобры сварить отдельно, снять с огня и охлаждать. Как только отвар станет черного цвета влить в настой семнадцать капель сока аконита и нашинкованные листья вербены.

«Как только оба отвара остынут — смешать обе жидкости, полить пятью каплями крови, что течет в жилах сироты, потерявшим мать, и не знающим, кто его отец. Затем сварить отвар из трав взятых в равных частях — чертова молока (чистотела большого), снить купыри болотной (володушки козлецова листа), Галенова порошка (чилибухи), рвотного корня (ипекакуаны), калабарского куста (физостигмы), взять пятьсот капель и добавить в

смесь. Если зелье станет прозрачным, то все получилось как надо...

Федор замолчал, дочитывая последние строки про себя.

— Такое ощущение, что ты хочешь поджечь его взглядом, но ничего не получается, — съязвил Кузьма.

— Что? — переспросил Федор, — Не получается? А... Давно не получается.

Он рассеянно перевел взгляд на подсвечник перед Кузьмой. Свечи с тихим хлопком загорелись. Пламя вспорхнуло с них и, полетав по комнате яркой птицей, снова уселось на свечи. Кузя, не сумев удержать равновесия, с грохотом свалился под стол. Федор был поражен не меньше Кузи.

— А я думал, все, больше никогда... Я думал Ди Ляньпо меня просто утешает... А он...

Кузя выбрался из-под стола.

— Так вот о чем дед рассказывал, про Фениксов...

— Это что... Я давно уже не Феникс, и никогда им вновь не стану! Если бы я с такой силой, как сейчас, ударил раньше, дом бы уже горел, а не три свечки.

— Да брось ты! Я же помню, как вы с дедом говорили, что ты вообще все способности утратил.

— А ты подслушивал...

— Конечно, подслушивал! — возмутился Кузьма, — Еще бы не подслушивать! Вы такие вещи обсуждали, пока я... всякую ерунду зубрил.

— Я ошибаюсь или эта ерунда, как минимум один раз, спасла тебе жизнь?

— Конечно, не ошибаешься, но скучно-то было как!

Федор, сосредоточившись, посмотрел на свечи. Одна погасла, затем загорелась и стала менять цвета.

— Уф! — выдохнул Федор, — Нет, рано еще... но, гляди могу.... Значит.... Слушай.... Вот что... Что этот список — полная ерунда с точки зрения здравого смысла, это понятно, а что обозначали названия типа «Молоко павиана» мы никогда не узнаем.

— Ну, это значит, что надо подоить павианиху... — протянул Кузя.

Федор протяжно вздохнул:

— А что делать с трехдневным львенком?

— Что делать? Гонять, пока не вспотеет...

— Скорее, ты вспотеешь, убегая от львицы...

Представив себе эту картину, засмеялись. Оба они были достаточно образованны, чтобы знать простую вещь — кошки не потеют.

— Так что ты предлагаешь? — нарушил молчание Кузя.

— Я предлагаю отправиться в... Раз теперь я что-то могу.... А для этого почти ничего не требуется... Нам надо найти место Сокровенного Желания. Именно.

— Какое место? — переспросил Кузя.

— Не какое, а чего.

— Какая разница?

— Большая, — терпеливо объяснил Федор, — Это место не существует в пространстве и времени. Оно существует в сокровенных желаниях... человека. И если это желание достаточно сильно и справедливо, то человек попадет в то место, которое ему действительно необходимо, и что важно, он может взять из него все что потребуется, что бы исполнить свое желание. И находиться там столько, сколько потребуется.

— Никогда не слышал про такое, — ответил много знавший и много видевший, а еще

больше о многом догадывавшийся Кузя.

— И не должен был слышать. Это тайный дар. Мать Тьмы приберегла его для своих детей. А уж они могут выбирать, кому рассказать о нем.

— Мать Тьмы? Прародительница всех чудовищ?

— Мать Тьмы. Прародительница, — строго поправил Федор, — Ты, конечно, слышал, что обо мне говорят? Что я с самого рождения могу видеть в темноте? Что я родился ведьмаком?

— Дед говорил отцу. Но как-то странно... Я не понял. Какая-то смесь горечи, страха и благоговения...

— И ужаса. Видеть в темноте я могу с младенчества. А чують нежить и много чего другого я могу... мог... с самого моего... второго рождения. Я не буду рассказывать, что я сотворил, когда мне было... не важно сколько, и почему я это сделал, но Суд Девяти Первых осудил меня на смерть.

— Я догадываюсь, — ответил Кузя, вспомнив видение, что дал ему Федор.

— Нет, даже не за это... Не только. Но такой вот факт.

— Даже если Совет существует, он не может выносить смертные приговоры...

— Верно, не может, — согласился Федор, — Они присудили меня к испытанию Тьмой. Три месяца я должен был провести в уединенном монастыре в Тибете, заживо погребенный в пещере, там, где приверженцы буддийской веры оттачивают свою стойкость и скидывают оковы Мары и Майи. Маленькая пещера, в форме лежащего яйца. Для меня было трудно найти пещеру — я должен был сесть в ней в позе лотоса. Иначе мое испытание было бы ненастоящим... Мне потом рассказали, что это было одна из самых последних бомбардировок Тибета. Через год его уже начали отстраивать и пускать туристов... тогда меня и откопали. Я провел в пещере ровно девять месяцев.

— Ужасно.... Но ты же... Ты должен был умереть с голода... — сказал Кузя.

— Я и умер, — согласился Федор, — А потом... родился. И еще раз.... И еще... Я же был Фениксом. А потом я попал в то Место.... Потому что моим Сокровенным Желанием было.... Не выжить.... Даже не отомстить.... И я даже не мечтал доказать свою правоту. После моего возвращения Совет Девяти был... Знаешь, как в плохом приключенческом романе — я, щенок, был прав, а они — слепы и так далее... На самом деле... Ни я, ни они... мы не сумели простить друг друга...

Федор смущенно замолк. Кузя сидел неподвижно, смотря на горящие свечи.

— Каким было твое Сокровенное Желание?

Федор отвернулся, затем резко втянул воздух.

— Перестать быть фениксом.

Кузя некоторое время молчал. Затем встряхнул головой:

— Не может быть. Бессмертные птицы, владыки огня.... И ты захотел стать человеком? Никогда больше не летать?

— Желание исполнилось. Я не человек — я ведьмак. Я перестал быть фениксом, став ведьмаком, а после того раза в сокровищнице я и ведьмаком быть перестал.... А летать... Я всегда плохо летал, а трансформировался — вообще беда... Перья только были... красивые...

Федор безнадежно махнул рукой. Кузя сидел, переваривая услышанное.

— Дед тебя очень любил... Ты был моим Связующим, когда он отдавал мне силу.... Но он никогда не обмолвился даже словом.

— Это была не его тайна. Теперь ты должен решить, доверяешь ли ты мне, как прежде? Если да, то я проведу обряд обнажения чувств, и ты сможешь попасть в место своего желания.

— У меня одно желание — спасти Всеславу. Я встречу ее там? — спросил Кузя.

— Нет. Она уже стала вампиром. Пока у тебя не будет средства вылечить ее, вам нельзя встречаться.

— Значит эликсир... — согласился Кузя, — Да, я хочу туда попасть.

— Дело не в том, чего ты хочешь. Дело в том, что ты можешь.

— Ты можешь прекратить говорить загадками?

— Хорошо, — согласился Федор, — Сможешь ли ты доверять мне как раньше? Сможешь ли ты закрыть глаза и расслабиться, зная обо мне то, что узнал сейчас?

— Я... Федь.... Знаешь.... Это просто низко! Что случилось такого, что я должен прекратить тебе доверять?!

Вскочил на ноги и ушел в другой конец комнаты.

— Что случилось? — риторически спросил Федор, — Ты только что узнал, что я уже один раз предал свою природу... Сядь. Успокойся. Не хотел тебя дергать еще и этим. Ты думаешь, я не понимаю, как тебе сейчас плохо? Я должен бы поддержать тебя, а я не нашел лучше времени, что бы рассказывать о своем прошлом.

Кузя вернулся и сел на стул. После непродолжительного молчания, он сказал.

— Я доверяю тебе. Всегда доверял.... Веди меня в это место.

— Я могу только показать тебе путь. Пойти ты должен сам, — ответил Федор.

— Значит, покажи.

— Хорошо. У тебя есть сандал?

— Палочки, дощечки или масло? — уточнил Кузьма.

— Давай палочки.

Кузя подошел к большому шкафу и начал в нем сосредоточенно рыться. Затем вынырнул с большим свертком в руках.

— Сколько тебе нужно?

— Да штучки три...

Кузя спросил, вытаскивая из свертка три палочки:

— Еще что-нибудь нужно?

— Маленькая жаровня. Нам нужно в погреб спуститься.

— В омшаник? — переспросил Кузя, зная по опыту, что Федор называет погребами все, что расположено хоть на пядь ниже уровня земли.

— Ненормальный. Это же черная магия.

Кузя от неожиданности уронил палочки:

— Как черная?

— Кузя, ты в уме? — удивился Федор, — Я позову Мать Тьмы.

Кузя вышел из ступора и, подбирая палочки, ответил:

— А... это не черная. Но... да, в омшанике делать нечего... Пошли в подвал. Там на такой случай место тоже есть.

— Не сомневаюсь. Михаил Петрович был человеком исключительного ума и понимал, что без Тьмы и Света бы не было.

Они пришли в подвал, по пути захватив жаровню. В подвале издавна было место, где начерчен обережный круг из двух окатедров.

Федор кивнул:

— Хорошее место.

Поставив жаровню в центр круга, он разжег огонь, зажег палочки. Протянул руку к Кузьме.

— Три волоса из головы выдерни.

Кузя выдернул волосы из головы и протянул их Федору. Тот, взяв волосы и, сжав их в правой руке, левой начал делать над огнем какие-то знаки, отчего пламя стало сначала синим, а потом вспыхнуло зеленым.

— Гилайя! — вскрикнул Федор и бросил в жаровню волосы Кузи.

Вокруг сидящих мужчин мгновенно сгустилась тьма. Когда тьма опала, они оказались в узкой комнате с полками на стенах. Полки были уставлены книгами и банками с разными травами, жидкостями и порошками.

Кузя, протирая глаза, сказал:

— Вот это да.... Где мы?

Федор задумчиво ответил:

— В месте, где мы найдем все необходимые ингредиенты. Я-то как сюда попал?

— А не должен был? — заинтересовался Кузя.

— Вообще-то, нет, — пожал плечами Федор, — Это же место твоего желания.

— Ну, значит, оно включало и тебя... — предположил Кузьма, — То есть оно, конечно, включало тебя... Федя! — он испуганно обернулся к врачу, — ... Я не помню рецептов!

— И что? — спросил Федор, затем указал на стол, — Вон на столе список. Смотри и собирай.

— А ты мне не поможешь?

— Конечно, помогу. Собирай один, а я другой. Вон видишь, маленькие пустые скляночки? В них и надо собирать.

Некоторое время двое мужчин искали ингредиенты в молчании, прерываемым бормотаниями типа — «почему усы леопарда — жидкость?» — «да потому, что перо какапо — вон те синие кристаллы».

Затем Кузя спросил, рассматривая список:

— Здесь нет крови. Совсем.

— Есть, — откликнулся Федор, — У меня в венах.

— У меня тоже есть кровь. Только я.... Ох, прости... Ты... можешь дать кровь для этого эликсира?

— Да, могу.... Так, все остальные ингредиенты у нас есть?

— Есть, — показал на ряд колбочек в корзинке на столе.

— Забирай корзину, и возвращаемся.

— Просто возвращаемся? И все?

— А что ты еще хочешь?

— Но мы должны поблагодарить... Мать Тьмы...

Федор улыбнулся:

— Это мы сделаем, когда вернемся. А сейчас мы просто вернемся. Бери корзину и просто закрой глаза.

Кузя закрыл глаза и услышал голос Федора:

— Лигейя!

Снова их подхватил мгновенный водоворот темноты и они вновь оказались в подвале.

Кузя крепко прижал к себе корзинку с ингредиентами.

— Протяни руку и коснись горящих углей, — сказал Федор.

Кузя протянул руку к жаровне, коснувшись еще не прогоревших углей. Огонь охватил руку ведьмака, но тут же погас. Кузя прижал руку ко лбу.

— Гилайя!

Федор улыбнулся:

— Теперь ты можешь научить еще кого-то...

— Мать Тьмы довольна мной, — задумчиво сказал Кузя, — Но ведь я же убивал ее детей?

— Чуть позже ты поймешь, почему, — улыбнулся Федор.

Глава 21.

В два часа у Федора была лекция. Поэтому, долго у Кузьмы он не задержался, а поехал в город. Простояв в пробках, еле успел. Когда прозвенел звонок, Федор подошел к двери в аудиторию, успокоил дыхание и войдя, безмолвно кивнул присутствующим. Привычно взошел на кафедру:

— Добрый день, дамы и господа, — сказал Федор, традиционно начиная лекцию, — Сегодня мы продолжаем тему приготовления препаратов для электронного микроскопа. Тема — «Красители». Для работы с мышечными тканями применяются следующие красители...

Федор читал лекцию, неторопливо размышляя о том, что было бы неплохо купить дом соседей Кузи и вообще переселиться в Петергоф. Петродворец, как он назвал его по старой привычке. Он уже объяснял Кузе, как его раздражает все время помнить названия городов, когда их постоянно переименовывают, но в подробности не вдавался. Кузьма, подходящий к сорокалетнему рубежу, остро переживал по поводу краткосрочности своей жизни.

Федор молчал и терпеливо наблюдал за тем, как его друг и, во многих смыслах, воспитанник, никак не может принять и смириться со сроками жизни, отведенными другим существам, хотя бы тем же вампирам. Доводы Федора, что, например, оборотни живут гораздо меньше людей, а вампиры вообще уже умерли, на Кузю почему-то не действовали. Он тут же отвечал, что ничего себе умерли, лопатой и то не сразу убьешь, а вот, например альвы, живут вообще вечно. На это Федор традиционно вопрошал, что где же он видел альвов-то? Кузя ответа не находил, ссылаясь на некие признаки, по которым можно было понять, что альвы в городе есть, но хорошо прячутся.

С этим Федор не спорил. Альвы в городе действительно были, Федор прекрасно их знал, но Кузьме об этом сообщать не торопился. Еще слишком молод. Жизнь приготовила молодому ведьмаку сюрприз, но сюрприз тем и хорош, что бывает неожиданно, и Федор не собирался портить удовольствие ни себе, ни Кузе.

Федор недавно откопал среди залежей своих исторических «ценных» бумаг свидетельство о рождении Михаила Петровича Кравченко, лета 1814 от рождества Христова. Сердечный приступ, оборвавший жизнь Михаила Петровича, случился с ним на 193 году его бурной и яркой жизни. Но Кузя не знал об этом. Об этом никто не знал, за исключением Федора. Если бы Петр и Людмила не погибли бы в тот страшный день в Черном Лесу, то и они жили бы так же долго, как и отец Петра, а до этого его отец.

С Питерскими ведьмаками вообще была целая история. Федор, в то время звавшийся как Фьод, очень рациональный и въедливый, особенно для, чего уж греха таить, бестолковых Фениксов, оказался в свое время в ее центре. Именно из-за того, что он умел брать под свой

контроль и доводить до логического конца разные ссоры и конфликты, на этом поприще Фьод весьма прославился.

Санкт-Петербург, несмотря на свой ранг столицы могущественного государства, востребован среди достойных детей Первой Матери не был. Сакральное место, на котором был основан город, забылось, и город стал местом паломничества самых различных детей Тьмы. Вскоре там начали происходить вещи, в других местах немыслимые и даже грозящие разоблачением для Первых. Совет Первой Тьмы обратился к Фьоду, в те времена уже жившему в Санкт-Петербурге, но ни в какие дела не вмешивающегося, помочь с наведением порядка.

Фьод заломил за наведение порядка такую цену, что Совет несколько недель молчал, видимо переваривал новости. Через неделю пришел ответ — все условия Фьода принимались, но Санкт-Петербург отходил ему пожизненно, как владение. Фьод обдумал ситуацию, попытался связаться с матерью и прочими родственниками, вразумительного ответа не получил и... согласился.

В июле 1713 года к царю Петру в Летний Дворец прибыла тайная делегация: два вампира, оборотень, некромант и, для вящего устрашения русского царя, два горных тролля. Петр немедленно принял делегацию. Он ожидал от «нелюдей» денежной и военной поддержки, но быстро понял, что ни того, ни другого не получит, если не примет безоговорочно все их условия. Больше всего споров вызвал не сам факт подчинения города странному существу, а, именно, личность будущего Хранителя города.

С Фьодом он был уже знаком, и новость о том, что теперь именно он будет командовать в его собственной столице, разъярила его. Правда, взгляда на двух горных троллей, мирно пасущихся на лужайке перед дворцом, хватило, чтобы охладить его пыл. Сквозь зубы он проговорил клятву о вечном мире с Хранителем, и, решив сделать хорошую мину при плохой игре, уже от себя, пожаловал Федору Беляеву имение под Петергофом, ранг полковника и наследственное русское дворянство, как подтверждение его немецкого дворянского происхождения. Фьод, а с жалованного дня Федор Беляев, за весь исторический вечер не сказавший ни слова, лишь бровь приподнял.

Первым распоряжением Федора по городу было введение в городе должности «штатного» ведьмака, с передачей ее по наследству. На формальное письмо полковника Беляева была дана совершенно великолепная резолюция, написанная рукой самого Петра: «Не спрашивая впредь и до сведения Нашего не доводя, заводить любую страсть Господнюю по своему благорассуждению, лишь бы нечисть бесстыжью под корень известь, корма же им выделить из сумм жалованья Хранителю положенного, отнюдь его не увеличивая». Федор, прочитав ответ, только головой покачал.

В тот же день он поехал к Светлейшему — Меньшикову. Он Федору до того был рад, что схоронился на псарне и носа не казал, пока дворянин Федор Беляев, просидев в гостиной три часа, не сказал добрым и тихим голосом, что ежели сей же час, пред его гневные очи не явится князь Меньшиков, то гореть здесь всему синим пламенем. Князь явился.

— Приветствую вас, Ваше Сиятельство. Я уж думал, придется мне псарню поджечь, а псов — жаль!

— Кофею не желаете ли, полковник?

— Не желаю уже, премного сыт и угощениями доволен. Жена Ваша — кладезь доброты и милосердия, угостила меня, чем Бог послал. Меньшиков кратко оглядел стол с остатками пиршества и понял, что послал в тот день Бог довольно много.

Беляев продолжил:

— Дело же у меня до Вас, вот какое.

Меньшиков подобрался.

— Желая я пропуск в полки, с тем, что бы отобрать из солдат парочку-троечку мужичков. Заберу я их, коли пригодятся мне, навсегда, так надобно их по леестру, как законно выбывших, списать. Бумагу я привез, извольте приложить руку к ней.

Федор достал сочиненный по всем правилам документ, Меньшиков от радости, что попросили о выполняемом деле, тут же его разрешил и опечатал.

— С тем, Ваше Сиятельство, позволю себе откланяться.

Меньшиков оказал ему немалую честь, проводив до порога. Боялся, как бы нелюдь не спалил чего в гневе.

В полках Федор пробыл недолго. Искомый солдат попался ему буквально сразу, как он поехал в кавалерийский полк. Полковник встретил его радушно, хоть и настороженно, чего это мол, столичной пташке делать в нашей деревне? Тут Федор совсем удивил бравого вояку, спросив, есть ли среди простых солдат те, кто или на свирели играют или рисовать и мастерить могут все, что по уставу и не положено? Есть один такой, почесывая в затылке, согласился полковник, все норовит из чего-нито дудочку сделать и дудеть в нее. Но с лошадьми, шельма, хорош! Федор захотел познакомиться со свистуном. Полковник кликнул адъютанта. Тот кивнул и прыснул прочь, будто оголтелый. Едва успели полковники выпить по рюмочке сорокотравчатой настоечки, как в дверь постучали, и адъютант явился, гоня тычками перед собой солдата.

Молодой русоволосый парень вид имел жалкий и запуганный донельзя. Адъютант уж постарался — объяснил служивому, что из самой столицы прибыл по его душу знатный проверяющий, что тех, кто в дудки дудит, ловит, да... Многозначительное молчание было гораздо страшнее всяких обещанных кар.

Получив еще один тычок, солдат вытянулся во фронт и довольно жалобно пробормотал:

— Солдат Алешка Скворцов явился по приказанию Вашей милости!

Федор кивнул головой и спросил:

— Ты на чем играешь?

— Я... Ваша милость... — солдат готов был сквозь землю провалиться. Вот так переделка! Из-за дудки к самому полковнику!

— Отвечай, когда тебя спрашивают! — рявкнул полковник так, что окошки задрожали.

— Не кричите... — мягко сказал Федор и, достав из внутреннего кармана мундира футляр, открыл его. Там лежала флейта-пикколо.

— Возьми ее. Попробуй что-нибудь сыграть.

— Боязно, барин, — совсем по-простому ответил солдат.

— А ты не бойся.

Алешка перекрестился, взял из футляра флейту, разглядел, что у ней как, примерился хорошенько, поднес к губам... Волны волшебной музыки поплыли от играющего на флейте солдата.

Заговоренная флейта дело свое знала. Ни звука не раздалось бы из нее, если бы не был парень наделен двумя дарами — ясным сердцем да чистой душою. Только они и требовались, для того чтобы в умелых руках учителя сделаться ведьмаком.

— Довольно! — резко сказал Федор.

Музыка замолкла. Полковник и его адъютант заморгали глазами, как проснувшись.

Алешка опустил голову и осторожно положил дивную дудочку в футляр, на синий бархат.

— Забираю его от вас, нечего ему тут делать, — Федор достал письмо Меншикова и протянул полковнику.

Через два часа Федор и его находка летели на тройке в Санкт-Петербург. Не знал еще Алешка Скворцов, в какую переделку попал. Когда узнал, уже поздно было — не мог он от музыки от волшебной никуда убежать, да и не осмелился бы... А потом уже и не захотел.

Своими силами наведя в столице относительный порядок, Федор принялся обучать нового ведьмака искусствам военным, бою, рукопашной, стратегиям, тактике, а также тому, что ему, как ведьмаку, знать надлежало — языкам, человеческим и не только, алхимии, аптекарству, медицине, физике. А кроме того, учил его магиям — боевой, белой, черной, всяким. Птицу на руку или ветер высвистеть, дорогу найти не плутая, нечисть чуют, клады открывать, да мало ли, что толковому ведьмаку знать надобно!

— Все так и учить?

— Все так и учи!

— Так я неучем и помру, тут две жизни надобно!

— Я те помру! Учи давай!

В 1723 году полковник Федор Беляев представил Алексея Петровича Скворцова приехавшего из Голландии, где тот изучал медицину и право, ко двору. Петру он понравился, даже не смотря на то, что представил его Федор. Унижения император не позабыл, но помнил и другое — как Хранитель Праги распорядился во дворце Австрийского императора. Поэтому, через месяц после представления Скворцова ко двору, был он пожалован личным дворянством за заслуги перед отечеством.

— Да каковы заслуги-то мои, государь мой, Федор? — озадаченно спросил Леша, когда получил гербовую бумагу с печатями.

— А таковы — сколько ты нечисти положил? А порядок в городе кто уже третий год блюдет?

— Так то, Вашими умениями, Федор, не моими!

Федор только рукой махнул.

С 1724 года Федор жил в имении, лишь изредка наведываясь в столицу. Все дворцовые перевороты, по причине лени, он пропустил, и даже не узнал бы о них, если бы каждый, кто не восходил на престол, не присылал бы ему гонца с письмом, где уверял в своей покорной преданности. Федор писал ответное письмо с уверениями в своей покорной преданности, после чего обычно в имение прибывал некоторый подарок от нынешнего государя. Федор взятку брал, но от комментариев уже воздерживался.

О начале правления Анны Иоанновны Федор узнал лишь через год, так как ни письма, ни взятки не было. В 1731 году его потребовали ко двору, угрожая в противном случае, лишить и званий, и содержания, и имений. Федор в письме сообщил, что приедет немедля.

В назначенный день, задолго до назначенного часа, императрица Анна Иоанновна и ее преданный наперсник сидели в уединенном покое Петродворца, ожидая человека, про которого они слышали довольно много странного и угрожающего. Императрица чувствовала легкое недомогание, причину которого она себе объяснить не могла:

— Может быть... Мы напрасно написали такое письмо... полковнику?

Бирон храбро, не смотря на бледность лица под париком, ответил:

— Это все сказки! Не может такого быть, что бы человек обладал такой властью!

Анна согласно покивала головой.

Назначенный час все никак не приходил. Императрица и фаворит ждали визитера. За окнами начало темнеть. Слуги внесли свечи и зажгли камин. Стемнело. Наконец часы пробили восемь раз.

— И где же он? — спросила Анна Иоанновна, внезапно осмелев.

И тут в комнате начали гаснуть свечи. Они гасли одна за другой и через несколько биений сердца комната погрузилась бы в полную темноту, если бы не камин. Но вот огонь в камине стал греть все слабее и слабее, пока не остались лишь красноватые точки угольков.

— Я здесь, Ваше Величество! — раздался голос, заполнивший все пространство комнаты.

В этот миг все свечи вспыхнули факелами, а камин исторг вихрь пламени. Казалось, все охвачено огнем. Императрица закричала, но ее слабый голос был не слышен в реве огня. И над всем этим раздался спокойный голос:

— Что Вам угодно приказать мне, Ваше Величество?

В центре комнаты образовался огненный водоворот. Из него вышел Федор, одетый в черный и золотой, по последней моде скроенный и безупречно сшитый, придворный наряд.

— Нет, нет, ничего! — замахала руками испуганная Анна Иоанновна.

— Не изволите ли оказать мне милость, допустить к руке? — точно таким же тоном, что и раньше, осведомился Беляев.

— Извольте, полковник... — императрица протянула руку, Федор по военному четко поклонился, подошел, коснулся, как предписывал этикет, губами высочайшей длани, галантно поклонился и вышел из комнаты вон. Лейб-гвардейцы безмолвно проводили его до дверей, где полковника уже ждала карета.

После того, как императрица отошла от сердечного вздрога, Федору, уже вернувшемуся в имение, был пожалован чин генерал-майора, от которого он вежливо отказался и два имения под Москвою из личных императорских, которые он любезно принял.

Правда, память у императрицы оказалась коротковата и в 1734 году семья Скворцовых была взята под арест. Последствия не заставили себя ждать. Через месяц после высылки ведьмачьей семьи за Федором послал сам Бирон. Федор сказался больным и никуда не поехал. Через три дня последовало новое приглашение. Его он тоже проигнорировал. Еще через четыре дня всевластный временщик приехал сам.

В тот момент, когда карета с фаворитом встала в воротах Беляевской усадьбы, на конюшенном дворе заканчивались приготовления к выезду на кабанью травлю. Десятка два охотников, загонные люди и собачьи своры издавали такой невообразимый шум, что фельдъегеря довольно долго не могли привлечь к кортежу обер-камергера никакого внимания.

Ворота, запертые, как райские врата, незаметно, но надежно, открываться не желали. Легкомысленная решетка, изящно ограждающая усадьбу от непрошенных вторжений, на поверку оказалась преградой непреодолимой. Пришлось кричать сторожа. Сторож же, обязанный по долгу службы находиться при воротах, нечувствительно утек принять участие в сборах на охоту.

Страсти перед вратами стали накаляться и, возможно, произошел бы некоторый эксцесс, но, к счастью для всех, Федору понадобились перчатки, которые, как он неожиданно вспомнил, он оставил в домике того самого сторожа. Сторож помчался искать перчатки, узрел нашествие, метнулся назад на псарню, где Федором был сгоряча обруган, во-первых, за то, что явился он без перчаток, во-вторых, за то, что плохо стережет ворота и, в

заклучение гневной речи, был послан эти самые ворота отворить.

Федор, покинув и псарню и охотников, еле успел незаметно улечься в постель и принять болезненный и сонный вид. Не самый малый подвиг, при шуме, царящем в усадьбе, но он блестяще справился с ролью.

Бирон вошел в спальню Федора, когда тот уже удобно устроился на подушках в огромной кровати и, как следует закопался под одеяло. На Федоре была батистовая ночная сорочка с итальянскими кружевами, а волосы убраны под сетку, потому лишь, что он терпеть не мог ночных колпаков. Некоторое несоответствие в костюме вносили охотничьи бриджи и сапоги для верховой езды, надетые на Федора, ведь времени их снять не осталось, но под пуховой периной их было тяжело заметить.

— Приветствую, Ваше Сиятельство, — слабым голосом сказал Федор, указывая на кресло рядом с остывшим камином.

— Приношу Вам, полковник, свои сожаления в том, что мешаю Вам болеть, — с усмешкой сказал временщик, — но кажется, Ваши домашние тоже не слишком печалются по поводу Ваших, несомненно, значительных недомоганий.

— Почему Вы так решили? — спросил Федор, поглубже закапываясь в подушки, — Мои домашние, наоборот, очень беспокоятся обо мне, а, зная, как я люблю свежий кабаньей окорок на Рождество, решили доставить мне удовольствие.

— Я вызывал Вас в Петербург, полковник, — уже более твердым тоном сказал Бирон.

— А я не припоминаю, чтобы находился на государственной службе. К тому же обучение в Академическом Университете прервано, я — частное лицо, — дружелюбно ответил Федор, затем добавил, — Присаживайтесь, герцог, вот кресло.

— Все мы служим Отечеству, — пафосно сказал гость, усаживаясь.

— Полноте, Ваше Сиятельство. Наши с Вами Отечества прекрасно без нас обходятся, — заявил Федор.

Это, конечно, было прямым оскорблением для фаворита, и у того заиграли желваки. Федор в обычном случае так никогда не поступил бы, но он был слишком раздражен всей этой историей с ведьмаками.

Сиюминутное раздражение Федора так же было велико — ведь охотники убрались прочь со двора, зная, что их ждет отличная добыча — егерь выследил двух огромных секачей, а ему теперь приходилось вежливо беседовать с царедворцем, из-за болезненного самолюбия которого вся история и произошла.

— Я действительно понимаю Ваш гнев, полковник, — неожиданно для самого себя, сказал Бирон, — теперь понимаю. То, что происходит в столице последний месяц — не поддается никакому контролю или лучше сказать... — он махнул безнадежно рукой, — Неужели только трое мужчин удерживали город от таких серьезных неприятностей?

— Нет, Ваше Сиятельство, — покачал Федор головой, — Не трое. Только один. Сыновья Алексея Скворцова, Вами сосланного в Сибирь, в помощники ему пока не годились, — Федор вылез по пояс из-под перины и подушек, чтобы покрасоваться итальянскими кружевами на ночной сорочке, значительно более богатыми, чем на парадном жабо канцлера, — Кстати, что со Скворцовыми? Вы, конечно, распорядились вернуть их, возратить им имущество и изрядно компенсировать весь тот урон, что семья потерпела из-за Вашей тупости?

— Распорядился... — сквозь зубы сказал герцог.

Весь этот разговор нравился ему все меньше и меньше. Не то, чтобы он рассчитывал на

слишком радушный прием, но это выходило уже за всякие рамки.

— А Вы, я вижу, совсем отвыкли от свободного разговора, — Федор ловко выдернул из плеча перо и точнехонько метнул его в камин.

Дрова вспыхнули, как от пороха. Взревело пламя. Гость вскочил на ноги. Через мгновение он спрятал свой испуг.

— Отвык! — и снова уселся в кресло, поближе к огню.

— Итак, Ваше Сиятельство, Вы изволили облагодетельствовать это ничем ни примечательное семейство, какова же потребность во мне?

— Потребность в Вас велика, полковник. Ибо это непримечательное семейство моих милостей не увидело!

Федор приподнял бровь:

— С ними что-то случилось?

— Все это семейство попросту исчезло, полковник! Они знали об аресте и заранее приняли меры!

— Не могу не согласиться с разумностью их позиции, Ваше Сиятельство...

— Пусть их найдут!

— Да? И кто? — Федор засмеялся, — Забудьте об этом! По поиску у нас как раз Скворцов и подвизался! — тут тон Федора стал абсолютно холодным и резким, как нож, — Теперь ясно Вам, что Вы натворили?

— Вам надлежит исправить создавшееся положение, — холодно ответил герцог.

— Мне? Надлежит? Ваше Сиятельство, несомненно, не хочет, чтобы я тоже исчез и тоже, совершенно бесследно?

— А если я захочу?

— Это будет последним желанием Вашего Сиятельства, — Федор махнул рукой и перед Бироном прямо в воздухе возник развернутый пергамент. Буквы его светились огнем, — Читайте. Но сначала — посмотрите на подпись.

Подпись Петра Бирон знал. Поэтому прочел пергамент молча, прочитав, встал, низко поклонился и, не сказав ни слова, вышел вон.

Через три дня в имение примчался очередной фельдъегерь с пакетом. Протягивая депешу, фельдъегерь потупил взор и сказал:

— Без ответа приказали не ворачиваться.

Федор разорвал пакет, взял лорнет и принялся читать. В пакете были — дипломы орденов Святой Анны первой степени, и Святого Владимира второй, дарственная на очередное имение на триста душ, выписка из конной канцелярии, что в дар полковнику Беляеву в его подмосковное имение отправлено арабской породы жеребцов по описи 10, кобыл 30. А также была там маленькая коробочка и записка, написанная рукой императрицы.

Еще там были бумаги, предназначавшиеся не для Федора, а для личного дворянина Алексея Петровича Скворцова.

Федор прочел эти бумаги, поднял взгляд на мнущегося у стола посыльного и сказал:

— Приеду.

Тот обрадовано встряхнулся, отдал честь и был таков.

Федор отложил лорнет, надел пенсне и начал что-то писать. Не отрываясь от письма, позвонил в колокольчик. Вошел управитель.

— Лешку ко мне, — сказал Федор, не поднимая головы. Управитель исчез из кабинета,

в дверь постучали. Лешка явно ждал за дверью.

— Заходи.

В комнату вошел Скворцов.

— Что на пороге застрял? — спросил Федор, указав пером в кресло.

Алексей прошел и сел на краешек. Федор продолжил писать.

— Отошлете меня? — спросил Алексей.

— Отошлю.

— Никак нельзя...

— Можно! — рявкнул Федор, — Я тебя просто так отсылаю, на чертовы кулички?!

Потому что надоел ты мне, наверно?! Что ты глупости спрашиваешь?!

— Простите, — понурился Алексей.

— Извини, не обижайся, — поднял глаза от писанины Федор.

Воцарилось неловкое молчание. Федор закончил писать, запечатал письма и протянул его и документы, пришедшие из императорской канцелярии Алексею.

— Вот твои бумаги, собирайся. Едешь за семьей в Прагу, оттуда в Испанию. Вот письмо архиепископу Толедскому. Вот письмо к толедскому купцу Хоакину Рибейре. Вот еще одно письмо. За ним придут, искать никого не надо. Обустраивайся там и живи. В Толедо сейчас нет своего ведьмака.

— А... город? — непонятно о чем спросил Алексей.

— Ну... буду искать другого, — правильно понял вопрос Федор.

Алексей вздохнул.

— Далеко-то как...

— Ну все, Леша, с Богом. Долгие проводы — лишние слезы.

— Вы... будете приезжать?

— Конечно, буду. Ну, не каждый год, но буду. У меня же в Толедо... много чего. Деньги у купцов, дела идут. Я же тебя не просто так выгоняю.

Алексей вздохнул, набрал воздуха в легкие что-то спросить, но пересилил себя, промолчал. Федор терпеливо ждал. Алексей поднялся, кивнул на прощание, дождавшись ответного кивка, ушел. Федор несколько минут сидел в кресле, вертел в руках перо. Капля чернил упала на кружевную манжету. Федор дернул головой, поднес перо к испачканному месту, и капля без остатка перелилась из манжеты в перо. Федор бросил перо в чернильницу. Затем снова позвонил. Вошел дворецкий.

— Невидимку вели седлать.

Дворецкий удалился, не проронив ни звука. Федор еще некоторое время сидел за столом, затем подошел к большому книжному шкафу и снял с разных полок три книги. Затем с еще одной две книги сразу, а на их место положил снятые до того. Шкаф с тихим скрипом начал поворачиваться, открывая в стене узкий проход. Федор, не дожидаясь, когда проем в стене откроется полностью, вошел в темное отверстие между стеной и шкафом и начал спускаться вниз по невидимым из кабинета ступеням. Вскоре он исчез в темноте тайной лестницы. Шкаф, некоторое время постояв открытым, так же неторопливо начал закрываться и встал на место.

Федор шел в полной темноте по подземному коридору, мимо окованных железом дверей и отходящих в стороны коридоров. Дойдя до нужной ему двери, он некоторое время стоял в раздумьях, затем постучал. За дверью раздалась возня, затем топот множества маленьких ножек. Потом раздался звук отпираемой задвижки, и в темный коридор

просочилась полоска света.

— Зачем пришел?

— Хочу поговорить.

— Можешь зайти.

Федор толкнул дверь и вошел в низкую келью, всю уставленную книгами и ретортами с разноцветными жидкостями. На пороге стояла маленькая сгорбленная фигурка в рясе с надетым капюшоном.

— Азог Зихро ин когга, — сказал Федор перешагивая порог.

— Когда-нибудь ты забудешь это сказать, — усмехнулся хозяин кельи.

— Я знаю. Я помню условие.

— Ты помнишь... Ты такой взвешенный и рассудительный... Все помнишь, но я тоже слежу за тобой...

— Прямо отсюда?

— Ты же знаешь, что я могу...

— Прямо сейчас я не знаю, кто передо мной.

— Ха! — существо сбросило капюшон. Под капюшоном оказалась серая крысиная морда. Усы на ней нервно шевелились.

— Кормил друзей?

— Ты не запрещал их кормить.

— Крысы со всей округи живут у меня в деревне. Мне — все равно, ты — им печенья крошишь, а они обжирают поля.

Воцарилась натянутая тишина. Затем Федор спросил:

— Хочешь, я тебя отпущу?

Крыса вздрогнула и попятилась от Федора.

— Чего ты хочешь?

Федор достал из кармана коробочку, что привезли с письмом императрицы.

— Ты вернешься в Петербург и найдешь серьги, что лежали в этом футляре. Отнесешь хозяйке, так, что бы она тебя не видела. Потом зайдешь к Хозяину Псов и скажешь ему, что я поехал за ведьмаком для этого города второй раз. Еще скажешь, что в третий раз я, пожалуй, сначала, сдеру с него шкуру, а после, из его башки сделаю миску и подарю ее Отцу Котов.

Крыса молчала.

— Прежде чем ты уйдешь, мы поклянемся не вредить друг другу, — добавил Федор.

— Ты мало просишь, это плохо.

— Я прошу столько, сколько ты можешь дать, Отец Крыс. А вреда ты можешь мне причинить очень много. Ты знаешь это, — Федор протянул руку к крысе. Крыса протянула лапу Федору и они обменялись рукопожатием. В тот же момент за их спинами появилось и погасло два зарева — синее со стороны крысы, золотистое — со стороны Федора.

— Теперь — ты свободен.

Федор повернулся и вышел из кельи, плотно закрыв за собой дверь. В той же самой темноте он пошел вперед, прочь от кабинета, в глубину подземелья. Вышел он в шагах ста от конюшни, где в тот самый момент разворачивалась баталия — Невидимка искренне не желала, что бы ее седлали, и выражала это всеми доступными ей средствами — пиналась новенькими подковами и кусалась здоровенными кривыми клыками. Подков было много — шестнадцать, по одной на каждый коготь, к тому же она ловко сжимала когти в «кулак» и поддавала уже им. Конюхи летали вокруг нее, как мухи.

— Это что за! — рявкнул Федор.

Невидимка отпустила очередную жертву и рысью подбежала к хозяину, по-собачьи виляя раздвоенным хвостом. Змеиные головы на хвосте приветливо зашипели.

— Ты чего безобразия творишь? А?

Невидимка тут же приняла «обычный» вид — высокой арабской кобылы соловой масти с лилово-карими глазами.

— Седлайся и едем! Нечего тут разговаривать! Что это ты за неподobie развела?

Кобыла засопела и ткнулась в руку хозяина. Федор погладил ее по холке.

— Иди, иди. Поедем сейчас. Эй, вы! Седлайте!

— Барин, воля Ваша, а как эту нечисть седлать, когда она всех перекусала! — взмолился главный конюх.

— Седлайте, она смирная теперь.

Через четверть часа, под неусыпным взором Федора, Невидимка была оседлана. Федор вскочил в седло и пустил Невидимку галопом. Скакали они до самого вечера, а потом, когда стемнело, Федор наклонился к холке своего скакуна и скомандовал:

— Полетели!

Невидимка фыркнула, радостно заржав, оттолкнулась мощными задними ногами от земли, прыгнула, взвилась в воздух и длинными оленьими скачками понеслась по воздуху, а затем и вовсе полетела над верхушками деревьев, плавно покачивая ногами и хвостом.

Федор уселся поудобнее, на широкой, как скамья, спине, и, достав из седельной сумки письменные принадлежности, принялся что-то сочинять при свете луны и звезд. Так за приятными занятиями Федор и Невидимка летели до рассвета. Как рассвело, они снова перешли на конский бег, а как только стемнело, вновь взвились в воздух. К утру Федор был в одном из своих малоросских имений, явившись, как снег на голову, управителю. Скакуна своего он сам отвел в стойло, и, пока шли, сказал:

— Будешь здесь шутки свои чинить — шкуру живьем сдеру.

Невидимка фыркнула, зная, что Федор только пугал, но на заметку хозяйские слова приняла.

В имении Федор собирался пробыть ровно столько, сколько требуется для поисков нового ведьмака. Глаз пока ни на кого не упал, и три дня он провел, собирая разные травы, что на Севере не растут. И, хоть сейчас была зима, но многие потребные травы были в нужной кондиции для Федоровых дел. Узнав, где летом росли володушки, он пошел собирать их корневища. Пройдя пешком с три версты, он неожиданно свернул в лесок и пошел напролом в самую чащу. Шел он, правда, не долго — несколько минут хода, и он почувствовал чертову поляну, тут же направившись к ней.

На поляне была весна. Вокруг нее стояли березки, перешептываясь молодыми листочками, высокая зеленая трава кой-где пестрела весенними цветами, с лепестками прозрачными, как бабочкино крыло. Бабочки здесь тоже водились в изобилии, за ними с верезгом летали скворцы. А еще на полянке был парень лет шестнадцати. Он кормил белку, сидевшую у него на плече и совершенно не обращал ни на что внимания.

— Кто таков будешь? — бесцеремонно спросил Федор.

К удивлению Беляева, парень не испугался, а посмотрел на Федора с удивлением:

— А Вы кто будете? Я здесь всех знаю.

— Я? Здешний помещик.

Парень засмеялся:

— Ага! Ваша милость из столиц к нам пожаловали? По ведьминым полянам шастать? Я ведуна за версту учую!

— Чуешь сейчас?

— Отож, — кивнул парень.

— А на помещика не похож, сталбыть?

— Неа.

— Как звать-то тебя?

— Петро. Кузнецовым сыном. А то и ведьманом кличут. Выбраться-то на дорогу, Ваша милость сможет? Аль помочь?

— Выберусь.

— Добре, — кивнул Петро и как в воду канул.

Федор посмеялся и направился в центр поляны. Очутился в другом ее конце. Пошел еще раз. Снова мимо. За спиной раздался смешок мальчишки. Федор усмехнулся и закрыл глаза. Увидел чертов, ведьмин по-здешнему, узел, рассмотрел его, увидел мальчишку, увидел, что его собственные ноги крепко оплетены нитями этого узла, ловко перебросил их на Петра, открыл глаза и, не торопясь, ушел с поляны.

— Счастливо оставаться! Выберешься, приходи в усадьбу, потолковать хочу! — крикнул Федор уже издали.

Вечером в усадьбу пришел кузнец и о чем-то долго толковал с управителем. Управитель бранил кузнеца и пытался прогнать, но кузнец твердо стоял на своем. На шум перебранки, что велась шепотом, что бы не потревожить барина, вышел Федор.

Ни управитель, ни тем паче кузнец, не знали, что Федор слышал, как мыши в саду шуршат, а уж человеческие голоса понимал, если хотел, на версту вокруг.

— Что стряслось?

— Ничего, Ваше Сиятельство, не стряслось, кузнец, дурак, со своими глупостями явился!

Кузнец, на голову возвышавшийся над Федором, стоял с опущенной головой, теребя в руках шапку.

— Петро из лесу вернулся? — спросил Федор.

Потрясенный кузнец поднял глаза на Федора:

— Ваша милость ведьмачонка маво в лесу видали?!

— Ты как разговариваешь с барином, скотина?! — налетел на него приказчик, но Федор небрежным жестом велел тому умолкнуть.

— Видел его в лесу. Он до сих пор не пришел?

Кузнец только затряс головой, нет, мол, не вернулся.

Федор повернулся к управляющему.

— Невидимку вели седлать.

Невидимку оседлали мгновенно. В этот раз, твердо предупрежденная Федором, кобыла не показывала своей истинной природы.

Выехав из ворот усадьбы, Федор пустил кобылицу в галоп:

— Чертово место чуешь?

— Чую. Разбудил ты лихо, хозяин.

— Что там?

— Лешак проснулся, болотника разбудил. Мне куда — на поляну или человека из трясины вытащить сначала?

— Сначала человека, — согласился Федор, ругательски ругая себя за то, что не проследил за тем, что делал мальчишка, чтобы освободиться от чертовых пут.

Петро ухитрился зацепиться за огромную поваленную ель, что росла на краю большой вадьи, куда завел его болотник. Федор соскочил с Невидимки и приказал:

— Вытащи его!

Невидимка встряхнулась, стала ниже, шире, стала похожа на смесь пантеры и ящерицы, отрастила себе пару рук и, ужом скользнув по еловому стволу, ловко выдернула паренька из болотной жижи. Та только чавкнула смачно, но добычу отдала. Невидимка скользнула обратно к Федору и бросила мальчишку около его ног. Федор протянул к нему руку:

— Поднимайся!

Петро взял протянутую руку и, пошатываясь, встал.

— Благодарствую.

— Не стоит. Как же ты так заплутал? Я думал, ты справишься.

— Ваша милость четыре нити накинули. Я больше трех никогда не развязывал.

Федор понимающе кивнул.

«Ведьмины» или «чертовы» нити, завязанные в узлы, составляли основы таких мест. Три мира, не перемешиваясь, мирно сосуществовали параллельно, в виде единого целого, держась друг за друга вот такими узлами. В принципе, для Федора было достаточно просто с этой поляны перейти в мир Первых или подняться в Верхний. Федор с интересом смотрел на мальчишку, который понял принцип работы этого сложного механизма, ориентируясь только на свою интуицию и магическое чутье.

— Пойдешь ко мне в ученики?

Петро весь подобрался и, исподлобья посмотрев на Федора, спросил:

— А разве ты возьмешь, раз я от чарусника не ушел?

— Возьму. Я же тебя учить беру, а не у тебя учиться.

— Пойду, коли Ваша милость не шутит.

— Уж какие тут шутки.

— Пойду.

Федор кивнул и махнул Невидимке:

— Поехали!

Невидимка подошла уже в форме кобылицы. Федор посадил Петро на круп, вскочил в седло, и они помчались в имение.

У легкого на подъем Федора два дня ушло на то, что бы по всем правилам составить и оформить бумаги для семьи Петра Кравченко. Он давал им волю, переводя в купцы второй гильдии, и дарил пятьдесят десятин земли. Свое решение о купечестве он объяснил просто:

— Мальчишку в университет отдавать. А он кто? Крестьянин?

Кузнец только кланялся барину в пояс, трясясь от страха, что тот сейчас засмеется да скажет, что это он пошутил так, весело. Понять, за что ему через старшего, помещанного сынка, такой прибыток, кузнец не мог, да и не пытался. Мало что у барина в голове? Уложить бы в своей башке, что он, жена, трое его сыновей и дочка — теперь вольные да богатые.

Через три дня Федор и его новый ведьмак, будущий прадед Кузьмы, отправлялись в Санкт-Петербург.

Федор встряхнулся и прогнал видение памяти.

— При необходимости, процедуру окрашивания препарата можно повторить до восьми

раз. Прошу вопросы.

Студенты зашуршали, находя нужные вопросы и задавая их по мере своих сил. Федор ушел, вполне довольный сегодняшней лекцией.

Глава 22.

Большая комната в полуподвале дома Кравченко испокон веков была определена под алхимическую лабораторию. Она была обставлена старой мебелью вперемежку с дорогим лабораторным оборудованием. В одном стоял углу небольшой, но очень изящно сделанный перегонный куб над алхимической печью, облицованной зелено-синей плиткой.

На одной из стен висели полки из темного дерева. На одной из полок стояли тигли, на другой — лежали пилки, костяные заготовки, деревянные болванки и прочие мелочи для резьбы по кости. На третьей полке плотно стояли банки с какими-то травами, подписанными висящими ярлычками. В большом шкафу, у другой стены, стояли старые книги, нужные здесь больше, чем в библиотеке.

В комнате стояло два стола. Один стоял под окном, что располагалось у самого свода потолка. На нем всегда, сколько помнили и Федор и Кузьма, висилась гора книг, ровным слоем были навалены миски, плошки, реторты, кристаллы, жеоды, доски с энтомологическими коллекциями и гербариями.

Второй стол всегда стоял в центре комнаты. Он был чисто выскоблен, на нем аккуратными рядами стояли в несколько рядов колбы с добытыми ингредиентами, разложены химические реагенты, расставлена лабораторная посуда и инструменты. В центре стола располагалась жаровня на высоких ножках, справа — одноплечные весы с очень тонкой шкалой. Три реторты на высоких ножках стояли с другого края стола. Там же стояли фарфоровые ступка с пестиком, водная баня и обратный холодильник. Справа лежал написанный от руки листок бумаги.

Федор зашел в комнату, и, окинув одобрителем взглядом стол у окна, спросил:

— Ты когда-нибудь стол убираешь?

— А там порядок, — пожал плечами Кузя, — Все на своих местах. Если я сейчас разберу на столе, то ничего не найду еще полгода.

Федор понимающе кивнул:

— Как у меня. Ну, приступим?

— Приступим. Бери ступку, растирай шалфей.

— Сколько? — уточнил Федор.

— Сколько рука возьмет. Нужно не меньше четырех каратов перетертого в пыль порошка.

— Весь или траву? — еще раз уточнил Федор.

— Весь.

Федор подошел к полке с банками, взял одну из них, подошел к столу, достав несколько травинок и тщательно их разломав, бросил в ступку. Затем он закрыл банку и отнес ее назад на полку. Вернувшись, начал растирать траву в порошок.

Кузя в этот момент разжег огонь в печи под перегонным кубом, зажег огонь под жаровней, налил из большой бутылки прозрачную жидкость в две большие чаши, и поставил их на стол.

— Будем делать сразу оба, — сказал Кузя.

— Да мне-то, хоть три... — пожал плечами Федор, — Я очень посредственный фармацевт.

— Ха, а я вообще не фармацевт. Я — палеонтолог, ты помнишь?

Федор, сосредоточено растирая траву в ступке, укорил своего молодого друга:

— Кузя, ты зря к словам придираешься... Ты в своей жизни сколько зелий сотворил? А я только в мединституте препараты составлял.

— А... дома?

— А придворные алхимики на что? Вот уж чему меня не учили, так это алхимии. К счастью... Ладно, в пыль, это как?

— Никогда не убирался? Пыль не видел?

— Остряк. Может, это аллегория какая.

— Я этих аллегорий от тебя столько натерпелся! Каждое второе слово — аллегория. Так, теперь слушай, тут инструкция, когда будем делать, нужно молчать, аки пни. Ни звука. Я себе рот всегда завязываю.

— А мне так кляп надо вставить. Я обязательно что-нибудь скажу.

— Прочти еще раз, полную расшифровку на человеческий язык...

— А за каким хреном я шалфей в пыль перетираю? — возмутился Федор, — Там же про него ни слова?

— А пыль с безоарового камня чем собирать будем?

— Пылью шалфея?

— Именно. Это был первый рецепт. Теперь второй.

— Тот, что черт-те с чем?

— Именно, — согласился Кузьма, — Читай.

Федор кивнул, пробегая глазами документ. Кузьма вполголоса бубнил рецепт по своему экземпляру.

— Как только отвар станет черного цвета влить в настой семнадцать капель, — тут Кузя запнулся, — крови сироты потерявшего мать и не знавшего отца, и добавить сок из нашинкованных листьев вербены, — некоторое время Кузьма тоже читал молча, — Если зелье станет прозрачным, то все получилось как надо.

— Если нет, пропали ингредиенты? — оптимистически спросил Федор.

— Именно. Поэтому я и разделил на пятьдесят частей каждый ингредиент. Хоть раз да получится.

— Хм... Мудрый ты...

— Предусмотрительный, — поправил друга Кузьма. Так. Теперь начинаем работу. Руки бережем, как только тебе что-то не нравится, окунаешь их в эту воду. Она поможет. Вот повязка — завязать рот.

Кузьма показал на две ленты, лежащие на краю стола.

— Вообще-то должно получиться, — подбодрил друга Кузьма. Сознание того, что он хоть что-то делает лучше, чем Федор, наполнило его какой-то собственной значимостью, — Здесь нет сложной палеогинезии...

— Ты слова-то поцензурнее выбирай? Я вообще терминов не помню. Это же когда было... Последний раз меня пытались чему-то научить лет пятьсот назад...

Кузя хихикнул:

— И?

— Пожар потушили, — ответил Федор, помолчав добавил, — Через три дня.

— Врешь ведь! — захохотал Кузьма.

— Да нет... Ну, может, через два... Но день горело синим пламенем и тушить начать не

было никакой возможности. Хорошо, хоть на отшибе все это стояло.

— И?

— Мамы в тот момент не было, к ее приезду уже построили новую башню, а алхимику я новый дом подарил в городе, так что она меня даже похвалила за то, как я хорошо о замке и подданных забочусь. Кстати да, хорошая лаборатория получилась, там новые разные штуки я поставил. Все алхимики придворные в экстазе были. Но это все так... мелочи. Ты мне объяснишь, что за слово ты вымолвил?

— Обязательно, — кивнул Кузьма, — Палингенезия — алхимический термин, означает созидание души эликсира.

— Так что нам повезло, не придется еще и душу созидать?

— Да, — кивнул Кузя, не совсем понимая, куда клонит друг.

— Я разочарован. У нас будут бездуховные эликсиры...

— Да, кляп реально необходим, — вздохнул Кузьма, — Значит так. Пыль получилась?

— Вот, смотри.

— Годится, — кивнул ведьмак, — Смотри — вот ступка для размельчения рога тритона. Когда начнем действовать — будешь его толочь. Ясно?

— Ясно! — после этого слова они взяли широкие плотные ленты и завязали друг другу рты.

Кузя, взяв безоаровый камень, положил его в центр куска черного полотна. Посыпав его порошком шалфея, тонкой кисточкой начал совершать осторожные круговые движения. При этом от камня начала подниматься струйка пыли и под "командованием" кисточки падать на весы. Маленький водоворот пыли становился все слабее, но Кузя подсыпал еще порошкового шалфея, и поток вновь усилился.

Федор в это время сложной многочленной ступкой растирал в пыль рог тритона. Когда результат его удовлетворил, он протянул ступку Кузе. Тот отрицательно замотал головой — мельче! Федор продолжил перетирать пыль.

Кузя аккуратно пересыпал с весов в специальную чашу пыль безоарового камня, добавляя в нее несколько крупинок из колбы, стоящей на столе. Посмотрев на Федора, сделал ему знак — давай! Федор протянул ему ступку — Кузя взял рог тритона и тонкой стружкой насыпал в чашку. Вспыхнуло жаркое пламя, и Кузя, тут же, накрыл чашу крышкой.

Они работали в течении нескольких часов, общаясь только знаками. Первый эликсир оказался готов довольно быстро, Федор укутал его и поставил в специальный горшок, что бы тот томился.

Затем они, перейдя к печи, начали варить ингредиенты, необходимые для второго эликсира. Несколько раз у них ничего не выходило, эликсир прозрачным делаться не желал. Удалось это только с шестой попытки.

Они посмотрели друг на друга, усталые, но довольные и сняли повязки.

— Ох! Кажется... — Федор сладко потянулся.

— Это точно! — согласился Кузьма, — Пошли обедать.

— Ужинать, — Федор указал на окно.

За окном уже сгустились сумерки.

— Обедать и ужинать.

— И в душ!

— Вот те раз! А сауна на что?

— Да! Забываю, что у тебя люкс!

— Вот именно! — приосанился Кузьма.

По дороге на кухню Федор включил мобильный. Тут же раздался звонок.

— Слушаю.

— Федор Михайлович! — раздался голос Лидии Алексеевны, старшей медсестры отделения, где сейчас лежал Леня, — Это из реанимации. Спиридонова решено отключать. Завтра с утра. Вы просили предупредить, если что...

— Спасибо, Лидочка... Я... решу...

Закрыв телефон, трясущимися руками попытался засунуть его в карман. Получалось плохо.

— Что случилось? — Кузя тревожно посмотрел на друга.

— Леньку отключают завтра с утра... — Федор закрыл глаза.

— До утра не остынет... — задумчиво ответил Кузя.

— Ты с ума сошел? Черт знает, что мы сотворили, а ты хочешь это попробовать на Лене? — Федор возмущенно уставился на друга.

— Ты думаешь, может быть значительно хуже? — резко спросил Кузя.

— Ничего я не думаю! — отмахнулся Федор, — до утра бы успеть.

Ранним утром Федор и Кузя зашли в палату к Леониду. За дверью осталась встревоженная медсестра. Федор сделал успокаивающий жест и зашел внутрь. Плотно закрыл за собой дверь. У кровати Лени, на стуле, крепко спала Оксана.

Кузя вопросительно посмотрел на Федора. Тот спокойно кивнул головой. Хотел бы он чувствовать в этот момент такое спокойствие!

— Ну, Господи, благослови! — перекрестился Кузьма.

— С Богом, — вздохнул Федор.

Кузя достал из кармана халата уже заряженный одноразовый шприц и сделал Леониду укол. Затем он аккуратно спрятал шприц в карман. Некоторое время, показавшееся друзьям вечностью, ничего не происходило. Затем у Леонида выровнялось давление, стабилизировались сердечные сокращения, он начал самостоятельно дышать. Медленно открыл глаза.

Увидев Федора и Кузьму, он зашевелился, пытаясь что-то сказать. Федор придавил его губы пальцем.

— Даже не думай ничего говорить! Просто лежи! Все теперь будет хорошо! Спи! Оксана здесь, с ней все в порядке...

Леня одними глазами повернулся к Оксане, посмотрел на нее, глубоко вздохнул, веки его отяжелели, он попытался бороться, но не смог, закрыл глаза. Через несколько мгновений его дыхание выровнялось, он заснул. Федор выключил аппарат и посмотрел на показания приборов. Пульс, сердце, легкие были стабильны. Федор и Кузя тихонько вышли.

В кабинете для занятий по гистологии было все как всегда. На стенах висели плакаты с разными клеточными тканями. Десять студенток сидели за лабораторными столами, каждая смотрела в свой микроскоп. Федор неторопливо прохаживался между столами, полностью на автопилоте, проговаривая очередную порцию теории нынешнего практического занятия:

— Артериолы, в свою очередь, отличаются характерной исчерченностью стенок. Она обусловлена ядрами гладких мышечных клеток, которые лежат поодиночке и как обруч обхватывают сосуд. Светлые, удлиненные, расположенные вдоль оси сосуда клетки — это клетки эндотелия. На препарате вы должны ясно заметить места отхождения капилляров от артериол и места впадения капилляров в вены. Между сосудами видны ядра рыхлой

волокнистой соединительной ткани.

Зазвенел звонок. Студентки даже не шелохнулись, ожидая новой порции мудрости из уст доктора.

— Необходимо научиться различать эти три типа мелких кровеносных сосудов... — бестрепетно продолжил Федор, — Все свободны. До следующей встречи по расписанию. Через два практических занятия у вашей подгруппы зачет... Я буду безжалостен.

В ответ на это раздались сдавленные смешки. Федор только рукой махнул и вышел из кабинета. Студентки, не спеша, прекратили наблюдения, и потянулись сдавать препараты.

Когда, после занятия, Федор зашел на кафедру, у окна, у огромного аквариума с рыбками, стояла Алла Александровна, тоже преподавшая гистологию в университете.

Эффектная, давно уже не молодая женщина, она тщательно скрывала свой возраст и даже Федор, знавший ее уже лет сорок, не имел представления о том, какой же именно юбилей празднует она каждый год. Она мрачно курила сигариллу на длинном мундштуке, сбрасывая пепел в аквариум.

— Алла Александровна! Ты думаешь, они от этого подрастут и их можно будет съесть?

— Ага! Минеральная подкормка. Вот я понимаю у них — жизнь.

— Скучно им...

— Да уж, скучно! Пушкин подрался сегодня с Диогеном и откусил ему полгубы. А Кант сдох и кончил бы свой жизненный путь в жизнь в унитазе, но патологи утащили его для вскрытия. По-моему, они просто извращенцы... Вскрывать рыбку, просто зверство.

Федор, мрачно кивнул, и, разглядывая рыбок, сказал:

— Ага! И заразил Гегеля глистами! Герцена я советовал бы отсадить от остальных!

— Это еще почему?

— Спит все время. Подслушивает, что другие рыбки бормочут... Не иначе воду замутить задумал. Ему нужны витамины, да и лишние глисты ему не нужны, революции тоже...

— Это что... Блаватская опять беременная!

— Вот интересно, от кого! Они же все разных видов...

— Кто бы знал! Мутантов каких-нибудь родит...

Алла, отвернувшись от рыбок, посмотрела в окно и озадаченно сказала:

— Ой! Я, кажется, схожу с ума! Посмотри, Федор Михалыч! Только недавно Паша оперировал спецназовца в больнице, которого доставили из Чечни, того обгорелого, помнишь? Ну, того, у которого нет родственников... Так он умер с неделю назад... А вот его брат!!! Странно! И шрам, и родимое пятно на лице такое же, вон он в группе ОМОНа идет, причем сюда! Федь, что-то случилось!

Федор обеспокоено выглянув в окно, витиевато выругался, а затем позвонил на проходную:

— Леночка! За мной пришли... ОМОН видишь... ну в общем... задержи их, ага?!

— Так! Минут десять хватит?! — спросила невозмутимая Елена Владимировна.

— Спасибо! — ответил Федор.

— Подземный ход между корпусами недавно раскрыли... — небрежно, как о погоде, сказал Алла.

Федор кивнул и бросился прочь с кафедры.

Федор пробирался сквозь горы мусора. Он торопился, зная, что Кузьма, возможно, находится еще более в затруднительном положении. Чертыхался, периодически натываясь

на горы строительных отходов. Он беспокоился за Ирину и Кузьму. На себя ему было глубоко наплевать. Наконец, он увидел дверь. К неожиданности его, дверь с грохотом открылась и Федор увидел тех, кого вовсе не хотел даже вспоминать. Перед ним стояли три огромных, заросших и вонючих до омерзения, бугая. За их спинами маячили еще несколько странного вида созданий. Сердце у Федора екнуло — это были чаньша, так хорошо знакомые ему по сокровищнице Яньло-вана.

— Опаньки! Сам явился!

— А Вы, милейший, уверены, что нужен Вам именно я? — ответил Федор с легкостью которую вовсе не ощущал.

— Ты, умник!!! Бери его, Сыч! — рявкнул вампир, стоящий сзади.

Федор отступил на шаг и точным движением ноги поднял с пола огромную железную трубу.

— Так... Потанцуем???

— Слушай, он, похоже, живым не хочет!

— Не велено трогать! Трупом нельзя!

— Ну, ладушки! Значит приволокем почти труп! Ну-ка ребятки...

Сыч сделал знак стоящим сзади чаньши. Вампиры расступились, давая дорогу китайским «гостям». Они придвинулись к нему, и Федор почувствовал мгновенную дурноту.

— Где вы нашли этих... тварей? — спросил он, не надеясь на ответ.

Чаньши в черных одеяниях зашипел:

— Мы сапомнили... твой сапаххх...

— Вас же всех перебили в гробнице?

Чаньши в красных одеяниях захихикал:

— Не фсеххх... Кое-кто остался... — затем грустно просвистел, — Шшшаль не мосем тея упитгть...

— Но я-то могу! — ответил Федор.

Резким движением вперед он пробил насквозь первого чаньши в область солнечного сплетения, одновременно ударив ногой второго по руке. Первый чаньши повис наколотый на трубу и тут же истлел, утратив все запасы энергии. Оставшийся быстро вскарабкался по стене и пополз по потолку, пытаясь зайти Федору за спину, врач повернулся за ним, в этот момент Сыч попытался двумя прыжками приблизиться к Федору. Беляев был начеку и как только Сыч оказался в зоне досягаемости, сразу же получил плашмя трубой по голове. Вампир упал, придавив двух своих подручных. В образовавшейся куче-мале им стало не до Федора, и тот мгновенно переключил свое внимание на чаньши сидящего на потолке, подхватив, уже изрядно погнутой трубой, с пола кусок бетона. Поймав его в левую руку, Федор аккуратно послал его в лицо китайскому чудищу. Голова монстра просто перестала существовать.

Удар Федора опоздал меньше, чем на мгновение — чаньши уже выпустил энергетическую ленту, хотя уже сам был мертв. Его оболочка, уже падая с потолка, зацепила несколько ржавых труб, крепившихся на своде. Они упали прямо на Федора, сразу после того, как его поразила чудовищная энергия чаньши. Два биения сердца он не видел своих противников, полностью потеряв ориентацию в пространстве, и этого оказалось достаточно — Сыч бросился прямо под падающие трубы и мощнейшим ударом свалил Федора. Двое других подскочили к Федору, пока он не успел подняться, заломили ему руки за спину. Сыч, с трудом встал на ноги и, выдернув, из и так уже сильно покоруженной головы, кусок

ржавой трубы, подошел к поверженному противнику, со всего маху ударил его в живот кулаком, от чего Федор мгновенно повис на руках довольных собой вампиров.

— Надо у него узнать о ведьмаке и бабе...

Федора грубо встряхнули:

— Слышь, ты, болезный! Кореш твой где?

— Пошел ты! — зло сказал Федор и заработал такую оплеуху, что у него потемнело в глазах.

— Привяжи-ка ты его к балке, да покрепче! У меня и не такие язык развязывали! — услышал он, пока приходил в себя.

— Времени нет. Да и ищут его... Давай на базу отвезем, Сам пускай решает.

— Ладно! Там поговорим, все жилы из него повыдергаю! Пожалеет, что на свет народился, ублюдок! Когда мамашку его дружка я окультуривал, она тоже хотела быть героиней... — Федор внутренне весь похолодел, смерть Людмилы и Петра он по-прежнему считал своей виной. Мерзкие чудовища продолжали разговор, до пленника им дела не было:

— А эта его бабенка в два раза аппетитнее. По полной растяну! Только доберусь!

— Ты сам-то понял, че сказал?! Это баба Самого!

— Чего?! Это Самого баба?! А че этот к ней клеится тогда?!

Услышав это, Федор попытался вырваться, за что получил новый, более сильный удар и потерял сознание. Вампиры выпустили его из рук, и он лежал у ног поймавших его нежитей, как сломанная кукла.

— Слушай, чтобы не рыпался, вкати-ка ему дозу.

Один из вампиров достал из кармана шприц-тюбик, немного подумал, с причмокиваем оголил Федору руку и ввел наркотик. С удовлетворением, попинав лежащего у их ног побежденного с таким трудом противника, вампиры упаковали врача в мешок. Сыч, подняв Федора, как куль, повесил его себе на плечо.

— Тяжелый, сука! Ну, хватит пока с него! Поехали на базу.

Глава 23.

Федор медленно приходил в себя. Несколько раз он «выплывал», но снова проваливался в беспамятство. Наконец он очнулся окончательно. Особой радости, к сожалению, это ему не принесло. Он лежал на узкой и короткой для него больничной койке, крепко связанный по рукам и ногам.

Сзади него раздался шорох и низкий, хрипловатый голос спросил:

— Дать Вам воды?

Федор повернул голову, но никого не увидел. Его собеседник стоял позади кровати, совершенно невидимый.

— С кем я говорю? — спросил Федор.

К его губам приблизилась рука, держащая стакан воды. Врач, хотя и смертельно хотел пить, молча покачал головой.

— Вы напрасно стоите за моей спиной. Я вас узнал, — он действительно узнал Кирилла Костромина.

— Узнали меня? Хорошо. Пейте, вам станет легче, — Кирилл если и удивился, то ничем не выдал удивления.

Федор вновь покачал головой и поморщился от накатившей дурноты.

— Напрасно играете в героя. Гордость считается грехом, кажется даже смертным... Вы думаете, я хочу отравить Вас? — спросил Костромин.

— Вы тогда спасли мне жизнь в гробнице. Зачем я нужен Вам сейчас?

— Хм... Вы задаете много вопросов, но все по порядку.

Кирилл встал так, что бы Федор мог его видеть. С Кириллом произошли значительные изменения — он осунулся, похудел, цвет лица стал землистым, а глаза глубоко ввалились.

— Я знаю, кто Вы... Кирилл Андреевич... Точнее, кем Вы стали, — сказал Федор.

Федор с удивлением разглядывал Кирилла. Кирилл тоже долго разглядывал плененного соперника. Мужчины встретились глазами. Кирилл, не выдержав взгляда Федора, решил начать разговор снова.

— Очень хорошо.... Тогда, может быть, нам легче будет достичь взаимопонимания...

— Взаимопонимание.... Давайте достигнем, — доброжелательно промолвил Федор.

— С чего начнем? — осторожно начал Кирилл, не ожидавший такой легкой уступки.

— С главного.

— Что же Вы понимаете главным?

— Я понимаю так — Вы похитили возлюбленную моего друга, что вы с ней сделали? — Федор говорил со спокойной уверенностью, которую вовсе не ощущал.

На самом деле он испытывал чувства близкие к панике. Все исчезновения покойников за последний месяц стали ему понятны. Столь дурного варианта развития событий он не мог даже предполагать. То, что массовое оживление мертвецов не было спонтанным, Федор понимал уже давно, но что поднятые находятся под началом такого великолепного руководителя... Это было самой плохой новостью.

Кирилл, услышав вопрос, просто почернел. Все и так было ясно. Это понимали и Федор и Кирилл. Этот вопрос означал не больше и не меньше, чем ясное объявление противостояния.

— Это было недоразумение. Я отдал приказ... привести Ирину. Они посчитали Славку более привлекательной... нежить... чтоб ее! — Кирилл отвернулся от пристального взгляда Федора, но врач был неумолим.

— Что вы с ней сделали?!

— С ней случилось... несчастье. Частично, в этом виноват я. Но не более.

— Несчастье? Она — вампир. Более того, ей питались чаньши...

— Чаньши я ненавижу не меньше вашего. К сожалению, я должен был обратиться за помощью. А теперь мне нужна ваша помощь.

— Даже представляю, какого рода. Вы могли бы обратиться сами ко мне. Но предпочли действовать, как негодяй! Я не буду вам помогать.

— Мне нужен эликсир жизни.

— У Вас он уже есть. Ведь вас кто-то воскресил.

— То, что у меня есть — ужасное зелье, годное только поднимать зомби.

— Что же, зомби... Лучше, чем чаньши...

— Оно нужно мне не для поднятия зомби... Сказать, что я умираю, глупо... Я уже умер. Но и это мое существование близится.... Не знаю к чему! Черт, мне нужен эликсир бессмертия! Я должен остаться в живых.

— Бессмертие — это нечто большее, чем неспособность умереть, Кирилл Андреевич!

— Мои собственные слова? Я их помню.

— Мы можем так препираться целую вечность. Я не буду делать эликсир для вас. Единственное, что радует меня, это то, что Ирина...

Кирилл рывкнул, приходя в ярость:

— Не смей! Не смей упоминать ее имя! Да что ты знаешь о нас?! Молчать!

В ярости он выскочил вон из комнаты, оставив беспомощного Федора лежать на кровати. Через некоторое время Кирилл вернулся со стопкой бумаги и ручкой «Parker». Повернувшись к Федору, он сказал абсолютно спокойным, холодным и властным тоном, не терпящим возражений:

— Вы напишете письмо Кравченко. В этом письме попросите его помочь ему. Изготовить эликсир жизни. И привезти его, куда я укажу.

— Ничего я не стану писать, — слова Федора тоже стали тверды и остры, как иглы.

— Вы думаете, что не смогу заставить Вас написать это письмо?

— Думаю, что не сможете.

— Знаете, я не стану вас ни заставлять, ни уговаривать. Заставить Вас сделать для меня что-то без применения спецсредств — просто не реально, я знаю. Я понимаю, что даже если прикажу моим тварям порезать Вас на ломтики, Вы предпочтете гордо сдохнуть в мучениях, чем предать друзей и свои идеалы! Хотя, не скрою, мне очень бы хотелось посмотреть на Вас в этот момент... не время. Если хотите умереть, как герой, я предоставлю Вам такую возможность!

Отвернувшись от пленника, он подошел к маленькому столику у стены, на котором лежали медицинские принадлежности. Взял кювету и скальпель. Подойдя к Федору, он крепко взял его за подбородок и резко повернул ему голову:

— Не дергайтесь, я не собираюсь Вас убивать.

Он рассек скальпелем мочку уха Федора, подставил к ранке кювету и подождал, пока кровотечение не остановится.

— Собственно, вы теперь мне и не нужны, Федор Михайлович. Но на всякий случай... Кузьма может определить по Вашей крови, живы вы или мертвы?

— Нет. Это заблуждение. Мой друг не телепат, — заставил себя засмеяться Федор.

Получилось плохо, горло было сухое. На самом деле ни Кузьме, ни Федору не требовалась кровь друг друга, чтобы определить, жив тот или мертв.

— А вот это мы и проверим. Не подействует, придется предъявить Вашим друзьям более серьезное доказательство...

— Ну да! Отрежете мне что-нибудь? — тонко улыбнулся Федор.

— Есть разные способы, но если вы настаиваете... отрежем, — пожал плечами Кирилл, — Хотя, на самом деле, есть и более гуманные методы. Все бы вам, врачам, резать...

Заполнив ручку кровью Федора, он начал писать, сев за столик с инструментами.

— Послушайте, Федор Михайлович! Вам понравится. «На станции метро «Василеостровская» вы сможете забрать Федора Михайловича Беляева, если туда с эликсиром жизни 17 июля в 0.55 придет Кузьма Кравченко. Для уверенности в том, что обмен будет честным, он может взять с собой нескольких спутников». Подписываться я не стану, Федор Михайлович, не обессудьте.

Федор стиснул зубы и с ненавистью посмотрел на Кирилла.

— По вашему взгляду я вижу, что Вам понравилось. Скоро вы увидите своих друзей.

Федор, дернувшись, прошипел:

— Если ты, сволочь, тронешь их хотя бы пальцем!!!

Кирилл снисходительно улыбнулся:

— Я обещаю, что, получив эликсир, отпущу Ваших друзей. Слово офицера!

— Ты не офицер, ты чудовище...

— Чудовищем меня сделали... — тут он задумался, что говорить, а что не говорить Федору, затем решил не говорить ничего, — Неважно, какие обстоятельства привели к этому превращению. Важно то, что я не намерен оставаться в этом раздражающем положении.

— Важно то, что никто не собирается помогать вам в выходе из этого раздражающего положения.

— Да... Я не сказал. Записка будет доставлена Ирочке. Она прочтет ее первая. Она, конечно же, придет вместе с ними...

— Этим вы причините ей бессмысленные страдания. Она очень любит вас, а вы... Вы сейчас не на пике красоты и здоровья.

Метко брошенная стрела сарказма достигла цели. Кирилл изменился в лице — рот превратился в тонкую линию, ноздри затрепетали, прищуренные зеленые глаза потемнели. Несмотря на свои значительные размеры, Кирилл неуловимым кошачьим движением перетек вплотную к кровати, на которой лежал Федор и, согнувшись больше, чем вдвое, вплотную приблизил лицо к лицу Федора:

— Возможно Вы были правы... Отрезать... Как насчет отрезать Вам язык?

Федор, не мигая, смотрел в зеленые глаза своей смерти.

— Это очень неприятно, умирать связанным, — наконец сказал он, — к тому же Ире нет до меня никакого дела.

— Убивать Вас я не собираюсь. К тому же есть гораздо более неприятные способы умереть. Есть, к сожалению, ей есть до вас дело.

— Шпионили? — снова не удержался от шпильки Федор.

— Проводил разведку на местности, — Кирилл разогнулся, оставив Федора в легком ознобе. До этого момента он не предполагал всей правды своих собственных слов, сказанных Ирине про мужа: «Серьезный человек». Смертельно серьезный.

Федор вздохнул с облегчением.

— Я приведу вас на встречу. Советую хорошо себя вести, чтобы Ваши друзья не пострадали, — между тем продолжил Кирилл, не заметивший или сделавший вид, что не заметил вздох облегчения Федора.

— Как вы узнали, что у меня есть эликсир бессмертия? Что подсказало Вам это? — бесстрашно спросил Федор, ожидая новой вспышки ярости. К его удивлению, Кирилл просто пожал плечами:

— Немногое. Первое — человек, который должен был умереть, выжил. Второе — перед этим кто-то открывал дверь в Сердце Тьмы. Вот и все. Кого могла пропустить Тьма? Совет Девяти не существует с тех пор, как вы, Федор Михайлович, убили троих его членов. Кроме них — вы, да еще пол дюжины разбросанных по миру существ... Просто?

— Просто, — механически отозвался Федор, — Слишком просто... — сказал он задумчиво, — Просто я не верю, что вы способны почувствовать движения Тьмы... И знать что-то про Совет Девяти... — тут он резко спросил — Кто прислал вам чаньши? Янь-ван? Собственной персоной?

Кирилл пожал плечами:

— Союзник. Тактический союзник. Да я Вас ему представлю, позже...

— Вы же сказали, что отпустите нас?

— Я это сказал? Я сказал — отпущу Ваших друзей. Не вас. Вы задаете слишком много вопросов. Мне приказать вставить вам кляп? Да, и про Совет. Не забывайте, я служил в

разведке. Мы знали о Вас и Кузьме... гораздо больше, чем Вы предполагаете.

Кирилл с удовлетворением посмотрел на своего поникшего врага и, резко развернувшись, вышел. Федор попытался вырваться, но не смог и, устало вздохнув, закрыл глаза.

Через несколько часов в комнату, что стала камерой Федора, вошел безмолвный зомби с совершенно мертвыми глазами. Принес поднос с едой, некоторое время рассматривал Федора без малейшего выражения, затем подошел к нему и развязал ему руки. Так же безмолвно вышел.

Некоторое время Федор был занят, развязывая себе ноги. Ремни были крепкие, и Федор потерял за этим нехитрым, но напряженным занятием немало сил. То, что пальцы тряслись, а в горле пересохло, нисколько процессу не помогало. Наконец он развязал ремень и вытянулся во весь рост. Кровь начала циркулировать по рукам и ногам, причиняя Федору нестерпимую боль. Наконец, кровообращение восстановилось, и Федор смог встать на ноги. Походив по комнате, он подошел к столику, на котором стоял поднос с пластиковой бутылкой воды и пачкой печенья. Пачка была разорвана и, Федор брезгливо поморщился — есть что-то, чего касались руки мертвецов, он не собирался, но, посмотрев внимательнее, он понял, что раскрошенным печеньем на подносе было написано «жди». Он пошевелил поднос, что бы надпись совершенно стерлась, взял бутылку воды, внимательно осмотрел ее, и, не найдя никаких следов того, что бутылку вскрывали, открыл ее, и с жадностью стал пить. Допив воду, сел на постель и принялся ждать.

Время тянулось медленно, но, наконец, дверь отворилась, и на пороге возник давешний зомби. Он все так же безучастно смотрел впереди себя, но Федору показалось, что нечто шевельнулось в глубине его глаз.

Беляев встал с постели и подошел к зомби. Тот перевел взгляд на Федора.

— Ты меня охраняешь?

Взгляд остался таким же безжизненным.

— Ты написал?

Мертвец моргнул. Федор испытал мгновенный приступ тошноты, но справился с ним.

— Ты поможешь мне?

Еще одно движение веками.

— Я тебе верю, — сам не понимая, почему, сказал Федор.

При этих словах зомби повернулся, как солдат на параде, и вышел из комнаты. Дверь осталась не запертой. Федор несколько секунд оставался в нерешительности, но, затем, глубоко вздохнул и вышел из комнаты, почти нос к носу столкнувшись со своим «проводником», что стоял вплотную к двери. Увидев Федора, он моргнул, повернулся кругом и пошел по коридору. Федор — за ним.

Пройдя короткий коридор, зомби зашел в пустую комнату, в которой единственным предметом обстановки был вытяжной шкаф. Одним мощным движением, отодвинув громоздкую и тяжелую конструкцию от стены, мертвый человек обнажил здоровенный зев воздуховода, по которому можно было передвигаться вполне свободно, для человека с ростом Федора — согнувшись. Федор подошел к трубе, повернулся к своему спутнику и сказал:

— Спасибо тебе.

Зомби моргнул и, с некоторым трудом, опустил и поднял голову, изобразив кивок. Федор тоже кивнул и, согнувшись чуть не вдвое, что бы не задевать плечами за верх

воздуховода, вошел внутрь. Труба завибрировала, глухо отзываясь на его шаги. Федор выругался сквозь зубы и пошел осторожнее. После того, как он прошел несколько метров, до его слуха донесся скрип, и стало гораздо темнее. Федор обернулся — вытяжной шкаф стоял на своем месте.

Почти всю дорогу Федор пытался представить, как выглядел этот человек при жизни, вспомнить его, понять, почему, даже мертвый, он пытался помочь. Так и не сумел. Больше он его никогда не видел.

Воздуховод полого, но неуклонно шел вверх и Федор, и так понимавший, что находится под землей, убедился в правоте своих догадок. Периодически ему встречались перпендикулярные коридоры — лаборатория была большой. Наконец, Федор услышал монотонный шелест вращающихся турбин, нагнетавших воздух в это, поистине, мертвое королевство. Федор задумался — а зачем им вообще воздух, но тут же выругал сам себя — самое время для размышлений на философские темы.

Федор осторожно шел по трубе, заглядывая в прорези вентиляционных окошек.

Лаборатория. Не годится.

Операционная. Нет.

Томограф. Богато! Зачем мертвецам физиологическая деятельность?

Процедурная. Федор остановился, как вкопанный. В процедурной, тоже, к слову, оборудованной по последнему слову техники, находился Кирилл. Федор внимательно смотрел, как Костромин, преодолевая боль, проводил процедуры по частичному восстановлению мышечной ткани. Федор одобрил, как он, очень грамотно, производил манипуляции, не обращая внимания на дискомфорт и, почувствовал уважение к своему противнику. Еще Федор отметил, что ткани, собственно, находились в довольно хорошем состоянии и, то, что Кирилл беспокоился о себе, не доводя себя до критического состояния, врач одобрил.

Кирилл закончил мучительную процедуру и вышел из кабинета. Федор пошел дальше.

Туалет. Не то.

Пост охраны. Да. Четверо охранников. То, что нужно. Федор прошел до следующего воздуховода.

Коридор. Идеально. Федор вернулся, резким движением выбил заслонку и выпрыгнул на пол.

На него уставились четыре пары мутных глаз. С этой стороны мертвецы нападения не ожидали. Они, похоже, вообще не ожидали нападения. Один из охранников переглянулся с товарищами и потянулся к телефонной трубке. Федор брезгливо подумал, что живым бы в этой ситуации пояснения не понадобились, и, двинувшись вперед, сломал руку охраннику, желавшему инструкций. Тот отлетел к стене, беззвучно, как тряпичная кукла. Федор еще успел подумать, что у безмолвных противников есть свои преимущества. Но тут на него напали все трое одновременно, и некоторое время Федор думать перестал, чтобы не нарушать концентрации боя. Охранники первого поста не были полными зомби и, хоть каждый из них обладал немалой силой и навыками, противниками для почти тысячетлетнего воина они не были. Бой в замкнутом пространстве занял секунды три.

Уложив их на пол и привязав друг к другу, Федор выглянул в коридор. Увидел электронные датчики движения, тепловые датчики и лазерные форсунки. Сами лазерные лучи, он, конечно же, не увидел. Закрыв глаза. Увидел пересечения световых линий, но очень смутно. Полагаться на остатки прежнего зрения не стоило. С досадой Федор закрыл

дверь и, усевшись на один из освободившихся стульев, начал приходить в себя после схватки.

Когда дыхание вернулось в норму, он внимательно осмотрелся и обнаружил дверь, хорошо замаскированную под решетку вентиляции. Он бы и не понял, что это дверь, если бы не природное любопытство — зачем в комнате два воздуховода? Немного повозившись, он открыл кодовый замок и прошел на пульт управления дверями. Отключить датчики было делом минутным.

Вернувшись на пост и, вновь приоткрыв дверь, Федор еще раз, очень внимательно, осмотрелся. Дверь на свободу была в пяти метрах от него. Он выскользнул из двери и, осмотревшись еще раз, пошел к выходу.

Он продвигался очень осторожно, опасаясь еще какой-нибудь ловушки, но все было спокойно. Перед самой дверью Федор снова остановился и просканировал все пространство. Ничего. Он открыл дверь в тамбур и прошел в последний, перед выходом наружу, отрезок коридора.

В этот момент, метрах в двух от свободы, Федор услышал серию механических щелчков, и не успел он повернуть голову на звук, как на него бесшумно упала тонкая капроновая сетка. Федор начал выбираться из хитрых узлов, мысленно ругая себя, на чем свет стоит, но узлы, кажется, становились только сильнее. Через несколько минут он услышал шаги.

— Может быть, я смогу Вам помочь? — раздался над ним хриловатый ехидный голос Костромина.

— Спасибо, я сам, — сквозь зубы пробормотал Федор.

— Боюсь, что сами Вы не освободитесь. Это специальная сеть, она еще сильнее затянется от ваших попыток выбраться.

Федор обессилено опустился на пол.

— Делайте, что хотите, — Федор повернулся так, что бы видеть Кирилла, хотя бы частично.

— Хорошо, я распоряжусь, что бы Вас вернули на Ваше место.

Кирилл ушел, оставив спеленатого Федора лежать на полу в двух шагах от выхода на свободу. Затем Костромин вернулся с двумя вампирами, теми самыми, что поймали Федора в подвале. Его грубо подняли и понесли, перебросив через плечо. Федор даже удивился — он уже решил, что его потащат по полу, позволив сосчитать все пороги и ступеньки, но полковник, видимо, был выше этого.

Вернув его в комнату, из которой Федор вышел лишь несколько часов назад, Кирилл этим не ограничился. Беляева приковали к его «носильщикам» довольно сложной системой цепей так, что он не мог теперь двигаться самостоятельно.

— Знаете, Вы заставили меня беспокоиться, — сказал Кирилл, когда процесс «упаковки» Федора был завершен.

— Почему я не почувствовал ловушку? — риторически спросил Федор.

— Потому что ее не было, — охотно пояснил Костромин.

— Чуть яснее объяснить ситуацию Вас не затруднит? — доброжелательно спросил Федор.

— Нисколько, — улыбнулся Кирилл.

Если бы кто-то слышал этот разговор, но не видел происходящей сцены, он бы решил, что беседуют, если не друзья, то старинные приятели — точно. Увы, посмотрев на происходящее, эти иллюзии рассеялись бы, как дым. Федор, скованный по рукам и ногам, сидел на больничной койке, рядом с ним стояли огромные, как горы, вампиры. Перед ними

стоял Кирилл Костромин в элегантном сером костюме, темно-сером шелковом галстуке и замшевых перчатках.

— Ловушки не было. Просто на потолке висела капроновая сеточка. Это ведь не опасно, правда? А висела она на крючках, так что все надежно. Одна тонкость — крючки — биметаллические, от повышения температуры, даже на три десятых градуса — распрямляются.

Федор не выдержал и засмеялся:

— Это же просто гениально!

— Спасибо. Меня не просто так держали на службе.

— Так это Ваше изобретение?

— Мое. Ему уже лет семь. Разрабатывали ловушки для экстрасенсов... С ними... с вами, паранормальными, это же просто наказание! Вот и приходилось выкручиваться. Самое надежное — это самое простое. Ну, не смею более утомлять Вас своим присутствием. До завтра, — Кирилл вышел из комнаты. Федор остался наедине с вампирами.

Глава 24.

Друзья собрались у входа в метро ровно в полночь. Ирина, Кузьма и четверо бывших подчиненных полковника Костромина, его лучшие друзья — Валентин, Константин, Алексей и Николай. Только им и могла Ирина поведать страшную тайну. Узнав в записке почерк мужа и несколько секретных символов, поставленных специально для нее, Ирина за день похудела и осунулась, но глаза ее загорелись тем светом, что никто не видел уже давным-давно.

Прежде чем войти в смутно освещенный холл станции, Кузя хмуро спросил у Ирины.

— Ир, может, ты не пойдешь?

Ирина решительно покачала головой.

— Я пойду с вами. Я и «Малыша» с собой взяла, — ответила Ирина, показывая Кузьме служебный ОЦ-21.

Кузя тяжело вздохнул.

— Ох... Давай ты просто постоишь в сторонке? Толку от «Малыша»? Там же зомби! Я саблю в двенадцати церквях святил.

— Посмотрим, Кузьма Петрович.

Поняв, что спорить бесполезно, Кузя кивнул. Все вместе они вошли в метро и поехали бесконечные пролеты вниз. Сегодня, кажется, длина спуска увеличилась вдвое. Но вот, наконец, они оказались на платформе.

«Только бы Федька продержался, отчаянная голова! Славушка, Федька!!! Держитесь!» — думал Кузьма.

— Без десяти час.

У противоположного конца платформы стояла группа людей. Среди них был и Федор. Почти все они закрывали капюшонами лица. Надо всеми возвышались огромные конвоиры Федора. Сам Федор был грамотно растянут между двумя своими стражами — от его рук и пояса к ним тянулись стальные цепи. Рот у него был завязан широкой кожаной лентой. Впереди всех стоял Кирилл, в наглухо застегнутом пиджаке со стоячим воротником.

Увидев, кто стоит с похитителями Федора, Ирина как-то странно всхлипнула и, словно лунатик, пошла вперед:

— Кирюша...

Костя ловко схватил ее за талию.

— Ирина Владимировна! Это уже не Кирилл! — но Ирина, казалось, не слышала его слов. Не имея возможности двинуться навстречу мужу, она вытянула к нему руки и крикнула:

— Кирилл! Боже мой!

Кузя стоял, словно громом пораженный.

— Кирилл Андреевич!

Кирилл ничем не выдал, что узнал жену или друзей. Взгляд его изумрудно зеленых глаз скользнул по людям, пришедшими с Кузьмой, затем переместился на ведьмака.

— Прошу Вас, Кузьма Петрович. Я жду. Федор Михайлович — тоже. Ему совершенно не нравятся его конвоиры, и он жаждет избавиться от них, — Федор гневно фыркнул, — О, да! Вчера он практически убежал от нас...

Кузя, как заводная игрушка, приставными шагами пошел вперед, держа в левой руке сумку. Кирилл внимательно следил за его движением. Когда между ним и Кузей осталось метров десять, он отвел взгляд от сумки, махнув рукой конвоирам Федора, чтобы те подвели его к Кузьме, и посмотрел на жену.

— Ирочка, сейчас все закончится...

В этих словах была настоящая любовь и искренняя нежность. Ирина рванулась к нему с такой силой, что вырвалась из рук Константина, но ее тут же поймал Алексей, не давая ей приблизиться к мужу.

— Отпусти меня, отпусти! — она тщетно попыталась вырваться, но Алексей сжал ее, что было сил, и отошел с ней за спины других.

— Ирина Петровна, это же какой-то обман!

Эта сцена привлекла внимание стоящих вокруг Кирилла людей с закрытыми лицами. Они зашевелились, пытаясь увидеть лучше, и у одного из них сполз с головы капюшон. Увидев лицо чудовища, стоящего рядом с Костроминым, Кузя взвыл.

Красавица Всеслава сильно изменилась после того, как стала вампиром — черты ее лица заострились, глаза воспалились и впали, кожа превратилась в высушенный и ломкий пергамент. От былой красоты не осталось и следа. Не просто вампир, он понял, что она почти уже мумифицировалась. При виде Кузи ее лицо сложилось в странную гримасу — и только через биение сердца Кузя понял, что это улыбка. Улыбка девушки, увидевшей возлюбленного. Мертвые губы Славки шепотом произнесли его имя.

«Сволочь!» — ведьмак понимал, что все кончено, что перерождение вряд ли возможно, но отчаяние и любовь сделали свое дело. С дикой, мальчишечьей яростью он посмотрел на Кирилла, затем на скованного друга. Он понимал, что если удастся им с Федькой выйти живыми, они придумают какое-нибудь другое средство для Славки, он все равно заберет ее. Пусть даже такую.

Он выхватил саблю и двинулся на Кирилла, бросив сумку. От толчка она разорвалась и две колбы и несколько одноразовых шприцов выпали на мраморный пол.

— Кузьма Петрович! Вы напрасно это сделали, — угрожающе сказал Кирилл и щелкнул пальцами.

Все двери горизонтального лифта распахнулись и оттуда полезли, как змеи из гнезд, зомби и вампиры. Спутники Кузьмы мгновенно образовали кольцо, в центре которого осталась Ирина.

Федор с ужасом смотрел, как кольцо вокруг его друзей сужается. Он отчаянно рванулся, но его стражи с ухмылками дернули цепи и он оказался притянутым внатяг за руки,

практически распят на цепях между ними. На миг бы сильнее и огры вырвали бы их совсем.

Кирилл усмехнулся и, расстегнув пиджак, сбросил его на пол, оставшись только в легкой футболке без рукавов. На его руках и шее уже были ясно видны следы расслоек полуразложившейся кожи, проходивших в местах прежних боевых ранений. Выхватив из-за спины клинок — широкий короткий «скифский» меч в форме вытянутого листа, Кирилл легко прыгнул к Кузьме.

Сталь со звоном скрестилась с железом. Ведьмак сражался со всей силой своего мастерства, молодости и ненависти. Но у Кирилла было преимущество — он был абсолютно спокоен. Он неуклонно теснил молодого противника.

Федор смотрел на то, как сражаются его друзья, пришедшие в смертельную ловушку ради него, как отчаянно бьется Кузьма, как в ужасе застыла Ирина, не понимая, как могут самые дорогие для нее люди сойтись в смертельном единоборстве, и внутри него разгорался огонь. Чтобы не видеть, как погибают близкие ему люди, Федор закрыл глаза.

Притертая пробка темного сосуда с эликсиром мудрости повернулась вокруг своей оси и выползла из горлышка. Золотистая жидкость полилась на пол и разлилась пятном странной формы — силуэтом птицы с распростертыми крыльями. Федор обессилено повис на цепях.

И тут Кирилл, ловко совершив обманное движение, поднырнул под саблю Кузьмы и, крутанув того за запястье, вырвал клинок у него из руки. Кузя отпрыгнул, а Кирилл бросил свой клинок в заплечные ножны и перебросил саблю ведьмака в правую руку.

— Превосходное оружие. Превосходный выбор. Оружие, убившее своего хозяина, будет служить мне...

Кирилл широко размахнулся, чтобы пластануть Кузю, клинок начал свое безжалостное движение, как что-то неуловимым для глаза движением оказалось на пути стальной заточенной полосы — Всеслава, как кошка бросилась наперерез смертельному взмаху. Окованный серебром клинок, заговоренный от нежити и освященный в двенадцати церквях, разрезал девушку, как масло. Самый конец сабли проехал по груди Кузи.

Всеслава вспыхнула, как факел, и через мгновение от нее осталась только горсть пепла. Кузя упал навзничь на каменный пол. «Славушка!» простонал ведьмак и потерял сознание. Кирилл сделал шаг вперед и, в запале, наступил на уже пустую колбу с эликсиром мудрости.

— Что? Какого...

Он раздраженно щелкнул пальцами. Его армия замерла. Кольцо Фединых друзей еще не было разомкнуто, хотя вид у них был и потрепанный, кое у кого рубашки были испачканы кровью. Зомби окружали их широким полукольцом, шипели и тянулись к людям, но не смели ослушаться приказа.

— Столько усилий.... Все в пустую... Федор Михайлович? Вы должны быть рады... Эй, — взмах руки и изо рта Федора удалили кляп. Федор в отчаянии смотрел на лежащего друга.

— На что я наступил? Какой-то компонент?

— Да. Без него не подействует вторая часть, — гладко соврал Федор.

Кирилл фыркнул:

— Я предлагаю вам сделку...

— Вам нечего предложить мне.

— О! Многое... Я отпущу ваших друзей. Ирочка, конечно, останется со мной... А вы поможете мне выжить...

— Вы, вероятно, уже давно умерли. Кто оживил Вас, меня не интересует, но с нежитью я не веду переговоров!

Пронзительным взглядом врач поглядел на бьющуюся и пытающуюся вырваться Ирину. Понял, что этот порыв совсем не ради него и не ради Кузьки, истекающего кровью.

— А Кузя? — Кирилл скривил губы в подобии улыбки.

— При чем здесь Кузя? Вы сказали, что отпустите моих друзей!

— О... Кузя... Он поднял против меня оружие... За это... Это и есть Ваш самый главный выбор — что я сделаю с ним... Я могу поднять его... Хотя их у меня много... Поднятых. Или я могу... Знаете, что... Он будет охранять Вас... как собака..., - он взялся за плечо ведьмака и приподнял его так, чтобы Федор видел белое от потери крови лицо Кузьмы.

Федор закрыл глаза и от цепей у него на руках, полыхнуло пламя. За его спиной на мгновение сверкнули золотистые крылья невероятной красоты. И тут эти крылья увидели все. Глаза Федора приобрели нечеловеческий вид. Огонь! Все удивленно застыли. Даже невозмутимый Кирилл. Стражи Федора вспыхнули и превратились в прах. Лишившись опоры, Федор рухнул на колени. Кирилл вновь обрел дар речи:

— У нас появился герой-одиночка! Вот так и стойте! Вы думаете этим меня испугать? Я могу просто убить его, и не позволю осквернить его прах. Решайте. Решайте! Ну?

Пришедший на мгновение в себя Кузьма, прорычал:

— Нежить ты! Нежить!

Разъяренный Кирилл сделал замах саблей. Увидев неминуемую гибель друга, Федор, собрав все силы, закричал. Это был даже не крик, а высокий, переливчатый звук, клекот орла, усиленный в сотню раз. От чего задрожал потолок, пол, стены станции. От неожиданности Кирилл выпустил Кузьму и тот, опять потеряв сознание, свалился Кириллу под ноги.

Лужа эликсира, растекшаяся у ноги Кирилла, взвилась в воздух и прильнула к его плечам спине, шее, рукам. В мгновение ока золотистая жидкость впилась в кожу Кирилла, проникнув в кровь. Мужчина закачался, уронил саблю, поднял руку к лицу, глядя, как впитываются в кожу последние капли золотистой жидкости, и рухнул как подкошенный прямо на Кузьму.

— Нет! Кирилл! — крик женщины прозвучал на фоне шипевших и перешептывающихся тварей.

Оттолкнувшись от пола, Федор, все еще стоя на коленях, поднял глаза на всю нечисть, что стояла на перроне, намереваясь броситься на него и его друзей, на бездыханного Кузьку, на ошеломленную Ирину.

Он снова закрыл их.

«Не отдам! Мать Тьмы! Это порождения зла, а я твой сын! Нет у меня выбора! Лучше сгорю в этом огне я, но не безвинные!!! Помогите им, возьми меня!» — и Федор начал гореть, боль охватила все его естество.

Ослепительно яркое пламя охватило его целиком. Он давно позабыл, что это за мука, заживо гореть. Потеряв сознание от жуткой боли, Федор упал. Искры от погребального костра разлетелись по станции. Жуткое синеватое свечение охватило нежить, что стояла на станции метро в эту минуту. Свечение сгустилось и превратилось в ослепительное белое сияние, а затем в огонь. Очистительный огонь, как водопад, смел всю нежить, не задев никого из людей.

Все они с ужасом смотрели на обгорелые останки то ли птицы, то ли ангела. В отчаянной тишине вдруг раздался шорох. Мужчины и Ирина увидели, что сгоревшее тело начало принимать реальные очертания. Крылья исчезли, исчез Феникс и на его месте лежал человек. Вокруг него сгустилось жемчужное сияние и опустилось на неподвижное тело складками золотистого плаща. Неожиданно для всех Федор дернулся и сел на ледяной пол станции, зябко кутаясь в плащ, подаренный ему Матерью Тьмой.

После жара Огня Созидания Федору было холодно. Холодно так, что сводило каждую мышцу, каждую клеточку тела. Федор, как сквозь сон, пытаясь встать, видел, как бегут к нему и к Кузе друзья. На Кирилла и обнимающую его, рыдающую Ирину он старался не смотреть. С трудом поднявшись, он несколько мгновений боролся с тошнотой, опираясь на одного из ребят, затем подошел к Кузе. Встав перед другом на колени и прощупав пульс, Федор понял, что друг его мертв. Он обнял Кузьму и закрыл глаза. По щеке прокатилась одинокая слезинка и спряталась в трехдневной щетине. Он думал: «Кузя, ну как же так! Братишка! Почему ты меня не послушал?»

Чья-то рука тронула его за плечо. Резким движением, от которого в глазах заплясали красные точки, он повернул голову и увидел, что Ирина протягивает ему полный шприц искрящегося эликсира жизни. В ее руках была на половину пустая колба. Рядом с ними на полу лежала другая колба с эликсиром жизни. Федор замер.

— На, Федя, возьми! Помоги им...

— А что это? — он показал на колбу из Кузиноного пакета.

Алексей наклонился, небрежно взял ее в руки:

— Чай с медом. Кузя ожидал какой-нибудь гадости. Конечно, что они полковника Костромина превратили в такое, никто из нас даже представить не мог! Мерзавцы! — точным движением он отправил колбу в темный дверной проем.

— Кузенька мне эликсир отдал. Им двоим, наверно хватит... — вопросительно улыбнулась Ирина.

Федор улыбнулся в ответ и сказал:

— Да, Ириш! Конечно, хватит, только подольше пройдет процесс восстановления, не сразу. Надо их в лабораторию отвезти.

Введя эликсир, Федор с удовлетворением заметил слабое подергивание ресниц на красивом Кузином лице, обезобразить которое не смогла даже смерть. Облегченно вздохнув, врач горестно посмотрел на свою бывшую возлюбленную, его Мадонну, его мечту, на мать его нерожденных детей и понял, что потерял ее навсегда. Не будет у них веселой сероглазой дочки, точной копии Федора и мальчишки с огненно-рыжими волосами, как у Ирины. Она сделала мужу укол, и он протяжно застонал, сжал пальцы в кулак. Как в полусне Федор видел ребят, которые на носилках очень бережно уносили Кузю и Кирилла. Посмотрев вокруг, он увидел неровную кучку пепла, все, что осталось от Кузиной возлюбленной. Он взял горсть пепла в ладонь и прижал ко лбу. Поднявшись, он, пошатываясь, уже пошел вслед за ними, когда его взгляд упал на саблю, что позабытая лежала на полу. Он подошел и наступил на клинок так, что сталь с жалобным стоном лопнула. Клинок, отнявший жизнь его матери, наконец-то был уничтожен. Он снова пошел вперед. Его ждала Ирина. Благодарно на него посмотрев, она несмело спросила:

— А как же Кирилл? Он же был мертв?

Немного подумав, Федор ответил, буркнув себе под нос:

— Посмотрим!

Затем повернулся к спутникам Ирины:

— Срочно машину, ребята! Времени мало! Остальные препараты в лаборатории!

Вместе они пошли к выходу из метро.

Глава 25.

В секретной лаборатории, где еще сутки назад всем руководил Костромин, было совершенно пусто. Федор проковылял к блоку управления энергией. Вспыхнул свет.

— Кузьму на операционный стол, Кирилл под жизнеобеспечение.

За его спиной раздалось смущенное покашливание. Он медленно обернулся, взглянул на смущенно столпившихся у порога парней, махнул рукой:

— Кузьму на этот стол, Кирилл — вон в то кресло. Подключить тоже никто не сможет?

— Мы вообще-то военные.... Это же не вывих дернуть...

— Хорошо. Кузю разденьте, рану не трогайте, я сейчас зашью.

Федор подошел к Кириллу, подключил его к питательным веществам.

— Ир, сядь, вон там. Все у него в порядке будет. Вон видишь за полчаса, что мы ехали, под расслойкой новая кожа.

— Он... Он весь... — еле лепетала Ирина полумертвая от страха за мужа только что вернувшегося и уже снова почти потерянного.

— Да все будет нормально! Честно!

Оставив Ирину и Кирилл, Федор вернулся к Кузе. Юноша мелко и судорожно дышал, кожа была покрыта каплями холодного пота.

Федор вздохнул и начал зашивать глубокую рану на груди.

— Федор Михайлович, как с Кириллом Андреевичем будет? — спросил кто-то из спецназовцев, Федор не заметил, кто.

— Все с ним в порядке будет... Здоровее, чем был... станет... — пробурчал Федор, не отвлекаясь от операции.

Ему было больно и горько, что его возлюбленная и эти смелые и достойные люди больше беспокоятся о человеке, завлекшим их в смертельную западню, чем о добром и бесстрашном мальчике, который ценой своей жизни пытался их всех защитить.

Федор прооперировал Кузю и подключил его к аппарату жизнеобеспечения.

— Пусть пока здесь полежит. Не знаю я, что там в других помещениях. А здесь нормально.

В этот момент Кирилл протяжно застонал, приходя в себя.

— Ирочка...

— Да, да, Кирюша! — Ирина заплакала в три ручья.

— Кирилл Андреевич, как вы? — над ним наклонились Андрей и Валентин.

— Ох... Ниче... А вы откуда здесь? Прямо с юбилея приехали?

Мужчины растеряно молчали.

— Нет, Кирюша, ты долго болел... После того, как она тебя укусила, — сквозь слезы сказала, сразу понявшая все, Ирина.

Бездушный прогноз врача, оживлявшего Кирилл первый раз, был верен — он ничего не помнил.

Неделю Федор, несмотря на недомогание, приезжал в лабораторию, с радостью отмечая, что и Кузе и Кириллу становится лучше. На работе он взял один из неиспользованных отпусков и отключил сотовый телефон. В конце концов, в Петербурге

были другие врачи, а других друзей у Федора не было.

К его удивлению, Ирина не сидела неотрывно около мужа, а куда-то исчезла на второй день, появляясь в лаборатории только, когда там не было Федора. К его полному изумлению, его бывший враг и счастливый соперник вызывал в нем все больше теплых чувств.

Кирилл действительно был всем тем, что о нем рассказывали Федору и еще больше — эрудированный и остроумный собеседник, мужественный и честный человек, офицер до мозга костей. Узнав, что официально он умер, и его не было три года, он мужественно перенес этот удар. Через несколько дней он с большим интересом стал спрашивать о том, что произошло в это время в мире. Когда Федор ушел в очередной раз «на поверхность», Кирилл сказал Кузе:

— Хорошо, что ты и Федор были с ней. Если бы кто другой... Федор очень деликатный и честный человек. Хорошо, что настолько честный...

Кузя только вздохнул:

— Себе во вред...

Через неделю Федор отключил обоих мужчин от жизнеобеспечения, решив, что они уже могут питаться и действовать самостоятельно. Придя в лабораторию на следующий день, Федор застал там только Кузю. Молодой мужчина протянул ему письмо, стараясь не встречаться с наставником взглядом.

— Они уехали... Ирина в Сибирь перевелась. А Кирилл... Ира сказала, что придумает что-нибудь...

Федор прочел письмо. Губы у него были плотно сжаты, во всем остальном он никак не проявил своего волнения. Прочитав письмо, он сжал его в руке. На листе бумаги Кузьме были видны написанные рукой Ирины слова: «Спасибо тебе за все, Ирина».

— Ну и?...

— И все... Они просили поблагодарить тебя. Кирилл хотел остаться, сказать тебе все лично, но Ирина очень спешила... И они ушли.

Федор задумчиво процитировал:

— «А примерно через год я встречу достойного мужчину и выйду за него. Никому и в голову не придет, что это мой давно умерший муж». Достойного... Достойного... Ну дай-то Бог!

— Федь.... Не бери в голову, это фигура речи такая. А Кирилл Андреевич... Если бы он тогда живой был, а не мертвый... Он бы меня в два замаха зарубил...

— Да все нормально, Кузя... Все хорошо... Ведь это Кирилл спас меня тогда в сокровищнице Яньло-вана... Вот так и получилось, все мы обязаны друг другу жизнью... Мы — Кириллу, Кирилл — нам... Хитро все закручено, не придумаешь нарочно...

Федор уронил письмо, потянулся за ним и, без звука, повалился на пол.

Очнулся Федор в огромной кровати, немного, безо всякой охоты, побарахтался в пуховых недрах и провалился в глубокий здоровый сон. Проснулся он оттого, что солнечный луч бил ему прямо в глаз. Он недовольно чихнул и перевернулся на другой бок.

— Федя? Проснулся? — у его кровати сидел Леня.

Федор осмотрелся. Он был в доме у Кузи, в своей любимой мансарде, где жил, приезжая в гости. От мысли о том, что еле живой Леня тащил его на себе через два города, Федору стало совсем тошно.

— Привет... Ты как? — попробовал приподняться Федор. Получилось плохо. И говорить и приподниматься.

— Да я-то хорошо! Меня три дня как выписали. Это ты как? Кузька вчера позвонил, говорит: «Федьке плохо!», мы с Оксаной и метнулись быстрее на Канонерский. Еле твою лабораторию нашли-то! Скитались, скитались по этому пустырю, думали, Кузьма ошибся. Насилу отыскали. Замаскировали под помойку какую-то. Ты лежишь, мерзнешь, чушь всякую несешь... Кузька сидит зеленый — краше в гроб кладут. Я тебя на плечо и... все. Есть хочешь?

Федор вздохнул и понял, что он ужасно хочет есть, просто умирает от голода.

— Очень... — и снова стал засыпать.

— Не спи, я мигом, — сквозь сон услышал он слова Леонида, но сил просыпаться уже не было.

Проснулся он оттого, что кто-то настойчиво тряс его за плечо:

— Федя... Проснись. Надо тебе поесть, — тербил его Леня.

Федор через силу разомкнул веки.

— Я хочу спать...

— Федор Михайлович! Я бульончика сварила, — из-за плеча Лени выглядывала Оксана.

— Спасибо, Оксаночка... Я так спать хочу...

— Горяченького бульончика...

— Куриный?

— Нет, Кузя сказал — «только говяжий».

— Спасибо...

Федор попытался выбраться из-под перины, но только вновь начал барахтаться без толку. Леня сочувственно качнул головой и ловко вытащил Федора из пуховых объятий.

— Тебя с ложечки покормить? — с ехидцей спросил актер.

— Сам такой... — ответил Федор, взял в руки тарелку с огненным бульоном и в один момент выпил его весь.

— Спасибо... — пробормотал Федор, уже погружаясь в пух, — Оксаночка, я только для студентов Федор Михайлович, вы же не собираетесь у меня... — он не договорил, он спал.

Когда он проснулся, был уже вечер. Чувствовал он себя намного лучше и тут он понял, отчего он проснулся — до него донесся запах жарящегося шашлыка. Самостоятельно выбравшись из постели, Федор нашел одежду и вышел на балкон. Ветерок пронесся по небу, коснулся Федора, зашуршал ветками деревьев, полез за воротник. Ему стало нестерпимо холодно, он быстро вошел внутрь, сел на кровать. Несколько минут зябко ежился, но потом решился и пошел из комнаты вниз, к друзьям.

Друзья сидели поодаль от дома, в шезлонгах, обедаясь жареным мясом. Собственно, сидели только Оксана и Леня, в одном шезлонге на двоих, у их ног, лениво поводя ушами лежал Тихон, сытый до такой степени, что не имел даже желания вступать в разговор, Кузьма угощался прямо перед шашлычницей, попутно дожаривая очередную порцию, а Василия видно не было.

— А я, значит, хоть с голоду помри, так? — сказал Федор, незаметно подойдя к компании. Все трое уставились на него, а затем радостно загалдели:

— Федька, очнулся!

— Федор Михайлович, вы же замерзнете? Идите к огню!

— Федя! А я твою часть решил попозже зажарить!

Федор усмехнулся, сел в шезлонг около Оксаны, поближе к шашлычнице, и ответил всем сразу:

— Привет, я решил проснуться.

— И молодец! — ответил Леня.

Затем Федор перевел взгляд на Кузю и спросил:

— И что? Мне теперь не достанется?

— Чушь какая! — возмутился Кузя, протягивая Федору шампур с еще скворчащим мясом, — Тебе, да не достанется?

— Спасибо, — сказал Федор, принимая угощение.

Он вцепился зубами в меру прожаренный и горячий кус мяса, рот наполнился мясным ароматным соком, совсем близко запахло горящими угольями, сухим вином, специями, жареным луком, мятным холодком. Федор откусил и стал медленно смаковать то великолепие, что масляно растекалось по языку, дразнило небо, заставляло вибрировать в предвкушении желудок.

От гурманских наслаждений его оторвал чей-то голос, он не заметил, что Леня что-то спросил.

— Что ты спрашиваешь? Я что-то прослушал...

— Чем ты приболел-то? Похоже, гриппом заразился?

— Ага, птичьим! — радостно возвестил Кузя от мангала.

В этот же момент язык алого пламени вырвался из недр печки и спалил весь шашлык, что Кузя держал в руках. Оксана ахнула, Кузя укоризненно покачал головой, Леня радостно заржал.

— Печку надо чистить... Досадно... — грустно сказал Кузя.

— Федор Михайлович, а разве в России он есть? Вроде никто еще не заразился, — спросила Оксана переводя взгляд с Кузьмы на Федора.

Федор посмотрел на Оксану:

— Оксаночка, я же просил Вас не называть меня по отчеству. Меня Федя звать. А начет птичьего гриппа, это наш палеонтолог шутит.

— Пойду еще мяса принесу, — обижено сказал Кузя и ушел на кухню.

Утром Федор, придя на веранду, увидел четыре крупных деревянных ящика, что стояли на крыльце. Вокруг них кругами ходил Кузя. На одном из ящиков сидел Тихон и сурово вылизывался, продолжая обличающую речь:

— Между тем повелел король привезти к нему всех младенцев, рожденных в первый день мая знатными дамами от знатных лордов. Посадили их всех на корабль и пустили по морю, а иные были четырех недель от роду, иные же, и того моложе...

— Ты бы, Тиша, подумал бы, прежде чем сказки сказывать, как это дети, рожденные в один день, могут быть младше? — сонно сказал Федор, просто из желания подразнить кота, честно пересказывавшего «Смерть Артура», что Томас Меллори сочинил пятьсот лет назад.

— Феть! — звенящим голосом позвал Кузьма друга, — Феть! Ирка-то совсем с ума спятила!

— Что случилось?!

— Вот, погляди! — Кузя показал на ящики.

— И? — спросил Федор.

— Прянишниковскую коллекцию! Мне прислала! На, читай, — он протянул Федору листок бумаги.

— На словах скажи. Это, все-таки, тебе письмо, не мне.

— Ой, да ну тебя! — Кузя был возбужден и обрадован, как ребенок, — Написала, что ей

в Сибири минералы эти не нужны, а я их сто раз просил... Что это подарок, на память! Она ненормальная, правда! Она их могла продать за...

— Она решила сделать приятное другу, Кузя, только и всего, — улыбнулся Федор, понимая, что хотела сказать Ирина этим подарком, — Разбирай подарок, не место ему на крыльце.

К вечеру на веранде творилось нечто невообразимое — все сверкало, переливалось, светилося от невероятного количества друз, жеод, щеток кристаллов, аммонитов. Отдельными грудами были сложены окаменелости, кости, динозавров, неуловимые, даже через миллионы лет, отпечатки медуз, скелеты панцирных рыб, роскошный археоптерикс, навечно замерший на окаменелом стволе. Они стояли на столе, на камине, на сервировочном столике, на подоконниках, в не полностью раскрытых коробках. На столе, занимая его практически весь, лежал янтарный самородок с любимой Кузиной стрекозой. Рядом с ним, на краешке пристроились аммониты, с другого конца, для того чтобы не дать столу перевернуться, а, скорее принуждая его рухнуть на пол, стояли кристаллы турмалина, винно-черные даже в лучах ослепительного солнца.

Веранду Кузино дома заливали лучи садящегося солнца. Федор все еще болел, и старался быть на солнце как можно больше, но все равно мерз, даже не смотря на невероятную жару, что была этим летом. Кузя принес из погреба ведро каменного угля и начал растапливать камин. Федор, решив, что ему уже недостаточно просто лежать, с утра нарубил поленицу дров, очень устал, и даже не пошел к себе в спальню, устроившись на веранде.

Федор полулежал на софе, перебирая струны гитары. Кузя уморился перетаскивать и сортировать новые игрушки, и теперь присел отдохнуть. Растопив камин, Кузя уселся у стола в своей любимой позе, раскачиваясь на стуле. Но то, что было приятным теплом для заболевшего феникса, пусть даже и бывшего, для человека было нестерпимой жарой. Помучившись на жаре несколько минут, Кузя встал, что бы найти себе место прохладнее.

Окинув веранду взглядом, он встал со стула и пересел на место максимально удаленное и от камина и от Федора, привычный к тому, что друг обязательно зацепит стул, если ему выпадет такой шанс. Этой игре было столько лет, сколько Кузьма себя помнил. Федор внимательно следил за перемещениями Кузи. Убедившись, что Кузя вне его досягаемости, Федор переключил свое внимание на гитару и начал играть сначала тихо, потом все сильнее и ярче.

Но достойной музыки не получилось — как только он начал проигрыш к романсу, на чердаке раздался вой и грохот. Федор прихлопнул струны.

— Что там такое?

— Васька небось подрался.

— С кем он там может драться?!

— Сам с собой, ясьень пень! Опять небось поспорили, чья «красавица» красивее!

Кузя, наконец, достиг полного равновесия на стуле и наслаждался моментом невесомости, закрыв глаза, не замечая, как Федор осторожно подвинулся на софе, примериваясь для броска. Для этого было необходимо отложить гитару. Поэтому следовало продолжить разговор, что бы отвлечь Кузино внимание.

— А что, разве есть разногласия по этом вопросу? Кажется младший всех уже просветил, что его ненаглядная — самая самая... ненаглядная.

В этот момент дом содрогнулся от возмущенного рева.

— Вот те раз! — Кузя поднял голову к потолку, словно надеясь увидеть, что происходит в мансарде.

Федор, воспользовавшись замешательством Кузьмы, мгновенно достиг точки, из которой он мог нарушить его нирвану и, ловким движением соскользнув с дивана, подцепил ножку раскачивающегося стула. Но, бывший начеку, Кузя вскочил на ноги, и вновь оказался вне досягаемости Федора. Стул с грохотом упал на пол.

На чердаке раздавался уже не просто вой. Там было что-то невообразимое от топота и утробного рева.

Кузя возмутился:

— Да что они там затеяли! Опять дом подожгут!

Кузьма поднял стул и, поставив его на место, пошел в глубь дома.

Федор, вновь удобно устроившись на софе и укутавшись в плед, спросил в спину Кузе, просто желая его подразнить:

— Соседи ни разу МЧС не вызывали?

Кузя на пороге удивленно обернулся:

— Приехали разок... — не договорив, он ушел.

Было слышно, как скрипят половицы, все более удаляясь, и, наконец, стали не слышны, а потом прекратилась беготня на чердаке. Через несколько минут в двери возник Кузя.

— Так что с МЧС? — сонно спросил Федор.

— А... — Кузя переставил стул и уселся еще дальше, чем в первый раз, — Ну... Я сказал, что палеонтолог.... Это, мол ископаемое... Они поверили, кажется... А... Я, когда они приехали... Да я даже не заметил, как они в дом-то вошли, я топор точил в гараже... глядь, из дома кто-то бежит... Ну я и выскочил наперерез!

Федор захохотал так, что уронил на пол гитару. Его смех был заразителен, и Кузя присоединился к веселящемуся другу, засмеявшись, первый раз после гибели Всеславы.

В этот момент на веранду, тяжело отдуваясь и сопя, вышел Вася. Средняя его голова всхлипывала и вытирала крыльями слезы. Подойдя к Федору, она ткнулась ему в бок и, всхлипывая, пробормотала:

— Федя-я-я! Они говоря-я-ят, она-а-а не настоящая-я-я!

За «спиной» младшего две другие головы подмигнули Федору, но он нахмурился и погладил среднюю по носу:

— Ну, как же она не настоящая! Помнишь Виктора, рыжего дракона? Это он привез «Венеру» Рубенса из Вены, прямо из галереи Линхенштейн. А вы, что издеваетесь над младшим?! Лбы здоровые!

Две «старшие» головы смущенно заморгали и потерлись щеками о голову «младшего». Тот всхлипнул и поглубже зарылся носом в плед Федора.

— Ну, забирайтесь ко мне...

Второй раз приглашать не пришлось — Васька тут же залез на диван, отчего тот протестующе заскрипел, и прижался к боку Федора, стратегически расположив правую и левую головы у него на плечах. Средняя голова, все еще продолжая тихонько всхлипывать, устроилась на макушке Федора, повозилась и успокоено замерла.

Устроившись в «объятиях» Васьки, доктор снова взял гитару и запел романс. Солнце играло на великолепном дереве старинной гитары, на блестящих струнах, на полированной мебели, на стеклах и хрустале, на кристаллах и янтаре, и вся комната переливалась ослепительным светом так, что у Кузьмы заломило в висках, а глаза заслезились. Он перевел

взгляд на Финский залив, но и там не было ничего не сверкающего — садящееся солнце зажгло каждую волну, подарив бесчисленным складкам на глади залива по огненному гребню.

Тогда Кузя закрыл глаза и стал слушать музыку. Пока Федор поет, можно не ожидать коварного нападения...

Конец.

Больше книг на сайте - Knigolub.net